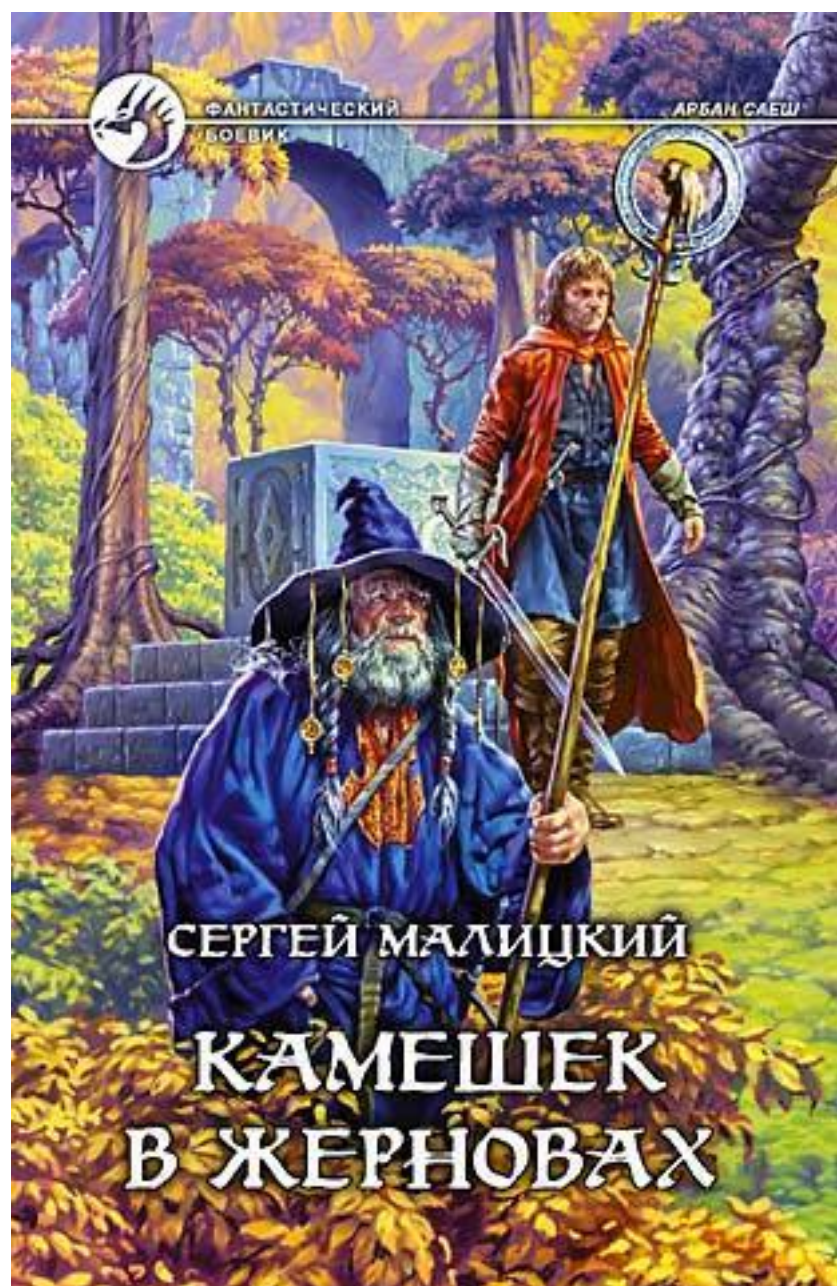

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРБАН СЛЕШ

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
КАМЕШЕК
В ЖЕРНОВАХ

Арбан Саеш

Сергей Малицкий
Камешек в жерновах

« Автор»

2006

Малицкий С. В.

Камешек в жерновах / С. В. Малицкий — « Автор»,
2006 — (Арбан Саеш)

ISBN 5-93556-784-9

Битва за мир Эл-Лиа продолжается. Ужасные демоны сошлись в смертельной схватке за власть над миром. Дым застилает серое небо. Беда стоит на пороге каждого дома. Предчувствие гибели охватывает целый мир. Когда демоны или боги начинают сводить счета и мериться силой, смертным остается только одно – не обратиться в зерна, брошенные в каменные жернова.

ISBN 5-93556-784-9

© Малицкий С. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	53
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	75
Глава 12	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Малицкий

Камешек в жерновах

Пролог

Урисс крадучись вошел в зал и почтительно замер у дверного алтаря. Принц поморщился, но продолжил упражнения. Тяжелые мешки с песком поднимать было не в пример труднее, чем металлические стержни, но Сайрс, который обучал наследника фехтованию, раддской борьбе и верховой езде, настаивал на мешках. Что ж, ему видней. Однако на сегодня хватит. Валл бросил мешки на пол, легко встал на руки, соединив носки и вытянув тело в струнку, замер на мгновение, затем согнул локти, коснулся каменных плит кончиком носа, резко выпрямил руки и вновь оказался на ногах.

– Твое тело совершенно! – льстиво заскрипел старик. – Тебе есть чем гордиться, будущий король Эрдвиз!

– Пока меня зовут Валл! – неприязненно оборвал дворецкого принц, стирая с тела пот куском грубой ткани.

– Уже сегодня тебя будут звать Блистающий Эрдвиз! – согнулся в поклоне старик.

– Значит, пришел срок? – чуть дрогнувшим голосом спросил Валл и подозрительно взглянул на Урисса: не заметил ли старик мгновенную слабость?

Дворецкий стоял неподвижно, уткнувшись взглядом в пол.

– Что я должен делать? – холодно поинтересовался принц.

– Побеседовать со мной, – почтительно произнес Урисс. – Потом женщины подготовят тебя к обряду.

– О чем мне говорить с тобой? – презрительно бросил Валл.

– Обо всем, – растянул губы в улыбке старик. – Не упрямясь. Это часть обряда. Так заведено. Я буду ждать тебя в верхней галерее. Ты придешь?

Принц не ответил. Он набросил на плечи легкую куртку и быстрым шагом отправился на южную террасу. Валл редко приходил в эту часть дворца. Он словно боялся растратить воспоминания и ощущения попусту. С того дня как тело матери сожгли на погребальном костре и пепел развеяли по ветру, принц появлялся здесь не более полудюжины раз. Каждое из посещений казалось ему последним. Вот и теперь то же самое чувство схватило за горло.

Валл толкнул тяжелые двери, шагнул на открытую площадку и на мгновение закрыл глаза. С гавани тянуло свежим ветром, не успевшее остыть тело овеяло прохладой, но каменные плиты, впитавшие тепло Алателя, грели босые ноги. И все же холод не оставлял Валла. Он таился в груди наследника с детства. Правда, раньше он настигал принца, только когда Валл сталкивался с взглядом отца, но именно на южной террасе холод овладел принцем окончательно. В тот день шестилетний мальчишка стоял, прижавшись к сестре. Альма придерживала брата за плечо и, как и принц, не могла оторвать глаз от синих пятен на горле матери. Жрец пирамиды, горбоносый Сатэ, расставил вокруг костра курительницы и начал кружиться, исполняя танец смерти. Дым щипал глаза. Валл пытался рассматривать конус пирамиды, башни дворцовой ограды, поднимался на носках, стараясь увидеть паруса в гавани Слиммита, но взгляд возвращался к телу матери. Наконец в руках Сатэ вспыхнул факел, жрец поднес его к тщательно уложенным поленьям, и пламя мгновенно охватило приготовленное лакомство. Альма стиснула плечо мальчишки так, что Валл сморщился от боли, но ни она, ни он не произнесли ни слова. И тогда перед детьми появился отец. Он оттолкнул сына в сторону, взял Альму за локоть, грубо провел рукой по щеке дочери, по груди, бедру, довольно усмехнулся и, на мгновение взглянув на Валла, окликнул начальника стражи:

– Сайрс! За щенка теперь отвечаешь ты. Головой!

Валл вздрогнул от прикосновения, обернулся. За спиной стояла нянька-рабыня. Принц нахмурился, старуха не имела права приближаться к нему, но в ее глазах стояли слезы.

– Прощай, Валлиси, – прошептала рабыня.

– Разве мы больше не увидимся? – удивился принц.

Рабыня молча замотала головой.

– Прощай, Кута, – заставил себя сказать Валл и направился в верхнюю галерею...

Урисс уже ждал его. При виде принца он торопливо поднялся с деревянной скамьи, согнул и так сутулую спину. Валл опустился в глубокое кресло, кивком разрешил дворецкому сесть, глотнул из кубка светлого вина:

– Я слушаю тебя...

Урисс кивнул и монотонно зачитал, пересказывая давно известную Валлу историю:

– Когда холод отступил к Ледяным горам и радды вышли из своих укрытий, молодой вождь одного из племен привел соплеменников к берегу западного моря. Здесь радды и отыскали древнюю пирамиду, возведенную еще их покровителем Бренгом, но только когда прошли годы, внук вождя Эрдвиз сам стал правителем раддов и сумел открыть священные двери. Именно он вошел внутрь пирамиды, в которой хранились древнее знание и сила раддов.

– Там он нашел меч Икурна, закаленный легендарным служителем Бренга в крови архов, коснулся клинка, который не потерял остроты за лиги лет, и поранил себя, – насмешливо продолжил Валл. – И в голове моего далекого предка сразу же проснулись знания и сила ушедших поколений великого народа. Я слышал древнюю историю лиги раз! Предлагаю пропустить эту часть рассказа.

– Обряд необходимо выполнить строго в соответствии с канонам, принц, – осторожно продолжил Урисс. – Король Эрдвиз состарился, твое время пришло. Все короли Аддрадда проходили посвящение.

– Тогда к чему разговоры? – презрительно бросил Валл. – Зови рабынь, пусть готовят меня!

– Ты должен утолить боль души, – еще ниже склонился Урисс. – Получить ответы на все вопросы, которые тебе кажутся важными. Успокоиться. Спокойствие – это главное!

– А ты не думаешь, что ответы на вопросы способны не успокоить меня, а разорвать на части? – холодно поинтересовался Валл.

– Скоро меч Икурна станет твоим, – смиренно проговорил Урисс. – Вот тогда ты и получишь право на гнев. Но без спокойствия обряд не получится... Спрашивай меня, принц. Я постараюсь ответить, если это в моих силах.

– Лучше бы я задавал вопросы собственному отцу! – воскликнул Валл. – Неужели ты думаешь, что я хоть на мгновение поверил учителям, которые заставляли меня тренировать тело, но отказывали в постижении наук, говоря, что знания и опыт придут ко мне готовыми во время обряда? Скорее всего, мне придется, как и моим предкам, изображать мудреца, оставаясь неучем!

– Скоро ты узнаешь и это, – миролюбиво улынулся Урисс.

– Где моя сестра? – резко спросил Валл. – Где Альма? Мне удалось узнать, что она покинула свой замок! С кем встречался Эрдвиз в Багровой крепости?

– Альма жива, – успокаивающе закивал Урисс. – Она стала ангской княгиней, правительницей Индаинской крепости, но говорить об этом громко не следует. Пока еще Эл-Айран не принадлежит Аддрадду! Мы не должны подвергать жизнь Альмы опасности! Мужественных раддов бояться и не любят. Твой отец многое сделал, чтобы исправить это, но не все.

– Неужели он хотел избавить разжиревших салмов и эссов от страха? – прищурился Валл.

– Он хотел превратить их страх в леденящий ужас, – мягко поправил принца Урисс. – Тебе продолжать священные войны. Человек, с которым блистающий Эрдвиз встречался в Багровой крепости, – наш союзник. Он владеет Дарой!

– Но он не подданный Аддрадда! – воскликнул Валл. – В то же время на его груди черный диск?

– Все мы дети и слуги Бренга, – примиряющее проговорил Урисс. – Черный диск для нас – знак общей скорби об уничтоженной родине. Черный диск – это символ того, что Алатель не может согреть нас и осветить наш путь, пока украденные нечестивцами языки пламени Эла скрываются в тайных хранилищах Эл-Айрана.

– В тайных? – презрительно усмехнулся Валл. – Что-то я не слышал, чтобы первосвященник храма Эла в Империи слишком уж тайлся!

– Этот подвиг – вернуть божественное пламя собственному народу – достойное испытание для твоей доблести, принц! – почтительно поклонился Урисс. – Что еще ты хочешь узнать?

«Зачем отец задушил мать?» – едва не выпалил принц, но сдержался. Урисс покорно ждал вопросов.

– Ладно! – отрезал Валл. – Зови рабынь. Дорога не станет короче, пока не сделаешь первый шаг! К тому же я хочу есть, а в соответствии с обрядом сегодня мне придется остаться без обеда.

– Твоя воля скоро станет волей короля! – снова склонился перед принцем Урисс и размеренно ударил несколько раз в ладоши.

С первым ударом двери бывших покоев Альмы распахнулись, и оттуда выбежали рабыни. Запахло цветочными маслами. Нежные, боязливые руки подняли принца, уложили на стол, сняли одежду и принялись готовить к обряду. Ничто старое не должно было перейти в его новую жизнь. Девичьи руки омывали тело, обрезали ногти, тщательно сбрасывали волосы. Валл погружался в состояние блаженства, оставаясь холодным и безучастным. Уроки Сайрса не прошли даром. Принц легко управлялся с внутренним пламенем. Когда прохладная ткань ритуального платья коснулась тела, он услышал довольное кряхтенье Урисса. Вновь раздались хлопки, рабыни поспешно прошелестели босыми ногами по каменным плитам, а со стороны главной галереи раздалось лязганье доспехов. Гвардейцы Эрдвиза пришли за своим новым правителем. Не прикасаясь к принцу, они подняли его на плечи вместе со столешницей и понесли к выходу.

Валл плавно плыл в воздухе и, не открывая глаз, угадывал, где он. Вот твердое ложе слегка наклонилось, шаги гвардейцев стали чаще – они спускаются по главной лестнице. Вот запах цветущий аронии зашевелил ноздри, послышалось журчанье воды, лицо обдало свежестью. Весна. Старый садовник Нарс открыл створки окон зимнего сада. Вот тело овеяло холодом, отзвук чеканных шагов затих, дыхание вармов гвардейцев шорохом проникло в уши – ряды стражи выстроились на площади запретного города до входа в черную пирамиду. Вот холод стал неприятным, напоминая стылость могильного склепа. Запахло копотью факелов. Вновь накренилось ложе, и шаги гвардейцев вновь стали чаще – они поднимались по лестнице к главному алтарю.

Валл приоткрыл глаза. Ничего нового, отличного от описания обряда, о котором он, кажется, знал все. Три каменных ложа, сходящихся изголовьями к алтарю, в котором вновь, как и вармы лет назад, торчал неказистый и простой на вид меч Икурна. Сатэ, начинающий расставлять извечные курильницы. Жрецы пирамиды, закутанные в багровые сутаны и напоминающие разжиревших свиней. Урисс, старающийся укрыться в тени. Сайрс, вытирающий потные ладони об одежду. Бледный юноша, назначенный в жертву Бренгу, с наполненными ужасом глазами. Отец...

Король Эрдвиз лежал сложив руки на груди и смотрел вверх. В мгновение, пока гвардейцы опускали столешницу, Валл успел разглядеть сильные руки, твердый подбородок, седые, но еще густые волосы, почувствовал дыхание пожилого, но крепкого человека – и вдруг испу-

гался. Внезапно он подумал, что однажды, пусть и через много лет, вот так же и сам, будучи еще крепким стариком, увенчанным славой воином, встанет перед необходимостью расстаться с жизнью в пользу своего пока еще не рожденного сына.

«Придет время, тогда и поговорим!» – успокоил себя Валл и крепко зажмурился. Уверенные руки подняли его с дерева и опустили на камень. Потянуло запахом ритуального дыма. Сатэ начал торжественные песнопения, хотя с его голосом лучше всего было бы служить на конюшне. Жрецы пирамиды попытались ему вторить, но выходило еще хуже. Голоса разбредались, слова путались. Валл даже раздраженно поморщился и удивился, что собственное лицо не подчиняется ему. Движение губ получилось замедленным и неловким. Неужели дым усыпляет? Или действует нестройное бормотание жрецов? Ничего, главное – перетерпеть обряд, уже сегодня его жизнь переменится.

Звякнул о камень меч. Рядом забился в ужасе жертвенный радд. Юноша попытался закричать, но чья-то ладонь зажала ему рот. Через мгновение мычание сменилось жалобным вскриком, затем всхлипыванием. «Размазня! – зло прошептал про себя Валл. – Слушай, как терпит боль будущий король!» Потные пальцы жреца коснулись обнаженного плеча принца, сквозь зажмуренные веки Валл почувствовал отсвет факела на клинке Икурна и ощутил мгновенную боль. Словно стальная игла пронзила тело. Спекающая внутренности боль побежала к локтю и сердцу. Принц глубоко выдохнул и вдруг понял, что взлетел, поднялся высоко вверх, под светлый купол, который ничем не напоминал мрачные внутренности пирамиды Слиммита. Где-то рядом невидимый, но близкий голос успокаивал принца. Словно уже почти забытая им мать настойчиво повторяла: «Потерпи, уже скоро!» «Почему же скоро?» – не понял Валл, но голос усиливался, настойчиво повторяя увещание. «Все в порядке!» – попытался выкрикнуть Валл, но слышал только сип. Откуда-то появились боль в груди и изнуряющая слабость. Принц медленно открыл глаза и замер. Возле его каменного ложа стоял он сам и смотрел сам себе прямо в глаза. Чувствуя, что сердце останавливается, Валл тяжело сел, удивляясь слабости в руках, оглянулся на тело короля, превратившееся в тело мертвого человека, вновь обернулся к копии самого себя и все понял. Принц Валл смотрел на принца Валла глазами короля Эрдвиза. Холодными провалами. Кусками заледеневшего пламени. Через мгновение, проклиная слабость жертвенного юноши, принц рванулся в сторону, но уроки Сайрса не прошли даром. Новый король Эрдвиз настиг жертву одним прыжком и резким ударом навсегда погрузил ее в мрак.

Часть первая

Мгла над Эл-Айраном

Глава 1

Азра

Азра горела. Языки пламени поблескивали над россыпью хибар в южной части города, над особняками знати по берегу, над торжищем, забирающимся на склон холма. Удушливый смрад бил в ноздри, дым скрывал пристань и клочьями полз над мутными водами Индаса. Хейграст направил джанку к берегу, Дан и Баюл осторожно орудовали веслами, вглядываясь в фигуры воинов у пустынных причалов.

– Васты, благодарение Элу! – воскликнул нари, разглядев высокие шапки, широкие мечи и округлые щиты, увенчанные острым шипом по центру.

– Васты-то они васты, – Баюл с усилием загребал, почти свесившись с борта, – да только ты-то ведь нари! Не забывай об этом, зеленокожий!

– Я не лигский нари, – успокоил банги Хейграст, – так что постараемся договориться. А не получится, будьте готовы отчалить. Луков я у стражи не вижу.

– Нам только луков не хватало! – пробурчал Баюл.

Дан смотрел на берег молча и чувствовал, как ужас сжимает сердце. Именно так выглядели воины, сравнившие Лингер с землей. Вот уже джанка скользнула по илистому дну. Хейграст оставил руль и направился с канатом на нос.

– Держи-ка, любезный, – бросил он конец вымазанному сажей толстяку. – Судя по твоей физиономии, Азра еще не сдалась врагу?

Толстяк ловко прихватил узлом канат на вбитом в глинистый берег столбе, выпрямился и тут же возмущенно заорал:

– Демон тебя задери, нари! Я что, портовый служка, чтобы твою джанку чалить?

– Однако это у тебя получилось ловко, – примиряюще заметил Хейграст, спрыгивая на берег. – Что творится в городе?

– Кто ты такой, чтобы я давал тебе отчет? – звякнул мечом толстяк. – И не твои ли родичи убивают вастов?

Дан испуганно вгляделся в лица воинов. Тронувшие было их губы улыбки сменились злым прищуром.

– Я отчета не требую, – нари протянул толстяку подорожную, – но, если твой город сопротивляется врагу, готов позавидовать. Мой город пал, пока я был в отъезде. Все, что у меня и моих друзей осталось, – вот эта подорожная, да надежда, что я смогу найти своих близких в Азре. Больше искать их негде. В Индаине и Кадише я уже был.

– Не хочешь ли ты сказать, что, если бы оставался в Эйд-Мере, вольный город устоял бы перед врагом? – неприязненно ответил толстяк, смиряя злость и возвращая подорожную. – Нары нет в Азре. Я бы и тебе не советовал соваться на его улицы. В городе только воины тана и воры. Мародеры жгут и грабят дома. Стражники убивают их. Твое лицо не внушит доверия ни тем, ни другим.

– Мое имя Хейграст! – гордо сказал нари. – Оставшись в Эйд-Мере, вряд ли я прожил бы слишком долго, но и враг недосчитался бы дюжины воинов, а может, и двух. Я не покину Азру, пока не буду уверен, что моей семьи здесь нет.

– В таком случае я не несу ответственности ни за твою шкуру, ни за твоих спутников, – зло бросил толстяк. – И за твою джанку тоже! Старики, женщины и дети ушли из Азры. Оста-

лись только те, кто готов умереть, но не дать позору покрыть собственные имена! Исключая воров. Но с ними мы покончим еще до подхода нари!

– Кстати, – заметил Хейграст, – свое имя ты так и не назвал, доблестный воин?

– Меня зовут Рар! – Васт постарался выпрямиться и подтянуть живот.

– Отличное имя, – улыбнулся нари. – Аенор!

Лежавший у мачты под куском парусины пес тут же вскочил на ноги и осторожно шагнул к борту, заставив корабль накрениться на одну сторону.

– Аенор, – продолжил нари, поворачиваясь к вытаращившей глаза страже, – перед тобой славные воины Азры. Если кто-то посягнет на нашу джанку, за помощью обращайся вот к этому командиру. Его зовут Рар.

– Ррр, – негромко зарычал пес, почти повторив имя васта.

– Правильно, – кивнул Хейграст. – А мы пока сходим в город. Опыт подсказывает мне, что не все жители покинули прекрасную Азру. Всегда найдется пара дюжин лавочников и домовладельцев, которые скорее умрут, чем бросят нажитое!

– Эл всемогущий! – едва смог вымолвить Рар, не в силах отвести глаз от укладывающегося на палубу пса. – Откуда ты взял такое чудовище?

– Скажу тебе по секрету... – прошептал Хейграст. – Всякий пес вырастает до таких размеров, если его хорошо кормить! Но ты забыл главное: ярлык. Или ты в самом деле хочешь подвергнуть нас опасности?

– Держи! – Рар с досадой сунул Хейграсту испещренный вастскими письменами кусок пергамента. – Ты первый, кто приплыл сюда за последнюю неделю. Все теперь только уплывают. Ни одной скорлупки не осталось у причалов! Ты и сам не задерживайся. Нари уже недалеко. Возможно, завтра к вечеру они войдут в город. Все беженцы ушли либо в сторону Кадиша, либо скрываются на болотах. Но там долго не продержишься. Все, у кого были лодки, отправились к Индаину, рассчитывая выйти в море.

– Мы встретили множество судов, – кивнул Хейграст. – У этих людей есть надежда. Ари и анги сожгли в Индаине пиратский флот.

– Надежды мало у тех, кто остался, – хмуро бросил Рар. – Вместе с лигскими нари идут другие ари. Это колдуны. Те из вастов, которым удалось бежать от зеленых отрядов, говорят, что они используют магию, против которой ничего не помогает!

– Как же вы собираетесь оборонять крепость? – прищурился Хейграст.

– Так, как всегда обороняются крепости! – воскликнул Рар. – Пока в ней есть хоть один защитник, крепость непобедима!

– Я желаю стойкости защитникам Азры, – серьезно сказал Хейграст. – В этот раз у нас общий враг.

– А когда у нас были разные враги? – нахмурился Рар.

– Когда васты жгли Лингер и убивали родителей моего молодого друга, – хмуро сказал Хейграст, давая знак Дану и Баюлу прыгнуть на берег. – В Азре были беженцы из Эйд-Мера?

– «Были», – буркнул Рар. – Но теперь город пуст. Войско вастов разбито. В крепости остался лишь небольшой гарнизон.

– А дружина тана где? – спросил Хейграст.

– Ушла вверх по течению к Багзе, но, если крепость Азры падет, там будет так же горячо, как и здесь, – опустил голову Рар.

– Кто командует обороной? – не отставал от воина Хейграст, оглядываясь на белые стены крепости, венчающие городской холм.

– Старший сын тана Орм! – гордо сказал воин.

– Что ж, – Хейграст задумался, – удачи ему. Мы идем в город.

– Из тех, кто сжег Лингер, не осталось в живых ни одного воина! – крикнул Рар вслед друзьям.

– Кроме того, кто их туда посылал, – ответил себе под нос Хейграст.

– Куда мы идем? – спросил Дан, когда друзья миновали пустое торжище и, оставляя крепость по правую руку, углубились в лабиринт узких переулков, стиснутых двухэтажными домами, напомнившими мальчишке вастские улицы Индаина.

– В квартал выходцев из Эйд-Мера, – объяснил нари. – Войны войнами, а торговля с Азрой не прекращалась никогда. В конце концов, однажды нынешний чванливый тан, который пытался лечить уязвленную гордость в долине Уйкеас, передаст правление собственному сыну, о котором даже я слышал немало хорошего. Вот тогда торговую площадь у городской стены Эйд-Мера вновь будут заполнять вастские торговцы.

– Сначала надо освободить Эйд-Мер, – буркнул Баюл, с опаской оглядывая выбитые окна и двери домов, закопченные каменные арки и провалившиеся кровли целых кварталов.

– Освободим, – уверенно сказал Хейграст. – Зло как болезнь. Трясет она элбана, лишает его аппетита и сна, застилает глаза пеленой, а разум бредом, но рано или поздно проходит.

– От болезней умирают, – с сомнением заявил Баюл. – И это случается довольно часто!

– Лекарей хороших маловато! – с сожалением заметил Хейграст. – Но они есть!

– Почему ты не спросил у этого Рара о Кагле, которому мы должны передать камень? – спросил Дан, нащупывая на груди мешочек с Рубином.

– Осмотримся сначала, – вздохнул Хейграст. – Благодарение Элу, у нас есть день. Сейчас переговорим с кем-нибудь из земляков, потом займемся Каглом... А вот и дом старого Хлюпа! – прошипел он, выдергивая из ножен меч.

Дан повернул голову и потянул с плеча лук. Полдюжины плечистых мужчин в вастских халатах пытались высадить дверь на первом этаже потемневшего от времени дома. Подрагивал жестяной меч, подвешенный над крыльцом, блестели выбитые стекла.

– Через окно! – громко посоветовал Хейграст. – Решетки, конечно, железные, но можно попробовать перегрызть. К чему беречь зубы, все равно с ними расставаться!

Мгновение оторопевшие воры разглядывали нари, затем пригляделись к его спутникам и подняли топоры, которыми перед этим рубили дверь.

– Не вовремя ты появился в этом дворе, зеленокожий! – радостно заорал самый высокий из грабителей... – Сейчас мы выпотрошим твое брюхо, а потом вновь примемся за старичка-оружейника. Или ты желаешь сначала посмотреть, как мы будем потрошить твоих малы...

Слово «малышей» васт не договорил. Стрела Дана вышибла ему несколько зубов и пронзила язык вместе с глоткой. Главарь, захрипев, повалился на камень, а оставшиеся без проводителя воры приняли не самое верное решение. С выпученными глазами и диким ором они бросились на противника. Только один из них успел понять собственную ошибку. Стрела Дана пронзила ему грудь, но смерть дала несколько мгновений, чтобы разбойник успел увидеть, как меч Хейграста рассек тела троих его дружков, а пика в руках Баюла вспорола живот четвертому.

– А ведь моя левая рука в полном порядке! – заметил Хейграст, протирая клинок. – Сколько прошло времени, как маг Шаахрус коснулся ее?

– Полторы недели, – хмуро ответил Баюл, помогая Дану оттаскивать трупы к стене здания. – Сегодня первый день месяца магби. Только никакой этот белу не маг!

– Вот и лето в разгаре, – задумчиво проговорил Хейграст, задвигая меч в ножны. – А кто же он? Демон?

– Не знаю, – недовольно буркнул банги, пристраивая у стены последнего из разбойников. – Я в гадании несилен. И в демонах не разбираюсь. Да только не слышал я о магах, которые из воздуха появляются и в воздухе же тают.

– Я тоже много чего не слышал, – кивнул нари. – Но когда другого объяснения нет, готов довольствоваться и таким. Ты лучше скажи, чем недоволен? Или зацепили тебя ненароком?

– Нет, – махнул рукой банги. – Не зацепили. И увещевать меня не надо. Я с тобой и с Даном, чтобы ни случилось. Война, такое дело. Если уж подыхать, то в схватке, а не в норе, в которую враг пику не глядя сунет. Тут другое. Не привыкну я никак. И понимаю, что дрянного элбана прикончил, а все одно словно в дерьме вымазался. Не могу...

– Не объясняй, – нахмурился Хейграст. – Все знаю. Вот в тот момент, когда тебя, Баюл, чья бы то ни было смерть будет радовать, наши пути разойдутся.

– Не разойдутся, – успокоил его банги.

– А по мне, так смерть врага может и радость принести, – заявил Дан, отчаявшись выдернуть стрелу из крепкой груди мертвого разбойника.

– Я не о той радости говорю, – поморщился Хейграст. – Избавить Эл-Айран от негодяя – радость, конечно, да только некоторые воины к этой радости и другую добавляют: убивать, чтобы убивать. Ладно, не перед вами мне распинаться, что-то старик голоса не подает. – Нарі наклонился к разбитому окну, принялся, затем ударил ногой в изуродованную топорами дверь. – Хлюп! Где ты там? Неужели ктар хлебаешь? Открывай, что ли!

Несколько мгновений за дверью стояла напряженная пауза, затем раздалось шарканье, и хриплый голос недоуменно проговорил:

– Никак Хейграст?! Или у меня в голове что-то звенит?

– Сейчас зазвенит! – довольно расхохотался нари. – Открывай да готовь чаши! Мы только что с дороги.

Заскрежетал засов, дверь заскрипела, и на пороге оружейной показался хозяин. Им оказался невысокий, едва ли выше Дана, белоголовый старичок. Хейграст окинул взглядом босые ноги, драные ниже колен холщовые штаны и жилет, надетый на голое стариковское тело, и недоуменно покачал головой:

– Что-то мне и ктар расхотелось пить. Что с тобой, Хлюп? Из всех вастских стариков ты всегда был первым франтом!

– Заходи, Хейграст. Нечего разговоры на улице вести, – сморщил и так негладкое лицо старик. – И дружков своих заводи. Ох, время дикое! Кто бы мог подумать, что однажды у порога моего дома лучший оружейник Эйд-Мера будет убивать воров?

– Неужели ты мог подумать, что Хейграст увидит, как разбойники потрошат дом старика Хлюпа, и пройдет мимо? – удивленно рассмеялся нари.

– Не знаю я, что и думать, – печально махнул рукой старик. – Пропала Азра. Пропал Индаин. Пропал Эйд-Мер. Лигские нари в дне пути, а я тебе скажу, что и они пропали. Верь старику, Хейграст, пропал Эл-Айран!

– Ну я бы не торопился копать могилу, если у больного болит рука, – улыбнулся Хейграст, усаживаясь за стол.

– Рука? – усомнился Хлюп, пододвигая Баюлу и Дану скамью. – А не голова ли? И не срублена ли уже?

Дан вслед за Баюлом присел к столу, принял в руки глиняную чашу, согретую теплом напитка, огляделся. Оружейная Хлюпа была пуста. Поблескивали осколками стекол два ряда окон, терялся в клочьях паутины высокий на два этажа потолок, зияли пустыми полками шкафы.

– Срублена, говоришь? – задумался Хейграст. – Не согласен я, Хлюп. Пока мои руки держат меч, пока мой младший приятель Дан в состоянии натянуть тетиву, пока этот замечательный банги Баюл не выпустил из рук пики, голова Эл-Айрана не срублена!

– Не об этом я, – досадливо махнул рукой Хлюп. – Чувствую, что Эл оставил своей заботой Эл-Лиа! Война войне рознь. В летописях Азры не одна война с лигскими нари упомянута, да только никогда их не вели ари. А где ари, там и колдовство! А против колдовства с мечами

не больно-то выстоишь. Ты не думай, что мы тут в стороне, здесь всякая весть свое ухо находит. Сначала сюда хлынули беженцы с равнины, затем из Индаина, потом и из Эйд-Мера добрались. А кроме того, немало кузнецов-вастов сложили головы на тропе Ад-Же. Единицы из них добрались до родных порогов, а уж руды не привез никто. Только неутешительные вести из Аддрадда, из Плеже. Где сейчас васты? Разбежались, как гнилушницы из-под коры, да только бревно-то, которое они грызли, в костре горит! Некуда спастись.

– Горит, говоришь? – Хейграст поставил чашу на стол. – А сам-то отчего не спасаешься? Где товар? Неужели весь продал?

– Продал, – горько кивнул старик. – Орму за четверть цены. Бесплатно бы отдал, да только вастский принц – честный элбан. Что мог – заплатил. Надеюсь, оружие в хорошие руки попадет. А мне-то чего спастись? Куда бежать? Думаешь, я ворья боюсь? Из этих, что вы порешили, один мой бывший сосед. Видел, как стражники тана оружие вывозили, привел дружков за выручкой. Да только то ему неведомо, что дочь моя давно уже с мужем в Кадише, а выручку я с надежными людьми маленькими частями туда же отправил. Что-то да дойдет, а там уже как Эл решит.

– То «Эл оставил Эл-Лиа заботой», то «как Эл решит», – проворчал Хейграст. – Ты уж определись Хлюп, полагаться на Эла или нет.

– А сам как думаешь? – нахмурился старик.

– На себя надо полагаться. – Нари расправил плечи. – Но и забывать, что Эл все видит, тоже не следует!

– Как у тебя все гладко! – плюнул на пол Хлюп. – А я вот в сомнениях весь, потому и остался, что все своими глазами увидеть хочу. Нежели зеленокожие будут мараться о старика? Или убьют? А хоть бы и убьют, пожил я уже, хватит!

– Пожил-то пожил, да только, смотрю, просто так жизнь отдавать тоже не собираешься? – усмехнулся Хейграст, кивнув на лежащий на стойке меч.

– А с ним спокойнее! – хитро прищурился Хлюп. – Тебя-то каким ветром занесло в наши края?

– Таким и занесло, – сдвинул брови Хейграст. – Семейю ищу. И еще... элбана одного. Каглом зовут. Не слышал?

– Семейю? – Старик задумался, отхлебнул ктара. – Семейю я твою не знаю, но в Азре нари из Эйд-Мера не было. Беженцы были. Только ведь в основном крестьяне из окрестных деревень, но и они недельку потолкались да ушли. Куда – не знаю. Идти-то особенно некуда. По Индасу уплыть – лодок в Азре давно уже нет. На юг идти – полварма ли и пески до океана. На севере топь. За ней Вечный лес, сам знаешь. Тут некоторые отсидеться в топи решили. Плоты рубили, в протоки загоняли, да только долго там не просидишь. На восток к Сварии? Доходили вести до Азры, что не все ладно и в долине Уйкеас. А что касается Кагла... Как тебе сказать, вообще-то по-вастски «кагл», это как на ари «элбан». У нас так пришлых всегда звали. Вот поселись ты в Азре, и тебя каглом звать станут.

– А в Багзе беженцы были? – спросил Хейграст.

– В Багзе? – почесал лысину старик. – А кто его знает? Багза – городишко маленький. Крепость там славная, отсидеться можно – последний клочок твердой земли, а дальше болото. Топь с двух сторон, с третьей – Рилас, с четвертой – Индас. Только город-то на этом берегу. Если нари подойдут, сметут сразу, а в крепость тан, кроме дружины, никого не пустит!

– Кто это собрался прятаться в крепости Багзы? – раздался громкий голос. – Уж не ты ли, Хлюп?

Дан вскочил с места, обернулся и Хейграст. В дверях, опираясь о меч, стоял высокий воин. За его спиной поблескивали доспехи свиты.

– Чего это мне прятаться, Орм? – заторопился старик, кряхтя, поднялся, споткнулся, едва не упал, но заковылял к двери. – В моем возрасте даже смерть от руки нари может оказаться избавлением от немощи и болезней!

– Никогда не считал смерть избавлением, – твердо сказал воин. – Слишком похоже на избавление от необходимости сражаться за свою землю. Как ты смотришь на то, чтобы встретить смерть, если на то будет воля Эла, на стенах белой крепости Азры?

– Великую честь предлагаешь! – неожиданно охрипшим голосом ответил Хлюп.

– Честью смерть сама по себе не станет, – ответил Орм. – Я вижу, ты гостей встречаешь? Вот кто порубил разбойников, за которыми я гонялся два дня? Правда, я ожидал встретить воинов!

– А встретил кузнеца, охотника и каменщика, – спокойно продолжил Хейграст. – Одному из которых нет еще и двух лет после дюжины. Однако я не оцениваю воина по росту или доспехам. Я смотрю, как движется оружие в его руках, как смотрят его глаза.

– Не скрою, – Орм шагнул внутрь оружейной, – твои глаза, нари, смотрят твердо. Ваша собачка охраняет лодку у причалов?

– Наша, – кивнул Хейграст.

– Скажу сразу, беженцев из Эйд-Мера в Азре нет, – склонил голову Орм. – И в Багзе вряд ли вы их найдете. Если только в топи. Но там долго продержаться трудно, даже если знать редкие тропы. Гнус, змеи, шабры, болезни...

– Значит, нам следует поспешить, – выпрямился Хейграст. – А вы готовитесь к смерти?

– А что бы сделал ты, если на пороге твоего дома появился бы враг, который сильнее тебя во много раз? – гневно спросил Орм.

– Если бы опасность угрожала моим детям, я бы вцепился ему в глотку, – твердо сказал Хейграст. – А вот если бы моя семья была в безопасности, выскочил бы в окно. Оставил ему свой дом. Только жизни моему врагу в этом доме не было бы. Он не мог бы уснуть с открытой дверью и ставнями. Он боялся бы сгореть заживо в моем доме. Он боялся бы глотнуть воды из реки и положить в рот кусок лепешки. Он ждал бы стрелы из-за каждого дерева, а удара копьем из-за каждого угла. Рано или поздно я бы убил его и сам бы остался жив. Моим детям нужен живой отец!

– А моим мог бы сгодиться и мертвый, – негромко проговорил Орм. – Особенно если моя смерть будет оплачена лигами смертей врага, который не сможет добраться до моей семьи, до жен и детей вастов. Впрочем, ни жены, ни детей у меня нет... Подходя к дому, я расслышал конец вашего разговора. Ты ведь не только семью разыскиваешь, нари?

– Ты можешь помочь мне, принц? – спросил Хейграст.

– Не знаю, – покачал головой Орм. – Когда я был таким же мальчишкой, как твой друг, здесь, в белой крепости, жил немой лекарь. Он не мог назвать своего имени, поэтому я звал его просто кагл. Хороший был старикан. Учил меня письму, разбираться в травах. Все остальные звали его Немой.

– Он умер? – нахмурился Хейграст.

– Надеюсь, что нет, – ответил Орм. – Две недели назад, во всяком случае, еще был жив. Хотя я и не виделся с ним много лет. Моя юность прошла на западной границе, у Горячего хребта. И вот я здесь... Кагл последовал вслед за отцом в Багзу. Отец очень плох, держится только благодаря стараниям лекаря.

– Ты бы и спрашивал, нари, про немого! – осторожно вмешался Хлюп. – Чудака этого длинного я помню. Вечно на рынке толкался в травяных рядах, торговался, мычал! Если кого лечил, все по чести делал. И плату брал такую, сколько не жалко. К сожалению, сказать ничего не мог! А если и накорябает какие буквы на восковой дощечке, что толку? У нас один из дюжины читает. Хороший старик! Даже поговорка была такая у купцов: скорее Немой заговорит, чем я нарушу свое слово!

– Судя по честности вастских торговцев, немой уже давно должен был не только заговорить, но распевать на базарной площади, – с усмешкой бросил Орм. – Хлюп, ты готов поручиться за своих друзей?

– Как за самого себя! – приложил руку к груди старик. – Хейграст из Эйд-Мера – самый честный нари, которого я когда-либо встречал!

– А встречал он их нечасто, – пробормотал Хейграст.

– Скоро уже будет с кем сравнивать, – беззлобно огрызнулся Хлюп.

– Держи. – Орм бросил нари монету. – Монета медная, отчеканена давно, в ходу таких нет уже, только ты уж не потеряй ее, а то в Багзе с тобой даже разговаривать никто не станет.

– Чем я обязан такому доверию? – спросил Хейграст.

– Не знаю, – удивленно скривил губы принц. – Правители иногда совершают странные вещи.

Орм взглянул на Дана и неожиданно добавил:

– И не все из них угодны Элу.

– Милость молодого тана похожа на попутный ветер против течения Индаса до Азры, – прошептал Баюл.

– На попутный ветер я бы рассчитывать не стал, – жестко сказал Орм. – А теперь спешите. Стража покидает город, уходит в крепость. Нари движутся быстрее, чем мы думали. После полудня они будут в городе!

Едва на узких улицах Азры затих стук копыт, как Хейграст замер на мгновение, прислушался и помчался вниз по улицам бегом. С окраины города донесся гул барабанов. Дан и Баюл с трудом поспевали за нари, который после прикосновения Шаахруса и нескольких дней путешествия по Индасу вновь стал прежним – сильным, быстрым и уверенным. Разве только глаза у него были теперь иными.

Потянувший вдоль русла Индаса ветер унес дым, обнажив брошенные повозки, разоренные причалы, разбитые лодки. Джанка покачивалась у берега в одиночестве. На палубе, широко расставив лапы, стоял Аенор и, подняв уши, вглядывался в городские кварталы.

– Ничего интересного там нет, пес! – вскричал нари, отталкивая джанку от берега. – Дан, ставь парус! Баюл на руль!

Лодка медленно скользнула по илистому дну, отошла от берега и уже было начала разворачиваться, как парус хлопнул, надулся и потащил кораблик против течения.

– Куда плывем, командир? – крикнул Баюл с кормы.

– Туда, – махнул нари на северо-запад. – Куда ветер дует. Старайся только брать ближе к левому берегу. До Багзы дня три хода. Хотя, если ветер будет попутным, может, и раньше успеем.

– А потом? – спросил Дан.

– Не знаю, – сухо бросил Хейграст и повторил в ответ на встревоженный взгляд мальчишки: – Не знаю! Смотри!

Дан обернулся к берегу. Несколько дюжин всадников показались у причалов, новый порыв ветра сорвал последние клочья дыма, и вот уже все улицы притихшего, прибитого барабанным боем города затопил серо-зеленый потоп. Нари шли сомкнутыми рядами, растекаясь ручейками по улицам и переулкам, стремительно занимая город. Только крутые склоны холма, на котором стояла белая крепость, оставались пустынными.

– Захлестнет, – прошептал растерянно Дан.

– Действительно, – кивнул Хейграст, подойдя к мальчишке. – Эта крепость как островок. Я преклоняюсь перед ее защитниками. Хотя лазейку они себе оставили. Восточные бастионы почти над самой водой. Иначе и быть не могло: без воды крепость не удержать. Должны быть водяные тоннели!

– Что толку? – горько откликнулся с кормы Баюл. – Если осада будет правильной, никто не ускользнет! Да и куда? В топь?..

Мальчишка оторвал взгляд от пузатых башен, обернулся. Посеченный почти от самого Индаина множеством протоков и стариц левый берег превратился в клочковатую светло-зеленую топь. Кудрявился болотный кустарник, бледными искрами вспыхивали плавающие цветы, доносился тяжелый запах гнили.

– А что такое «шабры»? – вдруг вспомнил Дан.

– Так васты водяных варанов называют, – нехотя бросил Хейграст. – Стуксов помнишь? То же самое, только размером больше, да живет в воде. Здесь у них самое царство. До Индаина редко скатываются, но в Индасе никто не купается по всему течению. Понятно?

– А ты говоришь «водяные тоннели», – сплюнул банги. – Как думаешь, сколько продержится крепость?

– Не знаю. – Хейграст задумался. – Укрепления хороши, но белый камень непрочен. Да и неизвестно, сколько воинов у Орма. Опять же что задумают нари? Будут жалеть воинов или нет, какие у них осадные орудия? Можно вообще взять крепость и не потерять ни одного воина при штурме.

– Это как же? – заинтересовался Баюл.

– Берется много глиняных кувшинов, – начал терпеливо объяснять Хейграст. – Кувшины наполняются водой почти доверху и ставятся под лучи Алателя. Затем ловится дюжина элбанов, зараженных болотной лихорадкой, или дюжина здоровых, которых заражают болотной лихорадкой. Они подвешиваются за ноги, и из каждого выцеживают всю возможную жидкость. И кровь тоже, как ты понимаешь. В каждый кувшин по чаше этой жидкости. Затем кувшины запечатываются смолой и баллистами сбрасываются внутрь крепости.

– И что? – состроил брезгливую гримасу Баюл.

– Защитники крепости умирают от болотной лихорадки, – закончил рассказ Хейграст.

– И часто применяется такой способ? – удрученно спросил банги.

– Он не применяется, – задумчиво сказал Хейграст. – Леганд рассказывал, что применялся когда-то... очень давно. Но от болотной лихорадки порой гибли не только защитники крепости, но и осаждающие. Есть много и других, еще более страшных способов.

– Хейграст! – растерянно оглянулся Дан. – Я никак не пойму. Мне кажется, что небо потемнело над Азрой. Эти... воины, лигские нари, они словно пьяные. Я не могу объяснить, я даже лиц их отсюда не могу различить, но чувствую, что они пьяные. И там что-то еще. Или кто-то. Мне кажется, словно он вглядывается в меня. Страшно!..

– О чем ты? – не понял Хейграст. – Обычное небо!

– Садись к рулю, нари, – неожиданно прохрипел Баюл. – Или ты забыл, что Шаахрус коснулся глаз мальчишки? Но того, кто хорошо видит, и противник замечает в первую очередь. Не медли, иначе я не смогу помочь ему!

Хейграст вздрогнул, вгляделся в побледневшее лицо Дана, бросился к рулю. Банги плюхнулся на палубу, соединил ладони и, что-то бормоча, принялся вытанцовывать пальцами.

– Ну что там? – тревожно спросил Хейграст.

– Пока отпускает, – вытер пот Баюл. – Вроде бы не зацепило. Понимаешь, это как вспышка. Тех, кто видит, слепит. Те, кто не видит, ничего не замечают.

– Ты не видишь? – нахмурился Хейграст.

– Вижу, – кивнул Баюл. – Но я знаю, когда надо зажмуриться!

– Что с небом над Азрой, Дан? – окликнул мальчишку нари.

– Оно черное, – прошептал тот.

– Знаешь, – Банги поднялся, похлопал ладонью по натянувшемуся парусу, – Альма, которая убила Лукуса, очень сильная колдунья. Но рядом с той силой, что гонит этих нари на восток, она словно ребенок рядом с воином.

– Смотрите! – прошептал Хейграст, показывая на пса.

Аенор, который все это время лежал у мачты напряженно вытянув шею, приподнялся на передних лапах, вскинул морду и завыл.

– Они все погибли, – неожиданно сказал Дан. – Все защитники белой крепости погибли.

Глава 2

Погонщики из Дарджи

Трудная дорога не располагала к разговорам. Порой Сашу казалось, что камни, по которым ступал крошечный отряд Леганда, вовсе забыли о существовании каких-либо элбанов. Не единожды путь преграждали непроходимые скалы, бескрайние осыпи и завалы, глубокие ущелья, на дне которых бурлили своенравные притоки сначала Инга, потом Маны. Каждый ли давался ценой непрекращающихся усилий. Леганд постепенно мрачнел: дорога, которую он считал нелегкой, представляла непроходимой.

– Знаете, чем жизнь отличается от сказок, что рассказывают матери маленьким элбанам на ночь? – негромко спросила Линга, когда на пятый день пути путники были так вымотаны, что остановились на отдых уже в полдень.

– Это просто, – задумался Тиир. – Хотя, может быть, в Эл-Лиа рассказывают вовсе не те сказки, что в Дарджи. В сказках все дороги короче. Как бы далеко путник ни собирался, вся дорога описывается несколькими словами. Например, «не через год, не через два, не через три, а через время и вовремя добрался удалой воин до прекрасной девушки»!

– Сказки всегда кончаются хорошо, – заметил Саш, подбрасывая веточки в жиденький костерок.

– Сказки заканчиваются, – устало улыбнулся Леганд. – А жизнь не кончается никогда.

– Сейчас мне так не кажется, – вздохнула Линга. – Но дело в другом. Небо в сказках не бывает серым, а наяву оно такое, что глаз поднимать не хочется. Боюсь, что однажды оно почернеет.

– Не должно, – не согласился Леганд. – Но мне тоже не по себе. Когда черная смерть ринулась на просторы Эл-Айрана, небо было почти таким же.

– Что такое этот дымный меч? – спросил Тиир.

– А что такое свет Эла? – в ответ спросил Леганд. – Не тот, что оказался магической змейкой невиданной силы, а настоящий, помощи вам Эл хоть на миг почувствовать его лучи! Как ответить? Если от дымного меча небо теряет свой цвет, тогда вы ничего не знаете о том, каким небо должно быть на самом деле, потому что первый раз оно поблекло, когда погас огонь Эла в прекрасном Асе!

– Агнран говорил, что огонь Эла – это его любовь, – вдруг сказала Линга.

– Агнран не видел огня Эла, – вздохнул Леганд. – Он передает словами то, что когда-то жители Эл-Лиа чувствовали своими сердцами.

– В таком случае дымный меч нечто противоположное, – помрачнел Тиир. – Может быть, нам следовало сначала сразиться с демоном, а уж потом идти к Башне страха?

– Нет, – твердо сказал Леганд. – Мы все делаем правильно. Не знаю, сможем ли мы победить демона, но уж опередить его должны. Что-то мне подсказывает, что дымный меч в руках Иллы – это большая беда, но еще не конец Эл-Лиа.

– В любом случае нам следует поспешить, – выпрямился Саш, взгляделся в отвесные кручи, которые не благоволили к путникам. – Правда, в этих скалах, спеши не спеши, мы и за месяц до озера Антара не доберемся.

– Доберемся, – уверенно сказал Леганд. – За распадком свернем к востоку и выйдем к берегу Маны. Тропа пойдет вдоль реки. Там не то что пеший, и конный проберется. Только вот с левого берега нас будет видно, тракт от Урд-Ана к Ари-Гарду тоже подходит к самой реке. Вся надежда, что там не будет слишком много путников.

Оправдаться надеждам было не суждено. Друзья вышли к бурлящей Мане уже в темноте, укрылись в скалах, но костер разжигать не стали. Костры горели на противоположной стороне.

Даже сквозь шум воды были слышны крики на другом берегу. Тиир спустился к самой воде и долго стоял, вслушиваясь, затем вернулся и возбужденно взъерошил волосы:

– Или я ничего не понимаю, или это люди из клана Кредола! Это один из князей, подписавших мое письмо. Его земли подступают к Мглистому хребту. Башня страха стоит на их границе, и я рассчитывал, что он поможет нам добраться к ней, но если он здесь...

– Если он здесь, он поможет нам! – воскликнул Саш.

– Надеюсь, – твердо сказал Тиир. – Хотя я не сомневаюсь в его прошлой чести, но что значит честь, если элбан попадает в лапы демона?

– Ты думаешь, что мы сможем добраться до Ари-Гарда по тракту? – прищурился Леганд.

– Не знаю, – сузил глаза Тиир. – Разве можно быть в чем-то уверенным, находясь в стане врага? Разве можно безоглядно доверять друзьям, если они служат врагу?

– Можно, – кивнул Леганд. – В конце концов, и мы служили императору. Правда, я бы не называл его врагом, но ведь и другом его не назовешь тоже...

– Подождем до утра, – остановил спор Саш.

Едва первые лучи Алателя сверкнули над Копийными горами, Тиир, оставив оружие, спустился к реке. Вскоре он исчез в густом тумане. Как Саш ни старался рассмотреть принца, ему это не удалось. Шумела среди серых камней своенравная Мана, пробуждались горные пичуги, чьего возмущенного щебета Леганд опасался больше, чем глаз вражеских соглядатаев, понемногу рассеивался утренний туман.

– Разве это туман? – с тревогой ворчал мудрец. – Сейчас лето. Вот через два с половиной месяца наступит осень, тогда напоздуют настоящие туманы. Можно будет пройти в двух шагах мимо элбана и не показаться ему на глаза!

– Но нельзя остаться неслышанным, – улыбнулась Линга и внезапно погрузилась. – Отец говорил мне, что туман иногда бывает столь густым, что из него можно лепить комки и бросать их в воду.

– Слышите? – нарушил тягостную паузу Леганд.

Саш кивнул. Сквозь рокот воды слышался нестройный гул. Словно в отдалении двигалось огромное войско. Звенело оружие, скрипели тележные оси, раздавались крики погонщиков и ругань командиров.

– Где-то сейчас Йокка? – задумался Леганд. – Что же все-таки случилось с Лукусом? Где славный мальчишка Дан, горячий Хейграст? Куда увела дорога доброго малого Ангеса?

– Скажи, Леганд, – Линга с интересом посмотрела в лицо старику, – случилось ли так, чтобы твои друзья – элбаны, которые много для тебя значили, – исчезали, а тебе так и не удавалось узнать, что с ними случилось?

– Множество раз, – вздохнул Леганд. – Однажды целый мир исчез, в Дэзз у меня было много друзей. Но по крайней мере я мог догадаться, что они погибли. А бывало и так, что друг отправлялся в путь и исчезал, и мне так и не удавалось узнать, то ли он остался в дальней стороне, то ли погиб от рук разбойников и голодные волки разметали его кости по степи.

– Не нравятся что-то мне эти разговоры! – поморщился Саш. – Вы лучше посмотрите на тот берег. Туман рассеивается!

Покрывало тумана уже расплзлось в клочья, и на фоне округлых склонов Копийных гор показался тракт. Он был заполнен элбанами. Один за другим двигались к северу отряды воинов, а навстречу ползли повозки, запряженные муссами, лошадьми и быками. Погонщики нещадно хлестали их по спинам, животные упирались дрожащими ногами в камень и медленно волокли к югу водруженные на неуклюжие деревянные колеса огромные стволы эрнов.

– Эрны с Волчьих холмов, – вздохнул Леганд. – Наверное, серые продолжают вырубать лес вокруг Урд-Ана. Что ж, крепости это только на пользу, кто бы в ней ни засел, а что касается дерских лесов, до них серые вряд ли доберутся.

– Подожди-ка, – Саш недоуменно пригляделся, – что-то я не вижу серых! Воины, что идут на север в доспехах из сыромятной кожи, вооружены в основном копьями и луками. Да и непохожи они на воинов, скорее ополченцы. А что касается погонщиков, так среди них вроде только старики и подростки, по-моему, даже женщины. Впрочем, откуда я не могу разглядеть точно.

– А ты что думал? – воскликнул Леганд. – Такие воины, как те, которых мы видели на мосту при штурме Урд-Ана, воспитываются годами. Их не может быть много!

– Почему же они идут на север? – пробормотал Саш. – И зачем им эрны?

– Подождем Тиира, – предложил старик. – Насчет воинов он нам расскажет, а что касается эрнов, ясно и без него. Серые собираются обосноваться в Даре. Не удивлюсь, если мы увидим на равнине дома.

Ждать пришлось долго. Алатель медленно полз по небу, по тракту шли воины и тащились повозки, у подножия Плежских гор шумела Мана, а Леганд, Саш и Линга сидели в расщелине, жевали сухие лепешки и думали каждый о своем. Саш смотрел на бесконечную вереницу людей и пытался понять, что они чувствуют в чужом мире. Чужое светило печет им плечи, чужая река гремит у их ног, чужие камни подставляют серые грани под их сапоги, чужой ветер дует в лицо. Зачем они пришли на эту землю? Так ли плохо было у них дома? Неужели они не чувствуют, что небо их нового мира потеряло все цвета, кроме серого? Неужели не чувствуют боль, растворенную в воздухе, камнях, воде?

– Теперь я вовсе не удивляюсь, что мы не видим ни одной твари, что рыскали по мертвым землям, – сказал Леганд, когда Алатель исчез за далекими вершинами у них за спиной. – Такая прорва народа способна вытоптать лиги чудовищ!

– А не вытопчет ли она весь Эл-Айран? – спросил Саш.

– Нет, – пробормотал Леганд. – Эл-Айрану далеко от переселения. Что касается этих элбанов, они словно зерна, которые падают в жернова. Смерть испечет из них лепешки и съест. Смолотое зерно не прорастает.

– Значит погибнет или весь Эл-Айран, или эти элбаны? – спросила Линга.

– Плохой выбор, – сказал Леганд и замолчал. Потом нехотя добавил: – Если погибнет весь Эл-Айран, то и эти элбаны не выживут. Я даже не знаю, уцелеет ли Дье-Лиа...

Тиир появился за полночь. Погода испортилась, стало не по-ночному душно, с юга потянуло влажным ветерком, тучи заволокли звезды, затем пошел дождь, и шаги принца расслышала только Линга. Она сдернула с плеча лук, но уже в следующее мгновение радостно смахнула с лица капли дождя.

– Линга, как ты его разглядела? – удивился Леганд. – Я даже руку свою не могу рассмотреть в этом дожде!

Тиир скользнул в расщелину, успокаивающе пожал ладони друзей и тут же попросил перекусить. Торопливо прожевав нехитрую пищу, он облегченно вздохнул. Рассказ принца оказался не слишком длинным. Перебравшись по скользким камням через реку, едва не сломав себе шею, Тиир не успел выйти на дорогу еще в тумане, поэтому провел под крутым обрывом в какой-то дюжине шагов от тракта половину дня. Уверившись, что разномастная одежда крестьян не слишком отличается от его одеяния, принц собирался уже появиться на обочине – как элбан, возвращающийся после выполнения неотложной нужды, – как вдруг услышал знакомый голос. Он угадал, многие из стражников, патрулирующих тракт, действительно были набраны во владениях князя Кредола, а голос принадлежал его любимому сокольничему. Князь звал его ласково – Рабба, и именно это имя выкрикнул с обочины дороги Тиир, когда всадник, распоряжающийся очередным отрядом воинов, приблизился к его укрытию. Рабба тут же спешил и громко спросил Тиира, что он тут делает. Но этот окрик, конечно, предназначался для его помощников, обнаживших мечи. И тут принц не сплосховал, единственное, что он мог ответить, что его повозка с эрном уже прошла, а он сам отошел в сторону, но подвернул ногу.

Этот ответ, а также радушие их командира успокоили стражников. Рабба незаметно бросил Тиiru кожаный ярлык, как оказалось – разрешение на вырубку эрнов, и приказал его ждать. Вернулся он скоро, едва спровадил охрану. Тиир ему все и рассказал.

– Что – все? – не понял Саш.

– Все, что ему следовало знать! – твердо сказал принц. – Что миссия моя успехом не увенчалась и что я хочу вернуться в Дарджи. Вместе с друзьями. Рабба присутствовал при том совещании, когда князья решили отправить меня в Эл-Лиа.

– И он ничего у тебя не спросил? – нахмурился Леганд.

– Спросил, – кивнул Тиир. – Спросил, что я собираюсь делать. Я ответил, что отчитаюсь о своем путешествии перед князьями, а потом отправлюсь в ту страну, где проходил обучение. Сказал, что мне нечего делать в Дарджи.

– Твоя осторожность похвальна, – кивнул Леганд. – Ничего не вызвало подозрений?

– Пока нет, – задумался Тиир. – У него было достаточно людей, чтобы не только скрутить меня, но и настигнуть вас. В этих скалах далеко не уйдешь. Рабба обещал помочь, более того, он уже помог мне. Часть эрнов волокут к городу воины для нужд крепости, так вот он забрал у них одну из подвод, и она теперь стоит в половине ли отсюда, ждет нас. Отпустим охранника и изобразим семью переселенцев из Дарджи. Главное – оружие держать не при себе, а на подводе. Без оружия тут никто не ходит: тварей почти истребили, но в горах они все еще встречаются, иногда выходят на тракт. Да, Рабба обещал оставить четыре дарджинских халата. Одежда у нас и так неприметная, но лучше бы вовсе не выделяться. Говорить, если что, буду я, а вы слушайте. Бадзу очень похож на валли. Линга вот языка не знает... Ничего! Женщинам-простолюдинкам из Дарджи вовсе не положено высовывать язык.

– Просто благодетель этот Рабба, – недовольно пробурчала Линга. – Отчего же он служит демону?

– Нет больше нашего совета, – помрачнел Тиир. – Эдрес, Биндос, Кредол и Лирд убиты. Остался только Мантисс, но и он скрывается где-то в горах. Рабба же служит демону, потому что ему служат все. Из каждой семьи забираются все мужчины возрастом от полутора до четырех дюжин лет. Остается один мужчина и только в том случае, если вся семья переселяется в Дару. Зато земли выдается вдоволь. Рабба сказал, что в окрестностях Ари-Гарда крестьяне уже снимают первый урожай овощей на следующий год собираются высевать зерно! Дома строят, для этого и лес.

– Говорят, посевы гибнут, если их поливать кровью, – прищурился Леганд.

– Мой народ в любом случае не выберется из этой беды, не пролив собственной крови, – мрачно проговорил Тиир. – Боюсь только, что прольет он ее реки. Не стал я расспрашивать Раббу о горящей арке, сами все увидим. Он обещал помочь вернуться в Дарджи. Мы должны встретиться с ним у моста через неделю. Так что поспешим. И вот что. Думаю, это самое важное. Этот... демон, что властвует над Дарой и Орденом Серого Пламени, рассорился с раддами. Пока радды заняли крепость, серые рубят лес близ нее, но все идет к тому, что стороны схлестнутся между собой. Не могут они никак договориться!

– Ну вот, – прошептал Леганд, – хоть одна хорошая весть...

Дождь превратился в ливень, поэтому, пока друзья добрались до подводы, которая скорее напоминала скрепленные жердями три пары колес, они не только вымокли до нитки, но и по несколько раз успели упасть на скользком склоне. Глина облепила сапоги, пластами сваливалась с локтей и колен. В довершение всего Тиир безжалостно оторвал от раддских курток округлые воротнички и манжеты с завязками, чтобы «ничем не отличаться от настоящих крестьян из Дарджи». Все оружие, кроме меча Саша, завернули в одеяло и закрепили на жердях возле комля эрна, набросили поверх изуродованных курток халаты без рукавов из грубой ткани и с трудом тронули с места тяжелый груз. Две не слишком крепкие лошаденки старались

изо всех сил, но кривые колеса скрипели, вращались плохо, в результате подводу пришлось подталкивать всем четверым. Ветер понемногу начал разгонять облака, в просветах появились звезды, но дождь не прекращался. Среди камней, что скопились вдоль тракта со стороны Копийных гор, то и дело показывались дрожащие огоньки слабых костров, стояли похожие подводы, пахло дождем и свежесрубленными деревьями.

– Что они тут жгут? – не понял Саш.

– Сучья, – объяснил Леганд. – Рубят сучья и жгут. Может быть, и нам стоит передохнуть?

– Нет, – покачал головой Тиир. – К утру мы должны быть неотличимы от обычной крестьянской семьи – усталость на лицах, перепачканная смолой и глиной одежда, побитые руки. Рабба сказал, что до Ари-Гарда неделя такого хода, я бы предпочел добрался туда чуть раньше.

– Не слишком ему доверяешь? – поморщилась, вновь поскользнувшись, Линга. – Хотя сейчас меня больше беспокоит, чтобы нас не заставили рубить из этого эрна дом.

– На это у нас нет времени, – бросил Тиир и тут же выкрикнул что-то в ответ на громкий возглас от одного из костров. – Возмущаются! – объяснил принц через дюжину шагов. – Говорят, что мы лошадей не бережем. Пришлось сказать, что догоним своих и тоже встанем.

– И немедленно! – повысил голос Леганд, возвращаясь к подводе от лошадей. – Шеи у коней стерты. Конечно, это не тот случай, когда надо пожалеть животных, но если мы сейчас не остановимся, так и вовсе до Ари-Гарда не доберемся.

Тиир поморщился, но обогнал лошадей, перехватил поводья и завернул подводу к обочине. Линга, оглянувшись, вытащила кривой клинок, срубила несколько сучьев со ствола эрна, и вскоре с помощью Леганда между камней запыхал костер. Пока старик осматривал измученных животных да заботливо смазывал им потертости, а то и раны, Саш набрал в котел воды в одном из потоков, стекающих по выветренным склонам холмов, напоил лошадей и задал им корм из холстяных мешков, притороченных к упряжи.

– Вот теперь мы почти совсем не отличаемся от дарджинцев, – удовлетворенно кивнул Тиир, когда дождь прекратился, а мокрая одежда начала исходить паром. – Грязные, измученные непосильным трудом, пугающиеся каждого шороха. Не забывайте при виде любого серого, не говорю уж о вельможах, изображать ужас на лицах, падать на колени и утыкаться носом в землю.

– И тут как в Империи, – сплюнул Леганд. – Зачем же ужас изображать, если все равно в грязь лицом тыкаться?

– Знаешь, – сквозь зубы выговорил Тиир, – что втолковывал орденцам Антраст? Он говорил так: учитесь определять выражение лиц по согнутым перед вами спинам. Некоторые спины красноречивее лиц. В них чувствуется ненависть и непокорность. Их нужно перерубать надвое, не заставляя обладателя разгибаться. Только эти порядки в Дарджи не так давно. Лишь с тех пор, как мой отец перестал быть моим отцом. Кстати, Линга, не обнажай свой меч даже ночью. Оружие крестьян не должно давать такой отблеск. Крестьяне сражаются примитивными копьями, топорами, лопатами, серпами и цепями. Как наши лошади, Леганд?

– Пока живы, – задумчиво кивнул старик. – Утром увидим.

Утром лошади не показались веселее, чем ночью, но Леганд, осмотрев их, удовлетворенно хмыкнул. Зазвенели по камням подковы, заскрипели колеса, сгустился вместе с лучами Алателя непроглядный туман, и Сашу на мгновение показалось, что он проснулся в теткинском доме, вышел к калитке и пытается разглядеть в молочном месиве пастуха Семена, что идет по деревенской улице с резиновым кнутом на плече, собирая в стадо частных коров. Но вот уже из-за спины донеслась понятная без перевода ругань от задней подводы, Леганд вынужденно хлестнул лошадок по спинам, и тут уж и Сашу пришлось упереться ногами и помогать лошадям тянуть непосильный груз. Из тумана выплыли испуганные лица воинов, несущих тяжелые копья на плечах. Они шли навстречу и смотрели на потных крестьян с завистью. Где-то в

тумане продолжала шуметь Мана, а над головой серым панцирем простиралось безжизненное небо.

Не один раз друзьям пришлось согнуться в почтительных поклонах перед отрядами воинов и дарджинскими вельможами в пышных шапках, пока округлые бока Копийных гор не начали сглаживаться, уходя крутыми склонами на восток, а пологими стелиться под ноги. Зато кони, за которыми, видно, раньше вовсе никакого ухода не было, приободрились и не только привычно тянули тяжелый груз, но и немало подвод оставили за спиной. Крестьяне удивленно провожали их взглядами, что-то кричали, а Тиир весело огрызнулся, переругивался, сам отвечал насмешками.

– Чего они хотят? – спрашивал Саш. – Бадзу – это исковерканный валли, но некоторые слова мне непонятны вовсе.

– Это плохие слова, – вздыхал Тиир. – Поверь мне, я произношу только малую толику тех слов, что в меня вдолбили в Ордене Серого Пламени. Серые разговаривают этими словами. А спрашивают у меня крестьяне, чем мы кормим нашу конную пададь? Я отвечаю, что ничем. Они кричат: мол, отчего же ваши скелеты так хорошо тащат бревна? А я говорю, что обманул их, обещал, что мы едем на лошадиное кладбище, и кони спешат, чтобы быстрее отмучиться. А еще они спрашивают про тебя, Саш...

– Что же их интересует?

– Почему ты не в армии короля, – прищурился Тиир. – Говорят: мол, парень молодой, но ему явно больше полутора дюжин. Говорят, что в семье должен быть мужчина – вот он. – Принц ударил себя в грудь. – Должна быть женщина – вот она, – он показал на Лингу. – Должен быть кто-то из старших – вот, – кивок на Леганда, – вполне сгодится на роль моего отца или отца Линги, а кто ты? Мой ли ты брат или брат Линги – должен идти на службу к королю.

– А ведь это важно! – нахмурился Леганд. – От стражников горящей арки вряд ли удастся отшутиться.

– И что же ты им отвечаешь? – спросил Саш у принца.

– Ты болен, – вздохнул Тиир.

– Чем же я болен? Что может помешать мне обнажить меч?

– Во-первых, его отсутствие. – Тиир погрозил пальцем. – А во-вторых, у тебя не все в порядке с головой. Падучая, пена изо рта, оцепенение, кровь из ушей и глаз, судороги или нечто похожее.

– Ты серьезно? – Саш даже остановился.

– Идем, – похлопал его по плечу Тиир. – Выбирай из этих привычек любые. Ты колдун, прорицатель, маг, лекарь. Полезный элбан, но сумасшедший. Имей в виду, таких в Дарджи боятся, но не обижают, а главное – на королевскую службу не берут. Если только в лекари, и то с очень серьезными проверками.

– Вот спасибо! – покачал головой Саш. – Чувствовать я кое-что могу, но вот колдовать... Давно уже ничего не получалось.

– Просто тебя к стенке давно не припирали, – прошептал Тиир. – Как тогда, в Орлином Гнезде.

– Ну... – не согласился Саш. – Тогда все сделал меч.

– Озеро Антара! – торжественно воскликнул Леганд.

– Тише! – зарычал Тиир. – Никаких названий. Теперь это озеро называется Серым!

По правую руку раскинулась спокойная гладь огромного озера. Только зубчатая гряда далеких гор да туманная дымка отмечали противоположный берег. Мана вильнула к западу, чтобы где-нибудь у обрывающихся в воду плеских отрогов проститься с порогами, дать глоток свежести водяной глади и убежать от нее к Ингу перед самым Ари-Гардом. Жалобно застонали на ухабах колеса. Последние холмы Копийных гор тоже спешили к берегу. Дорога полезла

по их спинам, перевалила через одну гряду, другую, выматывая лошадей и людей, миновала начатую крепостную стену или оборонительный вал, съехала на равнину – и вдруг нырнула в зелень огородов и будущих садов, побежала между строящихся домов, стука топоров, сквозь крики домашней живности и сведенных с ума переселением хозяек.

– Нам дальше, дальше! – отмахивался Тиир от расторопных элбанов – то ли стражников, то ли старост будущих деревень.

– Не может быть, не может быть! – повторял чуть слышно Леганд. – Берега озера Антара еще не так давно были скопищем, чревом всей той мерзости, что обитала от утонского моста до ущелья Маонд. Да, дарджинцы попали сюда ценой крови многих несчастных. Но они вернули эту землю к жизни!

– Нет, Леганд, – хмуро качал головой Тиир, – к жизни эти земли вернул Саш. А крестьяне такие же жертвы, как и те, что пролили кровь над горящей аркой. Просто они пока еще живы. Не их вина, что их привели сюда кровавой дорогой. Главное, чтобы их руки были чисты. Даже нет, чтобы были чисты их сердца. И если некоторые из них останутся живы в этом месиве, я бы отдал все, чтобы эти дома стали их домами. А когда небо над озером станет голубым, так и вода не будет казаться серой!

– Ари-Гард! – воскликнула Линга и испуганно прикрыла рот рукой.

Шум и гам стоял над дорогой, никто не обернулся на невольное восклицание.

– Как теперь называется этот город? – спросил Саш, вглядываясь в появившиеся на горизонте башни.

– Город пылающих врат, – стиснул зубы принц.

Глава 3

Багза

Индас медленно нес мутные воды, омывая высокий правый берег и скользя по краю низменного левого. То ли проходы вастских рыбаков и охотников, то ли тропы неведомых Дану шабров бесчисленными протоками уходили в цветастое, колышущееся марево. Стаи птиц кружили над тростником. Тяжелые рыбины взлетали над зеленоватой поверхностью ленивой реки. Иногда в корнях болотных кустарников, окаймляющих край топи, шевелилось что-то более крупное, и тогда Дан хватался за лук. Деревни, одна за другой выбегающие на косогор правого берега, были пусты. Покрытые тростником глиняные дома словно замерли в ожидании, страшась новых хозяев.

– Целый народ сорвался с места и двинулся неведомо куда, рассеялся на просторах Эл-Айрана, пытаясь сохранить сам себя, – качал головой Баюл.

Багза открылась к полудню третьего дня. У основания неприступной крепости Индас разделился с притоком, разбежался на рукава и плавно пошел к северу, исчезая в тростнике и плавучих кустарниках.

– Удивительная река Индас, – сказал Дану Хейграст, окидывая взглядом высокие бастионы крепости и взбирающиеся по склону противоположного берега улицы небольшого глинобитного городка. – Леганд говорил, что она спускается с Плежских гор, пересекает Вечный лес и южную топь, принимает в себя вот этот приток – Рилас, который скатывается с Горячего хребта и отсекает топь от вастского плоскогорья, и бежит к морю. Мы прошли на джанке только четверть длины Индаса.

– Что-то я не пойму... – прищурился Баюл. – Никак крепость Багзы выстроена на острове?

– На острове, – кивнул Хейграст. – Точнее, он стал островом, когда васты спрямили русло Риласа. Неслучайно тан укрылся здесь. Крепость Багзы действительно неприступна. Или почти неприступна. Черный камень для ее бастионов сплавляли на плотах по Риласу с Горячего хребта более варма лет! И все же я не смог бы сидеть в крепости, зная, что мой народ уничтожают захватчики.

– Если мои уши меня не обманули, Орм говорил, что его отец болен! – заметил Баюл. – Не так ли, Дан?

Мальчишка ничего не ответил. Он, так же как и пес, не сводил глаз с юга. Дану по-прежнему казалось, что небо в стороне Азры окрашено черным. Словно тяжелые, грозовые тучи стояли у горизонта. И в то же время мальчишка понимал, что видит это не глазами. Стоило потереть лоб, прищуриться или взглянуть внезапно через плечо, небо оказывалось прежним – глубоким, голубым, украшенным размазанными пятнами легких облаков и слепящим диском Алателя, но если присмотреться...

– Приплыли! – громко объявил Баюл, показав на обвисший парус. – И то верно, сколько можно удачу испытывать? Готов поспорить, что еще ни одна лодка не поднималась вверх по течению от Индаина до Багзы, не сделав ни одного гребка веслом, полагаясь только на попутный ветер!

– Поспорим в другой раз, – махнул рукой Хейграст, приглядываясь к маячившим у пристани городка стражникам. – Хотя ты, пожалуй, забыл о тихоходах, которых тянут вдоль берега лошади. Впрочем, и нам не удастся добраться до пристани без гребка! Куда ты спрятал весла, банги?

– Вот они, – недовольно пробурчал Баюл. – Только Дана уж не дергай, не в себе парень.

– Давай-ка к рулю, – скомандовал мальчишке Хейграст, подходя к борту. – Эх, банги, была бы лодочка поменьше, она бы сейчас летела к пристани! А так только остается радоваться неспешному течению Индаса.

– Я и радуюсь, – пропыхтел Баюл, управляясь с тяжелым веслом. – Вот только не пойму, что мы в городишке забыли? Орм ведь ясно дал понять, что этот Кагл, или Немой, в крепости!

– Никогда не спеши приниматься за сладкое, – посоветовал Хейграст. – Иначе и не наешься, и вкус собьешь. Разузнать сначала нужно, как тут с беженцами, добрался ли вообще тан до крепости. Не спотыкается тот, кто не спешит. Незнакомому кораблику очень просто получить дюжину стрел у первого же бастиона!

– Знаешь, – Баюл прищурился, вглядываясь в фигуры на причале, – мне кажется, что дюжину стрел мы сможем получить и на этом берегу.

– А вот мы сейчас посмотрим! – откликнулся Хейграст.

Дан правил джанку к пристани, отмечая про себя и воинов на берегу, и черные куски материи, вывешенные перед каждым домом, и множество узких лодок, тяжело нагруженных узлами и кувшинами. Когда до дощатого причала остался варм локтей, дюжина лучников дружно подняла луки, вперед шагнул широколицый воин с изогнутым мечом в руке, разинул глотку, приготовившись выкрикнуть то ли приветствие, то ли проклятие, да так и застыл с открытым ртом. Джанка закрипела бортом о мостки, Хейграст прыгнул на доски и набросил канат на торчавший из глины каменный столб, подошел к мечнику и протянул ему подорожную.

– Собака! – наконец выдохнул васт.

– Она самая! – подтвердил Хейграст, настойчиво протягивая подорожную. – Может, и крупновата чуть-чуть, но нам нравится.

– Плохое время ты выбрал для путешествий, нари! – словно очнулся мечник. – С твоей рожей вообще не следовало бы появляться в вастских поселках, а уж тем более в Багзе и в такой день!

– Чем этот день хуже остальных? – нахмурился Хейграст. – И чем тебе не понравилась моя рожа? Три дня назад, когда я разговаривал с Ормом, она его не смутила!

– И что он тебе сказал? – недоверчиво переспросил мечник.

– Ничего хорошего! – резко ответил Хейграст. – Разве только то, что собирается заставить лигских нари заплатить дорогую цену и за белую крепость, и за собственную жизнь. Думаю, что нари уже платят. Они вошли в Азру, когда мы отчаливали от берега! Ваш принц – великий человек. Он оказал нам помощь даже перед лицом собственной гибели: дал пропуск в крепость! Вот!

Хейграст протянул мечнику монету.

– Что ж, – нахмурился васт, – сегодня вы все равно не попадете в крепость.

– Почему?

– Тан Жорм умер сегодня утром. Мое имя Урм. Когда Алатель спрячется за Горячим хребтом, тело тана сожгут. Вам придется ждать утра.

– Кто же теперь правит вастами? – спросил Хейграст.

– Танка Ирла, мать Орма, – ответил Урм. – Не удивляйся, на самом деле она правит вастами уже более четырех лет.

Уже к полудню возле джанки перебивало все население городка. Старики, женщины, дети, воины подходили к самому борту, опасливо оглядывали недовольно ворчащего Аенора, робко бросали одно-два слова Баюлу, уверенно болтающему на вастском языке, и уходили с просветленными лицами.

– Такое ощущение, что мы служители шинского зверинца, – недовольно пробурчал Хейграст, с тоской оглядывая заполненный народом причал.

– Ты ничего не понимаешь, нари! – довольно отмахнулся Баюл. – Эти люди приходят сюда не просто так. Несколько дней назад в Багзу вернулся израненный крестьянин, потерявший в Лингере от клинков серых всю семью. Так вот он утверждал, что огромный пес спас ему жизнь, разметав воинов-убийц. Ему никто не поверил, но слухи об огромной собаке поползли мгновенно. И вот пожалуйста, та самая собачка в их городке!

– Если они рассчитывают, что Аенор остановит воинство лигских нари, то будут разочарованы, – хмуро ответил Хейграст.

– С нари они воевать не собираются, – беззаботно заметил банги. – Большинство вастов скорее готовы спрятаться или переждать нападение в дальней стороне. Многие укрылись в топи, некоторые ушли на восток, а кое-кто рискнул отправиться на поиски оазисов в южную пустыню. Здесь только гвардейцы тана и дворцовая челядь из Азры. Беженцев нет. Дозорные наблюдают за дорогами из Азры день и ночь. Едва воины нари покажутся, городок опустеет. Они всерьез рассчитывают на неприступность крепости Багзы.

– И поэтому радостно смеются при виде нашего пса, – понял Хейграст.

– Нет, – подмигнул Дану Баюл. – Не обессудь, Хейграст, но я всем тут рассказываю, что ты охотник, а мы с парнем твои слуги.

– Отлично! – Нари раздраженно выпрямился. – И на кого же мы охотимся?

– Ни на кого мы не охотимся! – отмахнулся банги. – Нас уже завтра здесь не будет, а до завтра благожелательное отношение к нам публики обеспечено! Тут у них какой-то страшный зверь завелся размером с лошадь – то ли волк, то ли оборотень, – уже с полдюжины дозорных разорвал. Только делает он это на равнине и ночью. А мы ночью спим! И вообще, мы моряки, а не пешеходы!

– Хейграст! – вдруг раздался радостный крик с берега.

Высокий васт в войлочных доспехах, покрытых жестяными бляхами, пробирався к борту джанки.

– Кто ты? – наморщил лоб нари, явно пытаясь вспомнить незнакомца.

– Эх! – улыбнулся васт. – Кузнец – он и есть кузнец! На!

Заставив отпрянуть толпу, воин одним движением вытащил из ножен меч и протянул его нари.

– Люк! – радостно воскликнул Хейграст, рассмотрев клинок. – Ну уж извини, за полдюжины лет ты превратился в такого здоровяка, что я нипочем бы тебя не узнал, если бы не клинок!

– Да, – довольно кивнул воин, – я очень изменился. К счастью, с твоим клинком все в порядке. Ничего ему не делается от времени. Уж скольких врагов я им порубил!

– А три года назад? – нахмурился нари.

Воин прищурился, метнул быстрый взгляд на плежские скулы Дана, отрицательно покачал головой.

– В той войне я не участвовал, Хейграст. Защищаю свою землю только в последние два года. Твое оружие не знает невинной крови. Поверь мне. Слушай, а не пропустить ли нам по стаканчику лигского вина, пока его изготовители не добрались до этого славного городка?

– Неужели в Багзе еще открыты трактиры? – удивился Хейграст.

– Трактиры давно уже брошены сметливыми хозяевами! – усмехнулся Люк. – Зато не все вастки покинули свои дома, а некоторые из них изумительно готовят мясо на углях!

– Баюл, присмотришь за псом? – спросил Хейграст.

– Хороший вопрос сразу после фразы о мясе, запеченном на углях, – невесело ухмыльнулся банги. – Правда, звучать он должен иначе. Аенор, не покараулишь ли ты банги, а заодно и лодку, пока я схожу со старым заказчиком глотнуть отличного вина?

– Не дуйся, приятель, – добродушно прогудел Люк. – Порцию жаркого и полкувшинчика вина я тебе обещаю!

– Что тут можно сказать? – довольно расплылся в улыбке Баюл. – Жизнь вновь приобрела ясный смысл и добрую надежду!

Вскоре Дан уже сидел за потемневшим от времени деревянным столом, поглядывал на потрескивающий в очаге огонь, на порхающую по уютному дому молодую вастку, жевал ароматное жаркое и запивал его лигским вином, которое нари специально для мальчишки изрядно разбавил водой. Хейграст и Люк выпили по кубку вина и, не обращая внимания на мясо, углубились в разговор. Васт рассказывал нари, как сложилась его жизнь с того дня, когда он после трех дней переговоров выторговал у Хейграста приглянувшийся меч. Служба у вастского тана оказалась неудачной.

– Что так? – спросил Хейграст.

– Понимаешь, – Люк почесал богатырскую шею и улыбнулся хозяйке, добавившей на стол новую порцию мяса, – беда одна не приходит. Я не о себе говорю, обо всех вастах. Вот скажи мне, разве до Лингера кто-то опасался моего народа?

– Еще недавно и лигских нари никто не опасался, – прищурился Хейграст. – Все возможные беды были от Империи, раддов или от разбойников.

– Мой отец всю свою жизнь выращивал маоку, имел поле, дюжину работников, дом, троих сыновей, – горько продолжил васт. – Отец умер, мать умерла. Где поле, два моих брата, работники, маока, мельница?.. Не знаю. Азра, считай, пала, скоро враг доберется и сюда... Я был младшим, семья собрала деньги на меч и отправила меня служить тану. Я бы и сейчас стоял с алебардой на бастионе белой крепости, если бы четыре года назад танке не вздумалось отправить дружину за Горячий хребет. Понадобились ей эти родовые крепости нари по ту сторону перевалов!

– Подожди! – остановил Люка Хейграст. – Почему – танке? Тан умер только сегодня! И стражник на пристани, как его... Урм, он тоже о том, что танка управляет вастами!

– Управляет, – мрачно кивнул Люк. – Впрочем, об этом слухи давно ходили, только ведь болтать можно всякое, а что на самом деле происходит, одному Элу известно. Нари нас тогда на Горячем хребте порубили. Порубили у своих каменных крепостей, на которые мы с мечами полезли, а потом и с постов на перевалах сбросили. Тогда командир моего варма и сказал, что с ума сошла танка. Меня перед этим лигская стрела насквозь прошила, я два года кровью потом плевался, поэтому и в походе на восток не участвовал. Вот и спросил я, лежа на повозке, командира, с каких это пор жена при живом тане распоряжается. А он мне ответил так: «Кому живой, а кому полумертвый».

– Живой, значит, был, если только сегодня умер? – предположил Хейграст.

– Я эти два года, что с раной маялся, тоже живым считался, – махнул рукой Люк. – А соображать начал, только когда мать в Эйд-Мере у Кэнсона снадобья дорогие заказала.

– Эх, не к тому ты лекарю обращался! – горько сказал Хейграст.

– А к кому бы ни обращался, живой я, как видишь, – усмехнулся Люк. – Правда, бежать долго не могу, кровью плеваться начинаю. Да и некуда теперь бежать – всё, загнали нас нари в угол. Это все в наказание вастам. За то, что танка в Азре заправляла больше четырех лет, за то, что на нари полезли, за то, что Лингер сожгли...

– Вот он из Лингера, – кивнул Хейграст на притихшего Дана. – Всю семью его порубили. Один он и остался.

– Я уж понял, – вздохнул васт. – Таких скуластых плежцев даже в Плеже теперь не встретишь, только на равнине Уйкеас они и жили. Подожди, паренек, еще неделька-другая – тебе даже мстить некому будет!

– Я не мстить сюда с Хейграстом пришел, – прошептал мальчишка, невольно касаясь сокровенного мешочка на груди.

– Нам в крепость надо, – поспешил объяснить нари. – Элбана одного увидеть, о семье моей справиться, понадобится – рассказать, что в Эл-Айране творится. Мы же от Заводья и

Мерсилванда весь Силаулис прошли, Сварию, Индаин! Вот ты говоришь, что вас в угол зажали, а у меня уже и угла не осталось. Захвачен Эйд-Мер, и тот враг ничуть не слабее этого!

– Тяжелы твои слова, – согласился Люк. – Не то что мне легче стало, но вот теперь уже кажется, что не в вастах дело. Не одних нас Эл наказывает! Хотя разве Эл может хотеть этого для своих детей?

– Не знаю. – Хейграст опустил голову.

– Ладно! – расплылся в улыбке Люк. – Вот немного вина для вашего коротышки и мясо. Салла! Дай друзьям блюдо поглубже, все одно последние дни доживаем!

Дан поймал наполненный болью взгляд вастки и вдруг понял, что порхание по маленькому дому, добрая улыбка, быстрота, угодливость – все это прощание с ними, с Люком, с домом, с молодостью, с Алателем, самой собой.

– Пошли, – поднялся Люк. – Эх, как припекло, даже вино меня не берет! Мне сейчас в дозор идти. Там все одно хмель схлынет. Как эта тварь неизвестная завоюет – лошадки наши только что на землю не садятся.

– Что за тварь? – спросил Дан.

– Я не охотник, – пожал плечами васт. – Но следы волчьи. Лапа в два моих кулака. Пройшей ночью зверь еще одного стражника сожрал. Так вот на крупе лошади следы от зубов остались. Хотя какие там следы, половину крупа тварь эта отгрызла! Я даже сначала подумал, что кто-то ночью освежевал лошадку... Знаешь, нари, народ-то с надеждой на твою собачку смотрел, да только слаба она против того зверя. Чую, слаба!

Вечерние улочки Багзы оказались странно пусты. Разбитые деревянные тротуары змеились вдоль глиняных заборов вниз – к воде, к причалам.

– Прячутся, – хмуро объяснил Люк, поправляя перевязь. – Будет на то воля Эла, утром свидимся, а нет, так не поминайте злым словом. Советую на ночь на полварма локтей отойти от пристани. Как Алатель сядет – помощи не дозоветесь. Никто и носа на улицу не высунет.

– А стражники? – не понял Хейграст.

– Тоже прячутся, – сплюнул Люк. – Дозорные уходят в степь, надеясь вернуться живыми, остальные прячутся по домам, благо жителей в Багзе и половины не осталось. Одно дело с лигскими нари сражаться, другое – с поганой тварью, демонским отродьем. Тут ни доблесть, ни храбрость, ни воинское умение не помогут!

– Дobleсть, храбрость и воинское умение всегда помогут, – твердо сказал Хейграст. – Хотя бы для того, чтобы достойно встретить смерть.

– Вот на эту встречу я и отправляюсь каждый вечер, – заметил Люк, хлопнул Хейграста по плечу, потрепал Дана по щеке и пошел в гору, где его уже ожидали несколько вастов с лошадьми.

– Эй! – окликнул Хейграст просиявшего Баюла, который уже твердо решил, что ночевать ему в джанке вдвоем с псом. – Если ты думаешь, что мы забыли о вине и мясе, то ошибаешься. Вот только для Аенора ничего нет.

– Аенор в порядке, – расплылся в улыбке банги. – Как только я сказал, что пес ест рыбу, каждый житель деревни счел своим долгом принести ему по рыбине. Не скрою, кое-что и мне досталось, только ты мясо и вино все равно сюда давай. Место в животе у банги еще есть!

Дан запрыгнул на палубу и обнаружил пса блаженно развалившимся на боку. Рядом стоял котел.

– Замучился воду ему подавать! – пожаловался Баюл. – Отчего это собак после рыбы так на питье тянет?

– Что же васты? – поинтересовался Хейграст, отвязывая джанку. – Накормили пса и разбежались? Ты же вроде как нас охотниками назначил? Неужели на охоту никто смотреть не будет?

– Я бы охотиться не стал, – замялся банги. – Демон меня за язык дернул с этой охотой! Тут, говорят, ночами зверюга больше нашего Аенора шныряет. Врут, может, да только вон, едва Алатель к западу пошел, всех словно смерч унес!

– Да, – согласился Хейграст. – Язык – это единственный враг элбана, победа над которым невозможна, но бороться с которым приходится всю жизнь. Ну-ка, Дан, Баюл, помогите оттолкнуть джанку от пристани!

– Плыдем, что ли, куда? – спросил банги, упираясь веслом в дощатый настил.

– Нет, подальше от берега отойдем, – объяснил Хейграст. – Кто его знает, что это за тварь? Другое меня занимает, отчего жители не торопятся укрыться в крепости?

– Завтра, – с готовностью ответил Баюл. – Сегодня на закате должны сжечь тело тана, а завтра жители Багзы, которых не так уж много осталось, и стражники укроются в крепости. Правда, многие собираются уходить в топь. На крепость тоже не все надеются.

– Крепости годны для спокойного сна, но не для безмятежной жизни, – проворчал Хейграст, бросая в воду якорь.

Джанка шевельнулась на течении Риласа и замерла. Крепость перегораживала часть темнеющего неба в двух вармах локтей.

– Смотрите! – поднял руку Хейграст.

На верхушке крайнего бастиона вспыхнул костер. Самого огня друзья не видели, но на черных зубцах башен и стен подрагивали его отсветы.

– Утром пепел тана развеют по ветру над водами Индаса – и ворота крепости откроются, – прошептал банги.

– Посмотрим, – сухо бросил Хейграст, укладываясь под боком у пса. – Дан, Баюл, караулите первыми. Разбудите меня... Впрочем, я сам проснусь.

Вскоре нари чуть слышно засопел.

Дан присел возле Баюла, оглянулся на крепость. Темная громада словно плыла в отражающей звезды воде. Все так же поблескивали отсветы погребального костра да вспыхивал иногда свет в бойницах.

– Звезды в небе и звезды в реке, – неожиданно сказал Баюл. – Крепость словно повисла в небе. Как тебе Багза?

– Обычный городишко, – пожал плечами Дан. – Даже меньше Лингера. Дома глиняные. Зимой в них холодно. Топят по-черному.

– Я не о городишке, – отмахнулся Баюл. – Как тебе крепость?

– Странно как-то, – подумав, сказал Дан. – Эйд-Мер или его же северная цитадель – настоящие крепости, там в горах материала много. Да и в Кадише то же самое. А тут... Болото кругом. Река. Вот в Азре белая крепость построена из известняка, его много в долине Уйкеас. В любом овраге. Целые семьи... в Лингере пилили известняк на продажу. А эта крепость словно последний зуб во рту у старика.

– Так и есть, – кивнул Баюл. – Последний зуб, который, впрочем, лигских нари вряд ли сможет укусить. Слышал я о ней раньше, да не приходилось в Багзе бывать. В Азре пару дюжин лет назад работал. Внутреннюю крепость, что внутри большой ладили. Тогда я еще в подмастерьях ходил. Камень в кладку Парк клал. Мне не доверял, хотя я хорошим каменщиком уже был. Известняк – камень мягкий, но белая крепость тоже так легко врагу не сдастся. Стены там до двух дюжин локтей толщины. Только большую крепость, если защитников мало, оборонить трудно. В одном месте навалятся, потом в другом, осадные орудия расставят – и возьмут. Здесь же нари трудно придется. Самый ближний берег – три варма локтей. Хотя хорошее орудие добьет, конечно. Но уж больно камень хорош! Такой просто так не обработаешь. А высота стен? Бастионы на полварма локтей вверх сложены! Нет, парень, в такой крепости можно и месяц, и два пересидеть!

– А потом? – спросил Дан.

– Потом? Потом вот так. – Банги поднял руку и выразительно провел ладонью по шее. – Рано или поздно. А уж если лигские нари с магией дружат, может, и раньше возьмут крепость.

– Что там... происходит? – спросил мальчишка, кивая на юг. Сейчас, ночью, он не видел ничего, но, стоило ему закрыть глаза, казалось, что тягучие темные потоки заползают под веки.

– Магия, – спокойно ответил Баюл. – Или магия нескольких колдунов, которые работают слаженно, как артель умелых каменщиков, или магия одного колдуна. Но в этом случае тягаться нам с ним все равно что пытаться в одиночку взять вот эту крепость.

– Барда? – спросил после паузы Дан.

– Разве ты не помнишь, что сказал ари Матес? – удивился Баюл. – Ты же сам передавал мне его слова! Барды уже давно нет в этом мире. Но кто-то воспользовался древней легендой. Кто-то очень могущественный. Тот, кто в силах гнать нари на чужие земли, которые им вовсе не нужны.

– Значит, если колдовство остановить, нари тоже остановятся? – спросил мальчишка.

– Если бы все было так легко! – вздохнул банги. – Кто-то, может, и остановится, но кровь, в которой выпачканы руки зеленокожих из Лигии, останется. Мне тоже показалось, что злая магия застилает небо над войском нари, но не только она ведет воинов вперед. Она как соль в супе. Как листья лугового тамина, что придает блюдам остроту. Как вино сной, которым радские командиры опаивают своих воинов. Если бы магия была всемогущей, колдунам не понадобилось бы войско. Крепости сами сдавались бы на их милость. Нет, колдовство не всемогуще. Оно лишает сомнений. Оно добавляет злобы в сердца. Оно заставляет умолкать их совесть. Но не всякая совесть соглашается ему подчиниться! – Баюл невесело усмехнулся. – Так что никакое колдовство не может служить оправданием мерзости, что творят некоторые элбаны. В Азре мы окунулись в нее с головой, и ничего не почувствовали, кроме тяжести в сердце. Тебе пришлось, правда, нелегко. Но ты сам виноват. Ты попытался сопротивляться. А нужно было уклониться. Разве Хейграст не учил тебя обращаться с мечом? Разве он не говорил, что, когда противник сильнее тебя втрое, глупо пытаться противостоять ему, не сходя с места? Нужно уходить от его ударов, стараясь обратить его же силу против него самого.

– Я помню, – прошептал Дан. – Но что значат слова без упражнений? Я же не колдун!

– Всякий, кому Эл послал хотя бы одну руку, способен стать мечником, – твердо сказал Баюл. – Кому-то это удастся легче, кому-то труднее. Кому-то не удастся, но не потому, что у него не было такой возможности. Шаахрус открыл в тебе способность видеть. Это великий дар, которым награждены немногие. Все остальное в твоих руках.

– Сейчас я могу думать только об этом. – Мальчишка сжал рубин у себя на груди. – И еще о друзьях. О Леганде, о Саше, о Линге. Об Ангесе и Тиире. Хейграст рассказывал тебе о них. Помнишь? Живы ли они? Знают ли, что Лукуса больше нет?

– Никогда не оглядывайся, – жестко сказал Баюл. – Судьба посылает радость встречи тем, кто шел вперед и не оглядывался. Смотри-ка, парень, лучше на нашего пса.

Аенор приподнялся на передних лапах, уставился во тьму, опустившуюся над притихшими глиняными домами, и зарычал. Шерсть поднялась у него на загривке дыбом, задние лапы нервно задрожали и начали подтягиваться для прыжка.

– Держи его, если не хочешь загубить дело! – раздраженно прошипел Баюл. – Да не руками! – воскликнул банги вполголоса, когда мальчишка обхватил шею встревоженного пса. – Так не удержишь. Эх, колдовать нельзя!.. Проси его успокоиться! Нельзя нам ни охоты, ни схваток никаких устраивать, пока у тебя камень на груди.

Мальчишка обнял пса, чувствуя напряженные, окаменевшие мышцы, и зашептал, заговорил ему в ухо какие-то слова, просьбы, начал рассказывать о себе, о об отце, о матери, о старике Труке, о тетушке Анде. И постепенно пес успокоился. Опустился на палубу, повернул морду и лизнул Дана в лицо.

– Теперь и ты рыбой провоняешь, – сочувственно поморщился Баюл. – А ведь колдовал ты, парень. Может сам того не осознавая, но колдовал! Ладно, надеюсь, не заметит никто. Я и сам едва почувствовал...

И в это мгновение на спящей Багзой пронесся вой. В нем не было волчьей тоски или злобы. Он обдал холодом, наполнил ночь ужасом и улетел куда-то за крепость, сгинул в топи.

– Эл всемогущий! – пытаюсь унять дрожь, прошептал Баюл. – Будь я дозорным, мне уже этого воя хватило бы, чтобы умереть от страха!

Дан посмотрел на Аенора. Пес вновь напрягся, но теперь, подняв уши, просто всматривался во тьму.

– Уснуть невозможно, – раздраженно пробормотал, ворочаясь, Хейграст. – То болтают, то прыгают по палубе, то воют! Сколько можно?

Глава 4

Ари-Гард

Мост через Ману показался к полудню. Тиир сходил на разведку, потолкался среди стражи, вернулся и решительно тронул подводу с места. Сытые лошадки привычно напряглись, дернули, с помощью погонщиков стронули с места тяжелый груз, вытащили его на дорогу и влились в разномастный поток повозок, телег и пеших носильщиков. К мосту вдоль бурлящей в крутых берегах Маны подходила дорога от Ургаина, по ней везли камень, руду, вели лошадей и пленников. Последних было много. Едва ли не треть от общего количества народа. Мужчины, женщины, дети, старики шли пешком, стянутые между собой веревками и цепями, ехали на телегах, сидели на лошадях. Дерри, салмы, свары, анги... Кьерды, перекрикиваясь на своем языке, ругались со стражниками, щелкали плетью, презрительно поглядывали на дарджинских крестьян.

– Помоги нам Эл, – прошептал Леганд обескровленными губами.

Линга шла, не поднимая головы, но Саш смотрел во все глаза.

– Не вижу ран на их телах, – хмуро бросил Тиир. – Когда я уходил от серых, пленные прибывали с рассеченными сухожилиями.

– Значит, крови хозяину пылающий арки нужно столько, что он бережет даже ее капли, – мрачно заметил Леганд.

– Не понимаю! – раздраженно прошептал Саш. – Если демон действительно зажег арку с помощью моей крови, с помощью крови Арбана, так, может быть, там уже нет ее ни капли? Разве властен я над этим пламенем? Я не чувствую в себе сил потушить его!

– Не торопись его тушить, – процедил сквозь стиснутые зубы Леганд. – Да, я чувствую там, в городе, такую боль, которую не чувствовал, с тех пор как был уничтожен Ас Поднебесный. Но если арка погаснет, мы не попадем в Дарджи. Мы не дойдем до Башни страха. А это значит, что будут убиты еще лиги и лиги элбанов!

Между тем подвода друзей добралась до моста. Тиир, осыпая бранью носильщиков, хлопая ладонью по мордам и крупам чужих лошадей, выбрался на каменные плиты и повел подводу вверх. С древнего моста город показался во всей своей мрачной красе. Угрюмые четырехгранные башни растянули тяжелую ленту крепостной стены вправо и влево, насколько хватало глаз. Поблескивали черным металлом огромные, настежь распахнутые ворота. Лиги элбанов мельтешили под стенами, расчищая ров. Сияли под лучами Алателя белые башни внутренней крепости. А еще дальше, там, куда и пытались добраться друзья, стоял черный столб дыма. Подвода пошла вниз, Тиир стал придерживать лошадей, Саш, Леганд и Линга схватились за сучья эрна, чтобы не дать тяжелому грузу покатиться вниз, но особых усилий не потребовалось. Один из стражников толкнул под колесо камень, придирчиво осмотрел подводу, брезгливо шевельнул одеяло, под которым лежало заблаговременно замаскированное грязью оружие, взглянул на ярлык Хейграста и, что-то хрипло выкрикнув, махнул рукой в сторону.

– Чего он хочет? – напряженно спросил Саш, продолжая униженно кланяться охране.

– Сейчас узнаем, – ответил Леганд, чья голова была столь же близка от земли, как и головы Саша, Линги и Тиира. – Если я правильно понял, приказывает съехать в сторону и остановиться.

– Проверять будет, – зло буркнул Тиир, понукая лошадей. – Тебя будет проверять, Саш. Ты уж не подведи. Прыщ, что ли, ему вылечить, видишь, как ему щеку разнесло.

– Что ты ему сказал? – быстро прошептал Саш.

– Ничего, – нахмурился Тиир. – Сказал только, что не в себе ты. Что прикасаться к тебе нельзя. Его это и разъярило. Они же помешанных плетью проверяют.

– Плетью так плетью, – кивнул Саш.

Внутри у него разгоралось пламя. И не от того, что стражники у моста то и дело взмахивали плетью, а от лиц несчастных, которых вели в город, чтобы убить их у пылающих врат. От густого дыма, поднимающегося над городом. От серого неба. От того, что именно он, Саш, по незнанию или по слабости, но впустил демона в этот мир!

Саш оглянулся на друзей, замерших у подводы, сделал шаг в сторону, другой, согнул одну ногу, уселся на вторую, как это делали крестьяне, когда усталость заставляла опуститься на землю, и замер. Он не знал, что будет делать, во что обратит закипающую внутри злость, сдержится ли, не выдернет ли невидимый меч из-за спины. Он ждал.

Стражник проорал что-то в сторону шатров, разбитых у рва, дождался, когда заспанный сменщик откинёт полог и вразвалочку отправится к мосту, и подошел к Сашу. Гортанный окрик прозвучал над самым ухом.

– Не понимает, – услышал извиняющиеся слова Тиира Саш.

И слова Тиира, и повторный окрик стражника донеслись до Саша как сквозь туман. В следующее мгновение засвистел бич, и боль пронзила плечо. Ужалила. Пробила, разорвала кокон, в который то ли Саш сам скручивал себя, то ли стягивало его ожидание. Но не то ожидание, пока стражник дожидается смены и, самодовольно ухмыляясь, подойдет к очередной жертве, а то, которое началось, когда Саш впервые открыл глаза на краю Вечного леса, на склоне старых гор у хижины Арбана.

Боль пронзила плечо и добралась до ненависти, которая мгновенно ухватила за конец плети, испепелила ее в прах, побежала по хлысту к рукояти, к толстым и грязным пальцам. Стражник испустил истошный крик и, отбросив в сторону пылающий бич, отпрыгнул. Растерянность отразилась на испуганном лице.

– Нельзя прикасаться! – раздельно повторил Тиир, снял с подводы жердь и ткнул Саша в плечо.

Во второй раз пришлось сделать усилие. К счастью, боль еще жила в плече, поэтому и жердь загорелась, словно была воткнута в раскаленные угли. Тиир отбросил ее в сторону и, униженно кланяясь, сунул в обожженные пальцы стражника сначала один золотой, а потом и другой. Тот мгновенно спрятал монеты за щеку, что-то сердито крикнул в ответ на вопросительные возгласы стражников, отгороженных от происходящего подвой и, отобрав у Тиира ярлык, взамен нацепил ему на шею короткую цепь с двумя каменными дисками на концах. Принц согнулся еще ниже, выудил из одежды еще один золотой, сокрушаясь, похлопал себя по поясу, затем сгреб с подводы оружие, одеяла и, поморщившись, дал понять своим спутникам, что следует убираться как можно быстрее.

– Что случилось? – спросил Саш, когда друзья обогнули шатры, спустились ко рву и смешались с толпой, медленно бредущей в направлении ворот.

– Похоже, ты перестарался, – вздохнул Леганд и повернулся к Тиiru: – Может быть, следовало дождаться перед мостом этого Раббу?

– Именно что перестарался, – скрипнул зубами принц. – Мы не только лишились трех золотых, но и подвода у нас отобрали, а цепь эта означает, что нам следует идти в город к князю Борду, который в отсутствие короля-демона правит крепостью. Если ты, Саш, хотел доказать, что у тебя жар, это как раз получилось так, что убедительнее не придумаешь. Беда только в том, что больные вот с таким жаром считаются в Дарджи могучими магами и их сила должна быть направлена на службу королю. Действительно, лучше было у моста ждать, так ведь шпионов там много, я с полдюжины заметил, тоже не дело. Может быть, зря мы спешили? Рабба только на завтра встречу назначил.

– Не зря, – отрезал Леганд. – Что хочешь делай со мной, Тиир, а нет у меня веры этому Раббе!

– Я ничего не делал специально, – пробормотал Саш. – Все произошло само собой. Не колдун я, Тиир. А если и был им, и сила во мне есть, так не умею я ею управлять! Я как зрячий, который буквы видит, но читать не может.

– Да понял я! – Тиир со вздохом ударил Саша по плечу и испуганно рассмеялся. – Веришь? Хлопаю тебя по плечу и вдруг понимаю, что боюсь! Ты уж старых друзей не поджигай. Одного не пойму, кто ж тебя грамотности лишил? Или забыл, как поднимался на холм Мерсилванда?

– Теперь мне кажется, что подняться на холм Мерсилванда было так просто! – с досадой прошептал Саш.

– Ладно, – примиряюще сжал ему руку Тиир. – Что мы расстраиваемся? Или нам не надо в город? Эта цепь будет куда как лучшим пропуском, чем ярлык. К тому же я уже подумывал, куда деть подводу, так что стражник решил и эту проблему!

– За три золотых я бы дюжину подвод пристроила, – неожиданно проворчала Линга, и, как ни было тягостно друзьям находиться у самого логова врага, никто из них не сдержал улыбок.

– Послушай, Леганд, – Тиир внезапно стал серьезным, – поройся в своем мешке, не осталось ли там у тебя мази, которой мы свои лица у храма Эла мазали. Серые стоят на мосту. Очень мне не хотелось бы, чтобы кто-то из них меня узнал.

Ари-Гард словно пробудился от долгого сна, возвратился из небытия. Только непривычному взгляду казалось, что роскошный дом, покинутый гигантами, заняли мелкие лесные муравьи, которые теперь и копошились в его обширных галереях, стараясь приспособить их для своего роста. Многие здания города уже были восстановлены на скорую руку, на других трудились вармы элбанов, но уже и тут и там предлагали горячую еду, румяные дарджинки зазывали в трактиры, на площадях торговали лошадьми, сеном, зерном, овощами, кожей. Только не походил Ари-Гард ни на Эйд-Мер, ни на Заводье, ни на храмовый городок. И дело было не в том, что белый камень, который ари доставляли из Белого ущелья, что в Мраморных горах, новые хозяева города заменяли черным камнем, дело было в лицах. В обреченных, наполненных страхом и одновременно надеждой лицах пленников, которых стража гнала в сторону внутренней крепости, в исполненных ужаса лицах переселенцев, что тащились из внутренней крепости к выходу из города вместе с женщинами, детьми, домашним скотом, скарбом. На их лицах было написано, что только что, мгновение назад, они почти собственными руками убили ни в чем не повинных элбанов и с этой мыслью собираются прожить всю оставшуюся жизнь.

– Не обольщайся, – прошептал на ухо Сашу Леганд. – Все забывается. И чем страшнее события, тем быстрее элбан старается их забыть. А уж короче человеческой памяти вообще ничего нет.

– Так и век человека короток, – вздохнул Саш.

– Относись к этому как к дару Эла, – печально произнес Леганд.

Он, Саш и Линга сидели среди огромных глиняных горшков, хозяин которых согласился потерпеть путников на своем торжище за собственное чудесное исцеление. Тиир же отправился побродить по улицам. Что-то не давало принцу покоя, поэтому и повернул он решительно к рынку, где вскоре обнаружился высокий дарджинец, согнувшийся от боли в спине. Леганд помог торговцу разогнуться, чем и заработал деревянную скамью, большую миску вареных бобов и возможность отдохнуть.

– Понимаешь, – Саш теребил каменные диски, которые вместе с цепью Тиир оставил на его плечах, – все-таки я не могу забыть те слова, что сказала Йокка: «Только ты хозяин своей крови». Вот здесь, рядом, пылает арка, зажженная моей кровью. Я чувствую это. Я сижу здесь, а мне кажется, будто что-то выгорает у меня изнутри. Всеми силами я пытаюсь погасить ее,

но ничего у меня не выходит! Мне кажется, что я сам могу только гореть. Как и произошло только что, у моста через Ману.

Леганд молча обнял Саша, притянул к себе другой рукой угрюмую Лингу, вздохнул.

– Брось ломать голову. Придет время и пылающей арке погаснуть. Посмотри на эти диски, Саш. На них остатки краски. Один когда-то был красным, второй лиловым. Помнишь, ты рассказывал о своих снах? Это луны Дье-Лиа. Красная – Плывающее Пламя. Лиловая – Утренний Сон. Так их называли когда-то. Если у нас все получится, мы скоро окажемся в мире, который был отделен от Эл-Лиа долгие годы. Лиги лет. Если мы все сделаем правильно, если удача от нас не отвернется, эти миры разойдутся, чтобы не встретиться больше никогда. И это будет тот редкий случай, когда разлука пойдет на пользу...

– А мы сможем вернуться? – с тоской спросила Линга.

– Должны, – твердо сказал Леганд. – Хотя бы потому, что мой дом, наш дом здесь. Да если и придет время умереть, мне не все равно, в какую землю положат мои кости, где высохнет моя кровь.

– Разве твой срок уже близок? – насторожился Саш.

– Это мне неизвестно, – улыбнулся Леганд. – Да и не хотел бы я знать, когда он настанет. Но когда уходишь далеко от родного дома, самое время проститься с близкими.

– Не прощайся, – неожиданно прошептала Линга. – Не прощайся, Леганд, ведь мы идем с тобой!

– Кто тут собрался прощаться? – раздался за самым большим горшком довольный голос Тиира.

Когда куски горячего мяса, принесенные Тииром в глиняном блюде, были выловлены все до единого, а кувшин вина опустел, принц вздохнул, развернул одеяло, провел ладонью по наконечнику копья.

– Боюсь, что придется нам обнажить оружие, – сказал он.

– Обнажать оружие следует или в безнадежной ситуации, или когда рассчитываешь на победу, – отозвался Леганд. – Ты не забыл, что мы еще не добрались до цели?

– Я помню, – глухо сказал Тиир, приподнялся, окинул взглядом торговую площадь.

Покупателей у горшечника было немного, но он не зазывал новых, – видно, не только целительством Леганда завоевал принц его расположение.

– Мне удалось кое-что разузнать, – нехотя начал Тиир, словно повторение недавно услышанного причиняло ему боль. – Нам очень повезло, что демон в личине короля вместе с основными силами собранной им огромной армии остался близ крепости Урд-Ан. Когда демон находился в городе, порядки отличались большей строгостью. Мне не удалось бы разгуливать по этим улицам, не имея ни ярлыка, ни метки хозяина, как если бы я был рабом. Я встретил не меньше четырех дюжин серых. Их в городе немного, они командуют работами по укреплению стен, распоряжаются у пылающей арки. Среди этих серых троих я знал очень неплохо. Они были когда-то обычными парнями, но теперь словно ядовитые травы пустили корни в их сердца. Твоя мазь, Леганд, не просто придала мне личину деревенского дурачка, она заставила этих серых выхватить бичи и ради смеха испробовать твердость руки на моей спине. А ведь в правилах чести воинских орденов Дарджи четко записано о недопустимости унижения слабых!

– Может быть, они просто почувствовали, что ты сильнее их всех? – робко предположила Линга.

– В таком случае я благодарю судьбу, что они не поняли своих ощущений, – невольно улыбнулся Тиир. – Слушайте, что я разузнал. Демон окончательно разругался с королем раддов. Трудно судить о делах важных особ, собирая сведения среди черни, но, скорее всего, северный союзник захотел присвоить себе добычу южного. И речь, похоже, идет о дымном мече!

– Разве демон не сам добыл этот меч? – не понял Саш.

– Демон, – кивнул Тиир. – Мы все видели это, а если забыли, достаточно поднять глаза к небу и вспомнить, когда оно потеряло свой цвет. Правда, огненную змейку выпустил Эрдвиз. И это мы видели тоже. Не знаю, какие были у них договоренности, но Эрдвиз отказался оплачивать отрезанные уши пленников, которые тут порой ходили вместо денег. Эрдвиз отозвал магов-ари, которых в Ари-Гарде тоже было предостаточно. Именно поэтому, кстати, временный управляющий городом Борд собирает всех колдунов! Не знаю только, сумел ли Эрдвиз забрать у демона архов. В городе говорят, что он прислал их ему не менее варма! В любом случае крепостью Урд-Ан завладел все-таки Эрдвиз, и демон вовсе не собирается ее отбивать. Нет, он спешно возводит укрепления на своем берегу Инга!

– Крепость Урд-Ан строилась долгие годы, вряд ли он сможет построить что-то подобное, – задумался Леганд.

– Он не строит крепость, – жестко сказал Тиир. – Он готовится отразить нападение. Хотя многие считают, что Бангорд, все его тут по-прежнему называют именем моего отца, просто тянет время. Судя по всему, этот дымный меч такая ценность, что ради него Эрдвиз готов к самоубийству!

– С чего ты взял? – не понял Саш.

– Победить Орден Серого Пламени невозможно! – отрезал Тиир. – Хотя его можно уничтожить. Например, утопить. Но топить-то придется в собственной крови! Хватит ли у Эрдвиза воинов, чтобы наполнить их кровью реку?

– Хорошо, что ты не сказал об этом королю Салмии, – пробурчал Леганд. – Как же ты собирався сражаться с орденом, если его нельзя победить?

– Я собирався сражаться с демоном и его слугами, если они встанут у нас на пути! – отрезал Тиир. – Но не сражаться против собственного одурманенного народа!

– Никто из нас не собирается сражаться против народа, пусть он хоть весь одурманен, начиная с младенца и заканчивая самым глубоким стариком, – согласился Леганд. – Но всякий народ состоит из отдельных элбанов, любой из которых может приставить нож к твоему горлу.

– Вот этот с ножом и будет слугой демона, – сказал Тиир. – К чему эти споры? Корень зла кроется в Башне страха. Следует поломать голову, как проникнуть в Дье-Лиа.

– А не следует ли поискать этого Раббу? – спросила Линга. – Проследить за ним, вдруг он все-таки друг?

– Он враг, – хмуро бросил Тиир. – И нам следует спешить, потому как уже с завтрашнего утра он будет нас искать. Я встретил тут одного парня... Он пытается держать трактир на одной из улочек. Судьба смиростивилась над ним, ребенком он попал под копыта лошади, сломал ногу и хромает с тех пор. Только поэтому он не попал в ряды ополчения. Когда я скрывался от демона, пока не попал в серый орден, жил у его отца. Помогал ему на мельнице. Знаете, когда перетаскаешь с полварма мешков с мукой, никакая маскировка не нужна. Мука пропитывает тебя с головы до ног. Так вот этот парень сказал, что всякому известно – высшие князья Дарджи готовились объявить демона, захватившего тело короля, самозванцем. К несчастью, один из этих князей оказался предателем. И его имя Кредол!

– Подожди, но уверен ли ты, что его сокольничий... – начал Саш.

– Уверен, – опустил голову Тиир. – Я скорее поверю бедняку, которому нет смысла лгать, чем важной птице, что начинает лгать без особого повода. Да, почти все князья убиты. И убиты зверски, их кровь тоже была пролита над пылающими воротами. Да, один князь, Мантисс, спасся и скрывается где-то в окрестностях Мглистых гор, но Кредол жив, и именно он помогает Борду властвовать в городе! И Рабба его первый помощник, который лично вершит расправы!

– Подожди! – остановил принца Леганд. – Отчего же он не дал приказание схватить нас?

– Объяснение одно: рассчитывает с нашей помощью схватить Мантисса, – мрачно бросил Тиир. – Провел бы нас через арку, а потом устроил слежку. Нам будет нужна помощь в Дарджи, рано или поздно мы все равно вышли бы на Мантисса.

– И эти его планы мы невольно сломали, – задумался Саш.

– Вольно! – не согласился Тиир. – Я бы никогда не согласился обмениваться с предателем даже притворными улыбками. Ты, Леганд, сам говоришь, что наша цель все еще далека, отчего мы должны рисковать своими жизнями уже теперь?

– Что же нам делать? – спросил Леганд. – Не брать же горящую арку с боем?

– Зачем? – удивился Тиир. – Слушайте, что сказал мне друг. В Дарджи, на площади близ королевского замка, собираются наемники и переселенцы, бедняки и пришельцы из дальних стран. Все они верят, что пылающая огнем арка – это ворота к новой жизни, к богатству, к достатку! С той стороны не видно, что питает ужасный огонь. Элбаны дюжина за дюжиной, варм за вармом, лига за лигой проходят вперед, загораживая лицо ладонями от жаркого пламени. Туда же возвращаются только особые воины, которых в Дарджи называют егерями. Именно они разъезжаются во все концы моей земли, платят и крадут, обманывают и запугивают, выискивают и отслеживают. Они набирают воинов и крестьян в Дару!

– Так в чем же дело? – удивился Саш. – Нужно посмотреть, как выглядят эти егеря. Переодеться или захватить у них одежду, какие-нибудь ярлыки, что они предъявляют охране, и проникнуть за арку.

– Все гораздо проще, – усмехнулся Тиир. – Нужно купить у Борда собачьи головы. Да, головы тварей, что лигами были порублены здесь, пока Ари-Гард очищался от нечисти. Они насажены на колья, владелец такого посоха ныне в Дарджи почитается как демон смерти. Прибыльная должность, очень прибыльная.

– И во сколько это нам обойдется? – нахмурился Леганд.

– Две дюжины золотых, – бросил Тиир. – По полдюжины на каждого. Ну и дюжина золотых при каждом возвращении.

– Надеюсь, что плата за обратную дорогу не обязательна? – Леганд с сомнением позвенел монетами. – А то, боюсь, наши возможности небеспредельны.

Алатель уже клонился к западу, когда друзья подошли к бастиянам внутренней крепости. Две огромные башни вздымались ввысь и где-то там в вышине сливались цветом с безжизненным небом. Кованый мост, переброшенный через глубокий ров, подрагивал от бесконечного топота. То редая, то расползаясь в ширину, из ворот крепости тянулась лента элбанов. Тиир перебросился парой фраз со стражниками и вернулся к Леганду расстроенным.

– Не знаю, что творилось при демоне, но при Борде стража потеряла остатки совести! Денег хотят, а будете спорить, говорят, отправитесь в крепость через южный вход, туда пленников заводят. Требуют по золотому с носа только за проход, но не обещают, что нас примут! Говорят, что женщины и старики еще не нанимались.

– Что ж, мы будем первыми, – устало подмигнул Леганд Линге, отсчитывая монеты. – Эх, на какую пакость монеты приходится тратить!

– Сверток с оружием ремнями перетяните! – обернувшись, крикнул на валли Тиир. – Да не медлите, быстрее!

Едва путники миновали мост и вошли в ворота, Саш почувствовал, как тяжесть в груди потянула его к земле, и с ужасом приготовился увидеть пылающую арку. Низкий тоннель двора, сквозняк, лица и одежда испуганных элбанов, торопящихся выбраться из проклятого места, – все было пронизано противным, сладковатым запахом, об источнике которого не приходилось долго гадать. К счастью, здесь, вблизи крепости, не был виден черный дым, стоящий над городом столбом. Рослый стражник в серых доспехах окинул четверку понимающим взглядом, как должное принял у Леганда еще пару золотых и кивнул на дверь в стене. Заскрипели древние

петли, едва рассеялся мрак от тусклого света глиняной лампы, зашуршала под ногами затхлая пыль. Наконец еще одна дверь распахнулась, загремел за спиной засов, и толстый элбан в замасленном халате кивнул на иссеченную ножами скамью, принялся писать на восковой доске, задавая Тиiru какие-то вопросы, сопя и покусывая синюю с прожилками губу.

– Вот он, выход к арке, – прошептал Тиир, показывая на тяжелую деревянную дверь. – А вот та узкая дверца напротив – вход в казну. Оружие и мешки придется оставить здесь. Идем в казну, расстаемся с золотыми, получаем собачьи головы – и в арку.

– А не обворуют нас тут? – усомнился Саш.

– Да кто же? – махнул рукой Тиир. – Этот толстяк сам и пойдет принимать плату, охранник за спиной засов задвинул, а дверь к арке изнутри заперта, приглядишься. Впрочем, Леганд, не оставляй мешок. Толстяк только про оружие говорил. Нельзя в казну с оружием.

– Да, – прошептал Леганд. – Вот она, любовь к родине. Вроде бы и так в чреве у врага находимся, но поклонник незыблемых порядков Дарджи предлагает свернуться в комочки, чтобы чудовище загнало нас в собственную плотку еще глубже и не поперхнулось!

– Дарджи в двух шагах! – прошипел Тиир, показывая на дверь. – Меньше разговоров!

Вся казна была шесть на шесть шагов. Друзья стояли у стены, а толстяк принимал монеты, утомительно долго обнюхивал каждую, пробовал на зуб, чертил что-то на замасленной деревяшке и в довершение гремел замками тяжелых сундуков.

– А собачьи головы где? – спросил Тиир, когда толстяк наконец двинулся к выходу.

«За мной», – поманил чиновник новых егерей пальцем.

В комнате их ждали воины.

Трое серых и Рабба. Высокий старик в матово поблескивающей кирасе, напоминающей оставленный для сушки на колу начищенный котел. На скамье сидел обрюзгший воин, толстый живот которого и мягкий подбородок не могли скрыть чудовищную силу их обладателя. Впрочем, золотые перстни на пальцах говорили и о знатном происхождении.

Рабба виновато развел руками и затрясся в беззвучном смехе.

– И что же ваш колдун? – на чистейшем валли прогудел грузный воин, рассматривая копьё Тиира. – Так ничего и не почувствовал? Вы не обижайтесь на него. Тут, возле пылающих врат никакая магия не действует. Кровь все забивает. Все забивает... Кровь и пламя. Не то пламя, что хлысты жжет. Другое. Кстати, а ваш колдун сможет зажечь это старое копьё, если оно войдет ему в печень?

– Досточтимый принц Тиир, – склонился в шутиливом поклоне высокий старик, – я, смотрю, ты не расположен к шуткам, поэтому перейду сразу к делу. Для начала я хочу представить тебе и твоим... друзьям или твоей семье, демон вас знает, князя Борда! – поклонился старик толстяку. – Ты его не знаешь, но это правитель бывших врагов Дарджи, а ныне не просто союзников, а наших братьев – королевства Биордия! Теперь он первый помощник твоего отца!

– Не погань имя моего отца, предатель! – гневно прошептал Тиир.

– Об этом ты позже поговоришь со своим отцом, – скривил губы старик. – Правда, придется его немного обождать. Он пока... занят. К сожалению, не могу пообещать ожидания твоим друзьям. Впрочем, есть способ разрешить эту маленькую неприятность. Ты ведь слышал о том, что твой друг Мантисс все еще жив и даже прячется где-то в горах?

– Ты-то уж, Кредол, не спрячешься! – пригрозил Тиир.

– А я и не прячусь, – растянул губы в улыбке Кредол. – Не переодеваюсь в грязную одежду, не тяну бревна вместе с лошадьми. Рабба это здорово придумал, зачем вязать пленников, да еще везти их неделю до города пылающих врат? Пусть идут сами, заодно и пользу хоть какую принесут собственному отцу. Не так ли?

Тиир наклонил голову, но промолчал.

– Нечего язык чесать, – рыгнул Борд. – Отвечай, Тиир. Поможешь ли ты изловить Мантисса?

– У меня есть выбор? – мрачно спросил принц.

– А какой выбор бы тебя устроил? – спросил Борд, задумчиво трогая тетиву лука Линги. – Разве ты его еще не сделал? Не пожалел столько золотых за четыре собачьих головы! Видишь колья в углу? Вот только с головами заминка. Придется твою голову и головы твоих друзей насаживать. И это не самый страшный выбор, поверь мне! Ты бы задал этот вопрос своему хромому приятелю-трактирщику или глупому горшечнику. Да вот только они свой выбор уже сделали. Думаю, что как раз сейчас их кровь нашла лучшее применение!

– Значит, выбора нет? – мрачно повторил Тиир. – Но я не справлюсь без моих друзей.

– Оставь себе своих друзей, – согласился Борд. – Старика оставь. Парня этого горячего оставь. Надеюсь, он не пожжет леса на склонах Мглистых гор? Ну разве только если вы будете выкуривать Мантисса из его норы. Где цепь с дисками?

– Вот, – начал медленно расстегивать ворот Саш.

– Сам возьму, – шагнул вперед Кредол, выдернул цепь, содрал камнями кожу с подбора Саша.

– Видишь? – ухмыльнулся Борд. – Колдуна тебе оставляю! А вот девчонка тебе зачем?

– Это подруга его! – ухмыльнулся Кредол.

– Подруга – это не друг, – маслено улыбнулся Борд. – Подойди ко мне, девочка. Она не понимает? Иди сюда, – поманил он Лингу пальцем.

– Стой, – дернулся Саш, но Леганд схватил его за плечо.

Линга шагнула вперед, тяжело вздохнула и подошла к Борду. Не вставая со скамьи, князь провел ладонью по ее щеке, по груди.

– Не смей! – выкрикнул Саш, но руку поднять не успел.

Трое серых метнулись вперед как тени, и клинки их мечей замерли у лиц Саша, Леганда, Тиира.

– Что ж ты делаешь? – побледнев, процедил сквозь стиснутые зубы Тиир.

– Обеспечиваю верность слову, – довольно прошептал Борд, продолжая ощупывать Лингу. – Давно не встречал такой красавицы! Ведь эта девчонка что-то для тебя значит? Ну уж для твоего колдуна она значит очень многое. Посмотри, как дрожат его руки. Глаза наливаются ненавистью. Того и гляди, костер устроит из наших тел! Приведи мне Мантисса, Тиир. Можно даже мертвого, только доставь его мне, и я отдам тебе эту девчонку. Или то, что от нее останется. Например, вот этот чудный пояс. Скажите ей, чтобы она расстегнула его. Я хочу получше рассмотреть залог. Без одежды.

– Расстегни пояс, Линга, – громко и раздельно выговорил на ари Саш.

Дерпка кивнула и взялась за застежку. Борд прищурился, положил на пояс пальцы, испытующе уставился в лицо девушке. Она встретила с ним взглядом и уже не отвела глаз от его лица. Ни когда не слишком быстро, но плавно и сильно повела рукой в сторону и меч Болтаира, выскальзывая из ладоней Борда, отсек ему пальцы. Ни когда из глотки князя вырвался истошный крик и серые отвлеклись на мгновение, достаточное, чтобы меч Аллона оказался в руке Саша и пошел справа налево, рассекая доспехи и ребра показавшихся такими медленными противников. Ни когда меч Болтаира, изогнувшись в воздухе, ринулся назад, чтобы скользнуть по глотке Борда, и позволил ему вспомнить, что это такое, не задавленный жиром вдох полной грудью. Ни когда Тиир метнулся вперед и, схватив копьё, пронзил им не только треснувшую как орех кирасу Кредола, но и замершего за его спиной Раббу. Испуганно заверещал толстяк, но меч Болтаира добрался и до него.

– Все, – мрачно бросил Тиир, выдергивая копьё. – Прости, Леганд. Признаюсь, я был неправ. Попался как безусый мальчишка. Близость родной стороны замутила взгляд. Хорошо, что пока обошлось. Будем считать, что расчет произведен, правда, я вернулся бы за золотыми. Что-то мне не понравилось обслуживание в этой лавке.

– Ну с этим я не могу не согласиться, – загремел ключами Леганд.

- Одно плохо, – продолжил Тиир. – Коля есть, а с собачьими головами нас обманули.
- Почему же? – не согласился Саш, не отрывая глаз от побледневшего лица Линги.

Глава 5

След демона

С первыми лучами Алателя на берегу появились стражники. Дан узнал Урма. Васт сел в узкую лодку, оттолкнулся от пристани и, подплыв к джанке, окликнул Хейграста:

– Эй, нари! Твоего приятеля ночью тварь сожрала. Даже на погребальный костер нечего положить.

Хейграст хмуро кивнул и сел на борт джанки.

– Отчего пса не спустил? – спросил Урм.

Хейграст помолчал, потом нехотя сказал:

– Не осилит он эту напасть.

– Согласен, – кивнул васт. – Это у элбанов порой не сила, а умение решают. А у собак, зверья всякого, главное – размер. Волк этот больше вашего пса в полтора раза будет. Только вот что делать против него, ума не приложу.

– Для начала в крепость надо перебираться, – заметил Хейграст. – Каким бы этот волк ни оказался, на стены он не запрыгнет.

– Это верно, – кивнул Урм. – Тогда уж и ты не медли, нари. Поспешి решить свои дела. Лазутчики наши, что живыми добрались, доложили, что белая крепость пала. Спаса́ся кто или нет, нам неведомо, но нари двинули часть войска на северо-запад. Скоро будут здесь. Может, уже к полудню. Ты пойми одно: уходить тебе надо. Многие надеялись на твоего пса. Народ злится.

– Понял. – Хейграст выпрямился. – Хотя злиться надо на врага.

– Это уж как водится, – согласился васт. – Только ты ведь и сам знаешь, когда лесная кошка в проволочный си́лок попадает, она же не сталь грызет, а собственную лапу. Сталь не укусишь.

– И это понятно, – согласился нари. – Только ведь мне все одно в крепость надо.

– Вот что, нари, – Урм оглянулся на берег, – я сейчас начну людей в крепость перевозить. Город мы оставляем. Не чалься у главного входа. Огибай крепость справа, увидишь дверь у северного бастиона. Постучишь. И не медли!

– Кто старший в крепости? – спросил нари.

– Брат тана – Ормин – дружиной командует, – бросил, поднимая весло, Урм. – Но правит танка!

– Леганда бы сюда! – посетовал Хейграст, вытягивая на палубу якорь, когда васт отплыл обратно к пристани.

– Зачем он тебе? – не понял Дан.

– Он элбанов насквозь видит, а мне догадываться приходится, – в сердцах бросил нари.

– Подожди. – Баюл соединил пальцы. – Ненадолго, но я могу сделать так, что долго догадываться тебе не придется!

– Вот они, маги! – усмехнулся Хейграст, налегая на весло. – Долго или нет, это еще неизвестно, но с веслом уже я, а мудрый Баюл пальчики перебирает.

Стараясь не отставать от нари, Дан пыхтел у второго борта и поглядывал на приближающиеся бастионы. Крепость действительно казалась неприступной. Скошенные вниз отверстия для вара, бойницы для лучников – начинались только на половине высоты стен. К тяжелым воротам вели узкие ступени. Ни таран поставить, ни осадную лестницу опереть.

– Мы с Даном в крепость пойдем, – хмуро бросил Хейграст, разглядывая укрепление. – Баюл, останешься в лодке.

– Слышишь, песик? – усмехнулся банги, направляя джанку вокруг крепости. – Опять мы с тобой в стражах. Честно говоря, что-то мне и самому неохота идти в эту крепость.

– Опасность чувствуешь? – спросил Хейграст.

– Опасность тут всюду, – махнул рукой Баюл. – Но не в крепости. Там боль. Столько боли, что, того гляди, через бойницы польется.

– Ну в боли тоже хорошего мало, – бросил нари, поднимая взгляд к освещенным Алателем зубцам стены. – Эх, банги! А ведь без твоих собратьев здесь точно не обошлось!

– Эту крепость плежские банги строили, – подтвердил Баюл. – Старики говорили, что у них были подземные чертоги, почти такие же как в Мраморных горах. Черной смерти вот только они не пережили. Утеряны их галереи.

Не спуская глаз с крепости, Дан старательно работал веслом. Надвинулись заросли тростника, и джанка вновь закачалась в медленных водах Индаса. Крепость даже днем казалась странным каменным кораблем. А когда город и правый берег Индаса скрылись за ее громадой, ощущение лишь усилилось. На север, на запад, на восток – топь раскинулась до горизонта.

– Вот ведь! Даже конец закрепить не за что! Бросай якорь, Баюл! – крикнул Хейграст, когда джанка пробила ковер плавающих мхов и остановилась близ узкого парапета, где уже покачивались несколько лодок из смоленого дерева.

Банги спихнул с палубы камень с прихваченным цепью металлическим брусом, с тревогой уставился на убегающий в мутную воду канат, с облегчением вздохнул:

– Глубоко, но дно все же есть. Ничего. Тут течение слабое, не унесет.

– Да уж постарайся, чтобы не унесло, – кивнул Хейграст и прыгнул на каменные ступени. – Пошли, Дан.

Мальчишка привычно провел рукой по груди, потрепал пса по загривку и тоже шагнул на камень.

– Осторожнее там, – пробурчал вслед Баюл.

– Ты тут тоже не спи! – откликнулся Хейграст, поднимаясь к узким воротам. – Ну... – Он дождался Дана, подмигнул. – Да поможет нам Эл!

Отверстие в воротах, недостаточное даже для того чтобы просунуть кулак, открылось сразу, едва нари ударил по разъединенному временем металлу. Кто-то заворчал с той стороны по-вастски, Хейграст окликнул стражника на ари, и недовольный голос произнес:

– Это задние ворота! Кого там демон принес?

– Не демон, а срочная нужда, – отозвался Хейграст и поочередно сунул в отверстие сначала подорожную, а затем монету, полученную от Орма. – На главных воротах сейчас толкучка начнется. Лигские нари к Багзе подходят! Нам немой нужен, срочно. Кагл. Дело к нему из Индаина!

– Подождите, – смягчил тон неизвестный. – Ормина позову. Без него ворота все одно не открою.

– Чего там? – заорал снизу Баюл, когда у Дана от ожидания затекли ноги, а Хейграст начал вполголоса бормотать ругательства.

– Ждем! – крикнул нари, и в то же мгновение из-за ворот послышался хриплый старческий голос:

– Откуда у вас монета Орма, путники?

– Он сам и дал! – воскликнул Хейграст. – Виделись мы с ним утром того дня, как лигские нари в Азру вошли. В первый день месяца магби в оружейной у Хлюпа! Сказал, что иначе мы в крепость не попадем.

– Какое дело у вас к Каглу? – продолжил расспросы старик.

– Это я только ему могу сказать, – Хейграст почесал затылок. – Впрочем, скажу. Передать... наилучшие пожелания от старого элбана.

– Какого элбана? – не отставал старик.

– Какого? – переспросил Хейграст, с досадой взглянул на Дана и, наклонившись к отверстию, прошептал: – Обычный элбан... с виду. Старый и дряхлый белу.

В то же мгновение послышался скрежет засова, заскрипели петли, и крохотная дверца в тяжелых воротах отошла в сторону.

– Отличная работа, – оценил Хейграст толщину металла. – Такие ворота сделали бы честь любой крепости!

– Никакие ворота не спасут правителя, когда гибнет его страна, – мрачно заметил все тот же стариковский голос.

– Главное, чтобы правитель это понимал, – ответил Хейграст.

Дан вслед за нари перешагнул высокий порог, мгновение привыкал к полумраку, царившему в тесном крепостном проходе, наконец разглядел полдюжины высоких стражников, старика в вастских доспехах, чем-то напominвшего Орма, и еще одного элбана, который возвышался над остальными на голову.

– Ну что, Кагл? – невесело скривил губы старик, возвращая Хейграсту подорожную и оборачиваясь к высокому спутнику: – Не будь ты нем, расспросил бы я тебя, что это за нари напрашивается к тебе в гости, когда другие нари убивают вастов!

Высокий элбан сделал шаг вперед, луч Алателя, падающий из узкой бойницы, коснулся его лица, и Дан невольно вздрогнул, так немой оказался похож на Чаргоса. Разве только морщины на его лице были глубже, а глаза словно тонули в глазных впадинах. Кагл оглядел друзей, выпростал из-под серой мантии длинную ладонь и протянул Дану. И мальчишка, судорожно оглянувшись на согласно кивнувшего Хейграста, расстегнул воротник куртки, снял с шеи мешочек с камнем и протянул Каглу. Немой склонил голову и торжественно надел реликвию на шею.

– Что-то я не понял! – подал голос старик. – Объяснит кто-нибудь старому Ормину, что происходит?

Кагл вздохнул и неожиданно глухим голосом произнес:

– Время пришло, Ормин. Я ухожу туда, откуда пришел.

– Храни меня, Эл! – воскликнул старик, отпрянув. – Что же это делается?

– Предсказание сбылось, – мрачно произнес Кагл. – Ко мне вернулся голос, – значит я, должен возвращаться домой.

– Где твой дом? – с досадой воскликнул Ормин. – Все пламенем охвачено! Эх, демоново семя! Выпускать только по моему приказу! Пока что здесь танка правит, а не ты, Кагл!

Старик хлопнул руками по штанам, развернулся и засеменил в глубь коридора. Стражники сдвинулись у ворот.

– Эй! – воскликнул Хейграст. – А нам-то что делать?

– Идите за мной, – позвал друзей Кагл. – Мне надо собраться, а времени мало.

Много времени на сборы Каглу не потребовалось. Чашка, бутылка воды, мешок со снадобьями, стопка сухих лепешек, то ли короткий меч, то ли длинный нож в кожаных ножнах и плащ быстро нашли свое место в мешке. Элбан словно не замечал присутствия Хейграста и Дана, которые растерянно стояли в дверном проеме тесной кельи.

– Приятель! – наконец не выдержал Хейграст. – Раз уж к тебе вернулся голос, мог бы и объяснить что-нибудь.

– Объясню, – кивнул Кагл. – Но знаю я немного. Нам нужно выбраться из крепости как можно быстрее, но сначала придется говорить с Ирлой.

– Нам это чем-то грозит? – поднял брови Хейграст. – Наслушался я тут о сумасшествии танки. Или тебе хочется наговориться всласть, после того как ты молчал столько лет.

– Очень много лет, нари, очень много! – многозначительно произнес Кагл, затягивая мешок. – Идемте.

Крепость явно была готова к долгой осаде. Узкие проходы занимали мешки со смолой, дрова, груды камней. Лекарь вел друзей коридорами и переходами, поднимался по крутым

лестницам, по дороге рассказывая об Ирле. На пути то и дело попадались воины, тогда проводник опасливо замолкал.

– Танка безумна, – мрачно объяснял он. – И безумна уже давно. Войско вастов разбито, здесь только дружина и часть охранников тана, земли вастов опустели, а она приказала старшему сыну защищать белую крепость. Обрела его на смерть! Так же как обрела на смерть воинов тана, отправив их сначала на нари на Горячем хребте, затем на штурм оборонной стены Сварии.

– Куда же смотрел тан? – возмутился Хейграст.

– Тан мертв уже больше четырех лет! – ответил Кагл. – Точнее, почти был мертв. Только мое искусство поддерживало жизнь в умирающем теле, душа его давно уже бродила в садах Эла. Но вчера сердце тана остановилось!

– Она потеряла разум из-за болезни мужа? – нахмурился Хейграст.

– Болезни? – остановился Кагл, окинул взглядом друзей и прошептал, прежде чем толкнуть тяжелую дверь: – Тан умер не от болезни. Магия лишила его жизни! Такая могущественная, что некто одним щелчком отправил тана в гости к его предкам, не удосужившись даже умертвить тело.

Двери распахнулись, и Дан замедлил шаги, зажмурившись от бьющего в лицо Алателя. В большой комнате со множеством окон замерли несколько человек, но взгляд притягивала именно незнакомка. У распахнутого окна стояла женщина. Она была одета в черное платье, скрывающее складками очертания фигуры, рук, шеи. Женщина держала в руке медный кувшин, опускала туда руку и выбрасывала за окно щепотки порошка. Сквозняк задувал порошок обратно, стоявший поблизости Ормин морщился, жмурился, ожесточенно тер нос, наконец не выдержал и громко чихнул.

– Ормин! – повернула голову женщина. – Ормин! Ты не выносишь присутствие брата даже после его смерти. Хотя... все-таки я не уверена, что он умер. Есть ли вероятность, что мы сожгли его живым?

Женщина повернулась к вошедшим, и Дан понял, что эти слова, сказанные на ари, прозвучали именно для них. Не спуская глаз с Кагла, она прошла к высокому трону из темного дерева, поднялась по ступеням, села. Поставила кувшин на резной столик, вновь запустила руку внутрь, достала щепотку порошка, растерла его между ладонями, провела пальцами по щекам. В первое мгновение она показалась Дану удивительно молодой, но, приглядевшись, мальчишка понял, что ее лицо напоминает маску. Мертвую, застывшую маску, время над которой не властно. Перед ним сидела та самая танка, Ирла, сумасшедшая мать принца Орма, которая, по словам вастов, послала войско сначала на лигских нари, а затем на Лингер и Кадиш.

– Он умер, – глухо выговорил Кагл.

– Он умер, – как эхо повторила Ирла, потом бросила взгляд на Дана, Хейграста. – Нары, ты понимаешь на ари? Они тут все обижаются, что я говорю на ари, но я сварка, хотя и...

– Ирла, – Ормин оглянулся на окружающих его воинов, – лигские нари подходят к Багзе.

– Зачем? – Ирла вдруг нервно сжалась, подняла плечи, спрятала лицо в ладонях, но, когда отняла их, на ее губах мерцала отсутствующая улыбка. – Разве мой сын Орм не разбил их у белой крепости? Придется его наказать! Нары! Зачем вы напали на мой народ?

Кагл нервно шевельнулся, окинул взглядом воинов, вытянувшихся вдоль стен, шагнул вперед:

– Ирла! Это другой нари. Он мой гость!

– Гость? – удивленно подняла брови Ирла. – Может быть, и остальные нари гости? А мы их боимся, прячемся за этими стенами. А они всего лишь гости?

– Послушай меня, – поморщился Кагл.

– Слушаю... – Танка склонила голову на плечо. – Хотя я и не должна тебя слышать. Ты говоришь? Значит, ты не немой? Ты обманывал... нас... эти долгие годы?

– Нет, – покачал головой Кагл и кивнул на Дана: – Он излечил меня.

Ирла повернулась к Дану, нахмурилась, затем неожиданно улыбнулась.

– Орм был совсем таким же, когда Жорм подарил ему меч воина! А мой младший, Орнис, будет таким только через полдюжины лет... Что с ним, Ормин?

– Он в покоех вместе с няньками и моей женой, Ирла, – пробурчал Ормин. – С ним все в порядке.

– А где Орм? – встревожилась танка.

– Орм оборонял от врага белую крепость, – терпеливо вздохнул брат вастского тана.

– Он сражался?! – схватила за голову танка. – А что, если он ранен? Кагл, этот мальчик излечил тебя? Ты лекарь, малыш?

– Я... – попытался ответить Дан, но язык словно прилип к гортани.

– Подойди ко мне, – протянула руки Ирла.

В одно мгновение Дан увидел одобряющий кивок Хейграста, настороженный взгляд Кагла, движение руки Ормина к рукояти меча. Мальчишка сбросил с плеча лук, отстегнул меч, положил все это на мозаичный пол и шагнул вперед. Танка все так же с улыбкой смотрела на него, но ее губы не шевелились. Они тоже были частью маски.

– Ты лечишь только немых? – спросила Ирла.

– Я... – охрипшим голосом снова начал Дан и вдруг замер.

Он увидел! Там, где черные волосы танки прятались под красную траурную ленту, блеснула искра. Особенный волос! Он напомнил мальчишке нити на теле индаинского князя, которые Дану пришлось распутывать в покоех Альмы. Этот волос был еще чернее, может быть, и тоньше остальных, но он казался вытянутым из той черноты, что сгушалась сначала на Азрой, а теперь и над всей Вастой.

– Я... избавляю от боли, – выдохнул мальчишка неожиданно для самого себя.

– От боли? – оживилась танка.

Удивление промелькнуло у нее в глазах.

– Что ж, на поле битвы ты мог бы облегчить страдания умирающим.

– Мне бы хотелось избавлять от боли тех, кто хочет выжить, – прошептал Дан.

– Это все равно, – равнодушно сказала танка. – Всякий элбан, стоит ему только появиться на свет, начинает дорогу к собственной смерти. Мы все умирающие. К тому же не всякая боль излечима. Что ты скажешь о той боли, которая живет во мне?

– Она напоминает мне море, – тихо сказал Дан. – От нее нельзя избавиться полностью, но... освободиться необходимо!

– И ты можешь это сделать? – презрительно усмехнулась танка.

– Да, – кивнул Дан. – Для этого мне только нужен один твой волос.

– Как ты смеешь? – Ормин гневно шагнул вперед.

– Успокойся! – подняла ладонь Ирла. – Или ты думаешь, что я позволю мальчишке заниматься тут колдовством? Но волос я тебе дам и... посмотрю, как ты будешь меня... лечить.

– Я должен выбрать волос сам, – наклонил голову Дан, сжимая вспотевшие кулаки.

Ормин нервно звякнул мечом, но танка поднялась, подошла к мальчишке и вдруг прищурилась, протянула руку, коснулась камня ари на его груди, взглянула на Хейграста, увидела у него такой же камень, легко присела перед мальчишкой и сказала:

– Выбирай.

Дан глубоко вдохнул, закусил губу, протянул руку и коснулся волоса. В следующее мгновение все его существо затопила боль. Руку обожгло, но боль ожога утонула в потоке того страдания, что хлынул, прорвав неведомую плотину. Сквозь наполнившие глаза слезы Дан успел разглядеть странно изменившееся лицо Ирлы, тень метнувшегося вперед Ормина и Хейграста, останавливающего васта. Кагл что-то встревоженно закричал за спиной. Дан ухватил волос и выдернул его.

Мальчишка пришел в себя на палубе джанки. Над головой сиял Алатель, под ним подрагивал парус, где-то рядом шелестела вода. Дан сел, взглянул на перевязанную ладонь, огляделся. Джанка резво бежала по широкой, окаймленной болотной травой протоке. Тростник стоял стеной. Позади, над головой высунувшего от жары лопату языка Аенора, возвышался далекий силуэт крепости Багзы.

– Что со мной? – недоуменно спросил Дан.

– Хвала Элу, ничего, – довольно откликнулся с носа джанки Баюл. – Я, конечно, не присутствовал при событии, но утраченная теперь чувствительность позволила нари кое-что рассмотреть. Ты молодец, парень!

– Эй! – раздался довольный голос Хейграста. – Идите сюда!

Дан поднялся и, пошатываясь от слабости, перебрался через Аенора к корме. Рядом с нари сидел Кагл.

– Познакомься, Дан, – кивнул на нового пассажира Хейграст.

– Мы уже знакомы, – не понял мальчишка.

– Меня зовут Фардос, – прижал руку к груди бывший Кагл.

– И он знаком с Чаргосом, – поспешил добавить Хейграст.

Дан прищурился, вспомнил лицо начальника северной цитадели Эйд-Мера и неуверенно спросил:

– Фардос, ты валли?

– Да, парень, – кивнул тот. – И мы все вместе идем в пределы Вечного леса. И не только потому, что Хейграст надеется отыскать там свою семью.

– В Вечном лесу?! – с ужасом спросил Дан. – Разве кто-то может войти в Вечный лес? На равнине Уйкеас его называют проклятым!

– Ну так его называют далеко не все элбаны, – усмехнулся Хейграст. – Ты лучше послушай Фардоса.

Валли бросил хмурый взгляд на юг и негромко продолжил:

– Вот уж не думал, что после стольких лет молчания я буду говорить с таким нежеланием. Такое ощущение, что слова истерлись, побледнели... Впрочем, многого я и не могу сказать. Мой дом там, – махнул рукой на север Фардос. – Однажды, много лет назад, я провинился. Точнее сказать, не смог выполнить свой долг. Я ведь не маг. Обычный, хоть и хороший, лекарь. Там... в лесу есть священная роща. Одно дерево было особенным. Оно помогало хранить секреты Вечного леса. Хозяйка леса говорила, что это дерево наполняет ее силами. Я погубил его.

– Погубил? – не понял Дан.

– Уснул, – горько кивнул Фардос. – Когда я открыл глаза, священное дерево итурл было сожжено. Не осталось ни одной ветви, ни частицы, не тронутой огнем, из которых дерево можно было бы возродить. Даже корни его обратились в пепел. В наказание Эл лишил меня голоса. Хозяйка Вечного леса, которой дано видеть просветы будущего, сказала, чтобы я отправлялся в Вастию и ждал. Однажды ко мне придут трое элбанов с собакой и принесут нечто переданное старым белу. Вместе с этим даром ко мне вернется голос. Затем я должен привести гостей к хозяйке.

– Откуда ты мог знать, что с нами собака и еще один элбан? – поинтересовался Дан.

– Мой голос вернулся, – объяснил Фардос.

– Хотел бы я знать свое будущее! – воскликнул Хейграст.

– А я нет, – отозвался Баюл. – Жить будет неинтересно. Или очень страшно.

– Хозяйка дорого платит за свои способности, – заметил Фардос. – Всякий, кому многое дано, служит своему дару.

– Что Дан выдернул из головы Ирлы? – спросил Хейграст.

– Не знаю, – пожал плечами Фардос. – Ваш друг не одарил меня магической проницательностью даже на недолгое время. Все, что я могу сказать: более четырех лет назад в Азре появился чужеземец. Маг или лекарь. По городу поползли слухи, что он способен исцелять от неизлечимых болезней и даже останавливать старение. Правда, дорого берет за услуги. Ирла страшилась старости. Ничего удивительного, что однажды она пригласила лекаря во дворец...

– И он остановил ее старость? – нарушил паузу Баюл.

– Вместе с разумом. – Фардос словно очнулся. – Сразу после визита к танке лекарь исчез. Меня позвали, потому что присутствующий при встрече Ирлы с лекарем тан заболел. Точнее, он умер. Превратился в безмозглого увальня, который бессмысленно хлопал глазами, ходил под себя и понемногу умирал все эти годы.

– А танка? – спросил Дан.

– Танка? – Валли поднялся, подошел к носу джанки. – Танка действительно... не старела. Объявила, что тана отравили лазутчики нари, и бросила дружину за Горячий хребет на бастионы горцев. Затем взялась завоевывать равнину Уйкеас. Уничтожила Лингер и лишилась последних воинов под Кадишем. Теперь же считайте, что Вастии нет вовсе.

– Теперь старость нагнала танку, – прошептал Хейграст и объяснил, поймав взгляд Дана. – Едва ты выдернул у Ирлы из головы этот странный волос, который показался мне похожим на впившуюся в ее голову змею, как она зарыдала. И слезы смыли не только безумие с ее лица, но и молодость, которая, если честно, совсем не выглядела привлекательной. Я бы сказал, что она сильно постарела.

– Она стала прежней Ирлой, – не согласился Фардос. – У Вастии появилась надежда. Даже теперь, когда войско лигских нари подошло к Багзе. Крепость будет взять очень непросто! Ирла способна ее отстоять.

– Да, – кивнул Хейграст. – Пока ты перевязывал Дана, она отдавала вполне осмысленные приказания. Я даже заметил радость на лице Ормина, который перед этим едва не бросился размахивать мечом. Старый вояка порядком переволновался, особенно когда увидел кровь на руке Дана. Этот волос или змея была раскалена как стальная проволока в горне!

– К счастью, колдовство было рассчитано именно на танку! – вздохнул Фардос. – Иначе ты, Дан, не отделался бы ожогом.

– Как звали того колдуна? – поинтересовался Баюл. – Надеюсь, все понимают, что это был никакой не лекарь? Он скрывал свое имя?

– Почему же? – покачал головой Фардос. – Мне передали, что он называл его с гордостью. Видимо, считал, что заимствованное у древнего демона имя должно внушать почтение. Он называл себя Илла!

– Знаешь, – прошептал Хейграст, взглянув на застывшее лицо Дана, – не думаю, что я обрадую тебя, Фардос, но это, скорее всего, и был Илла.

Глава 6

Пылающие врата

Зло стояло в воздухе как невидимый туман, который не застилает взор, но пропитывает голоса, запахи, жесты. Даже одежду и обыденные предметы. Смерть казалась привычной и скучной. Кровь лилась словно вода.

Мечом одного из серых Тиир не торопясь отсек головы Борду, Кредолу, Раббе и толстому казначею и насадил их на колья. Кровь потекла по древесине, выпачкала руки, но новые егеря Бангорда восприняли это как должное. Они были удивительно спокойны и неторопливы. Если бы даже за дверью четверку ждала армия серых, они бы не двигались быстрее, не думали о том, как остаться в живых. Невидимый яд смерти вливался в их глаза, ноздри, уши. С каждым мгновением они сами становились частью смерти, а когда бестрепетно сжали в кулаках страшные посохи, стали похожи на ее посланников. Только Леганд побледнел как мел, осунулся, но кол с головой Кредола тоже взял и только прошептал чуть слышно:

– Эл не простит мне этого. Я сам этого себе не прошу...

Тиир сдвинул щеколду и потянул на себя тяжелую дверь.

Арка полыхнула огненной короной в глаза сразу. До нее было не более варма шагов. Ночь вступила в свои права, но в крепостном дворе было светло как днем. По правую руку за невысокой каменной оградой прятался приземистый каменный дом, и Саш отчего-то сразу понял, что это тот самый дом Дагра. Место, откуда началась черная смерть. И еще он почувствовал, что за низкими стенами все еще кроется зерно прошлой беды, косточка ядовитого плода. Почему он думал об этом? Вероятно, лишь потому, чтобы не смотреть на арку смерти. Но она ослепляла даже сквозь прикрытые веки. Непроглядная чернота оставалась только внутри полукруглая грубой каменной кладки, внутри арки, через которую шли и шли люди. Скрипели повозки и тачки, мычали быки, блеяли козы, лаяли собаки. Звенели оружие и лопаты в руках выходящих из мрака людей. «Оружие, чтобы убивать. Лопаты, чтобы рыть могилы», – промелькнуло у Саша в голове. И каждый из вынырывающих из черноты испуганно озирался, вздрагивал, впитывая и отпечатывая на лице растворенный в воздухе ужас, повинуюсь окрикам охранников, шел в сторону, бросал зажатое в руках полено в огромный костер и, пошатываясь, отправлялся дальше.

Вздымался столб черного дыма, брошенные поленья охватывало пламя, которое смешивалось с трепещущими силуэтами, с искореженными болью очертаниями рук и ног, с тлеющими у основания костра страшными плодами дерева смерти – отрубленными головами. В костре горели умерщвленные пленники. А еще живые толпились где-то за аркой, потому что именно оттуда доносилось шелканье бичей, крики, женский и даже как будто детский плач. А над огненной короной пылающих врат престолом смерти возвышалась сколоченная из неошкурных стволов вышка, с которой и подкармливалось голодное пламя. Сверкал над блестящим камнем широкий топор, падала во тьму отрубленная голова, струи крови лились вниз. И пламя радостно трепетало, поглощая страшную пищу.

Ноги почти отнялись. Дыхание перехватило. Руки налились свинцом. На миг Сашу показалось, что кол с насаженной головой нельзя опирать о землю, он мгновенно вцепится в нее корнями, прорастет, уйдет в глубину, только чтобы избавиться от ужасной ноши! Чувствуя, что крепостной двор начинает закручиваться каруселью, Саш на мгновение замер, вздохнул, оглянулся. Леганд шел, пошатываясь, почти волоча за собой кол с головой Кредола. Тиир поддерживал его под руку, но и его лицо было блее снега. И его руки дрожали, колени подгибались, словно принц тащил на себе неподъемную ношу. А Линга плакала. Глаза ее были спокойны, широко открыты, словно она впитывала в себя каждую частичку увиденного, но слезы

крупными каплями безостановочно лились по щекам. И именно эти слезы словно вдохнули в Саша силы.

Они прошли половину расстояния до арки, еще дюжину шагов...

Люди, выходящие из арки, не обращали на странную процессию внимания, их разум висел на волоске, они могли только переставлять ноги, да и то не все, некоторые падали, их оттаскивали в сторону охранники, но стражей страшных ворот разум словно покинул вовсе. В их глазах горело безумие. Даже разглядев страшную ношу четверки, они продолжали смеяться.

Еще дюжина шагов и еще одна...

Прямо перед воротами нари в серых доспехах преградил Сашу путь, ткнул пальцем в голову Борда, выкрикнул что-то, но ответа не услышал. Вместе с отсветом прозрачного меча и его голова полетела под ноги. Серые замерли, не стирая застывшие улыбки с лиц. Саш оглянулся, убедился, что Леганд не споткнулся об упавшее тело, что стража ворот оцепенела, и шагнул в черноту арки.

Кромешная тьма окружила со всех сторон. В ушах что-то лопнуло, словно, для того чтобы победить, тишине следовало сожрать звуки, и она сделала это одним глотком. Тьма показалась столь плотной, что ее можно было ощупывать пальцами, преодолевать как тягучую жидкость, дышать ею, словно легкие обратились в жабры, хотя вряд ли кто из четверки сделал вдох. Один шаг, второй, третий... или всего один, но растянувшийся на многие ли? Мгновение, застывшее как капля влаги на краю крыши в морозный день. Но вот и все...

Саш, а за ним Линга, Леганд, Тиир вынырнули из пустоты опять в ночь и замерли на городской площади. Впереди, сразу за крышами приземистых домов из обожженного кирпича на высоком холме, угадывались очертания огромного замка, а за спинами друзей пылала все та же арка, только не было видно ни кладки, ни языков пламени, лишь бледный контур, словно она была нарисована в ночном воздухе, словно сумрак сгустился и черкнул по своему округлому верхнему краю слепящей огненной линией. Тянулись по площади все той же лентой люди, только лица их еще не были отмечены ужасом. В них сквозили недоумение, тревога, любопытство. Хотя блеснул и ужас, едва первые разглядели страшные колья в руках у четверки. Гостей заметила и охрана. Что-то крикнул один из серых, потянули мечи из ножен остальные стражники.

– Шестеро, – глухо вымолвил Тиир. – Вся ночная смена здесь. Поспешим же. Те, что за спиной, не могут войти без разрешения в арку под страхом смерти, но рано или поздно они поймут, что голова того, кто мог это разрешить, насажена на один из наших колов.

Друзья бросили колья под ноги серым одновременно. Вряд ли эти воины были ровней тем, кто охранял Борда. Им потребовались мгновения, чтобы взглянуть в отрубленные головы, узнать их, удивиться, ужаснуться, схватиться за мечи. Тем временем две стрелы Линги нашли свои цели, а старший охраны был насажен на копье Тиира. Еще один схватился за горло, перерубленное мечом Аллона, а последние двое вдруг рванулись по площади в сторону замка. Линга выпустила еще стрелу, но она отскочила от доспехов одного из беглецов.

– Там смерть! – громко крикнул на валли Леганд, показывая в сторону арки. – Не ходите туда, там смерть для вас и ваших детей! Никто не вернется.

Не сводя глаз со странного старика, люди продолжали скрываться во тьме пылающих врат.

– Быстрее! – Тиир ухватил Леганда за рукав. – Быстрее! Не здесь надо вершить спасение, не здесь!

Спутники вложили в бег все силы и всю резвость, отыскивавшие в их телах. Саш только удивлялся, как Тиир находит дорогу на узких улочках погруженного во тьму города, да еще успевает пинать не по размеру наглых бродячих собак, которые вознамерились сопровождать нарушителей ночного спокойствия, сколько хватает сил и глотки. Где-то за спиной раздавались

металлическое звяканье, крики. В отдалении слышался топот, но Тиир повернул раз, другой, вбежал в переулок – столь узкий, что пройти по нему можно было только боком, проломил какую-то изгородь, пересек еще несколько улиц и остановился лишь тогда, когда покосившиеся домики и темные огороды уперлись в крепостную стену.

– Сюда! – прошипел принц, сшиб ногой несколько жердей ограды и шагнул к темнеющему даже на фоне пасмурного ночного неба огромному дереву.

– Кто здесь? – послышался встревоженный окрик из глубины сада, и тут же вспыхнул огоньком лампы дверной проем.

– Свои, Снарк, свои! – буркнул в ответ Тиир, взобрался на толстый сук и протянул руку Линге: – Быстрее!

– Ты вернулся? – с надеждой спросил неизвестный, погасив лампу.

– Нет, Снарк, это только мой голос, – раздраженно прошептал принц и полез вверх по наклонившемуся стволу. – Сюда, – торопливо повторил он карабкающимся за ним друзьям.

– Веревка на месте! – донесся снизу радостный шепот.

– Спасибо, Снарк, – поблагодарил Тиир, распутывая моток веревки. – Убери наши следы... ради своей же пользы. Да, и веревку потом подбери!

Выглянувшая из-за тучи звезда бросила луч на влажные от дождя камни, ветром донесло запах реки, и Сашу на мгновение показалось, что он дома.

– Быстрее! – настойчиво повторил Тиир и скользнул по веревке вниз.

За ним последовали Линга, Саш и Леганд, снова начинающий обретать ловкость и быстроту. Веревка обожгла руки, в ноги ударил пыльный тракт, но Тиир уже вновь торопил друзей. Повторилась беготня по грязным теперь уже деревенским улочкам. Остались за спиной последние огороды. Ударил в лицо густой кустарник. Сырая трава хлестнула по коленям, снова залаяли собаки, но уже тише, а городская тревога не слышна была вовсе. Река приблизилась, под ногами зачавкало, запахло гнилью, блеснула вода. Тиир вполголоса выругался, шагнул в густую стену тростника, нашел гору сырых сучьев и срубленных кустов, принялся отбрасывать их в сторону, пока не нащупал смоленый борт лодки.

– Молодец Снарк, – выдохнул с облегчением.

– Кто он, этот Снарк? – спросил Леганд, когда берег исчез в темноте.

– Теперь просто друг, – устало прошептал Тиир. – Когда я был мальчишкой, Снарк служил конюхом у моего отца. Учил меня управляться с лошадьми. Пытался спасти сына короля от княжеской спеси и вельможной тупости.

– А ведь ему это удалось, – спокойно, без тени улыбки сказала Линга.

– Рано, рано подводить итог, – недовольно буркнул принц.

– Почему же? Все не так уж и плохо, – заметил Саш, пытаясь унять внезапную дрожь в руках и коленях.

– Нет, – не согласился Тиир. – Плохо, очень плохо! Даже радость, что я вновь в своем мире, померкла. Хотя я и проходил уже через горящую арку, но тогда... Тогда показалось, что это обычная плата войне. Ведь те жертвы могли быть и врагами. Пусть даже и не моими врагами! Но женщины и дети... Как только мое сердце не разорвалось!

– У него еще будет не одна возможность разорваться, – печально сказал Леганд.

– Нам очень повезло, что здесь теперь пасмурная, безлунная ночь, – продолжил Тиир. – Дни Дье-Лиа и Эл-Лиа не совпадают. Можно было попасть и в раннее утро, и в поздний вечер, так же как и в полдень, когда на этой площади не протолкнешься. Многие жители города считают горящую арку чудом! Когда я уходил из Дье-Лиа, здесь был ясный день, а в Ари-Гарде глухая ночь. Правда, и в Ари-Гарде за это время многое изменилось. А уж в Дье-Лиа... На площади я успел разглядеть толпу. Там уже мало дарджинцев. Крестьяне из-за реки, воины из дальних стран... Ужасно, если Дарджи вообще обезлюдеет! Но еще ужаснее то, что происходит

у горящей арки в Ари-Гарде. Я не забуду этого до конца моих дней! Ее надо потушить любой ценой, даже если народ Дарджи навечно будет разделен между двумя мирами!

– Ведь однажды так уже произошло, – задумчиво проговорил Леганд. – Я сам не был в Дье-Лиа лиги лет! Но те врата, что были закрыты богами, не требовали крови. Пройдя через эту арку, я словно сам вымазался в крови. Я почувствовал собственную смерть. Она близко! Но не в моей смерти дело. После всего этого я приму ее с облегчением. То, что мы увидели, действительно ужасно. В мгновения, когда понимаешь, какими бывают страдания, собственная жизнь, кажется, не стоит даже медной монеты.

– Я не могу ее потушить, – мрачно сказал Саш. – Я бы умер возле этих врат, если бы это потушило ее, но... я не знаю, как прекратить это пламя!

Никто ему не ответил. Потянул ветерок. Блеснула одна звезда, другая – и внезапно из-за тучи выкатил лиловый шар и осветил широкую реку, бегущую в тростниковых берегах, уходящую к горизонту всхолмленную степь по одной стороне реки, дальнюю гряду гор и грозный замок, словно слепленный на высоком холме из толпящихся друг возле друга башен, – по другой.

– Полночь, – торжественно проговорил Тиир. – Мы в сердце Дарджи. Это Селенгар. Там, в замке на холме, дворец короля, где прошло мое детство. Там могила моей матери. Река, что приняла нашу лодку, носит имя Динна. Степь, которая служит ее южным берегом, называют бескрайней, но она имеет свой предел. За ней немало царств, где, я надеюсь, еще нет власти демона. А те горы на горизонте называются Мглистыми. Наш путь лежит именно туда.

– Утренний Сон, – показал Леганд на лиловую луну.

– Не видела ничего красивее! – восхищенно прошептала Линга.

– У тебя твердое сердце, если ты способна чувствовать красоту после того, что мы видели недавно, – глухо проговорил Тиир и попытался улыбнуться. – Но вот когда облака рассеются окончательно, там на западе, у горизонта, покажется Плывающее Пламя. Правда, это старые названия. Теперь луны Дье-Лиа называются проще – Сон и Пламя.

– Как мы доберемся до Мглистых гор? – спросил Саш.

– Река принесет нас туда, – успокоил его Тиир. – Сначала она уйдет к югу, затем повернет к горам. Будем притворяться рыбаками, а чтобы мы действительно походили на них, тут под скамьями рыбацкие плащи, сети, весла, даже острога есть. Вот обратно придется пробираться пешком. Правда, может быть, мы раздобудем лошадей. Да и Мантисса все-таки надо бы найти.

– Ох, рано мы заговорили об обратном пути, – вздохнул Леганд. – Долго ли продлится наш путь до Башни страха?

– Три недели, – с сомнением прищурился Тиир. – Две недели по реке и дней пять пешего хода. Хотя всякое может случиться.

– А вот и Плывающее Пламя! – воскликнула Линга.

Сквозь кайму тяжелых облаков блеснул алый шар, и через мгновение стало почти светло. Казалось, что при желании можно рассмотреть каждую тростинку в плывущем мимо береге, но ночь никуда не делась. Она расползлась по равнине, спряталась в прибрежных зарослях, умчалась к темнеющим вдали горам. Саш закрыл глаза и почувствовал терпкий запах лугового ореха, услышал шелест летящих семян ночного белокрыльника, и как давний сон накнулись, потянулись друг за другом воспоминания.

– Здесь она, – прошептал он чуть слышно. – Черная волчица здесь!

Глава 7

Хозяйка Вечного леса

Путь до окраин Вечного леса растянулся на неделю. Индас, разделившись на множество рукавов, лениво нес мутные воды навстречу джанке. Тростник, стоявший вдоль воды стеной, закрывал горизонт, поэтому каждый изгиб русла неизменно оборачивался разочарованием – снова тростник, снова стаи птиц днем и тучи кровососущих насекомых ночью. Ветер метался по водяным коридорам и дул то в спину, то в лицо. То и дело парус приходилось убирать и вставлять на весла. Фардос греб вместе со всеми и молчал. Мальчишка даже думал, что валли вообще больше не скажет ни слова, когда ранним утром восьмого дня тот торжественно произнес:

– Вечный лес!

Дан выпрямился, ничего не увидел, ловко вскарабкался на мачту и поразился перечеркнутой горизонт полосе величественных зарослей. К полудню лес уже возвышался и над стеной тростника, а бесчисленные протоки и рукава реки вновь слились в единое русло.

– Водяные ступени! – протянул вперед руку Фардос. – Самый большой водопад в Эл-Айране. Он не слишком высок, не более пяти дюжин локтей, но с этой высоты падает не какой-нибудь ручей, а полноводная река!

Дан пригляделся и понял, что клубящийся впереди туман – это тучи брызг, вздымающиеся от падающей с каменной кручи воды. Джанка резво бежала вперед, и с каждым мгновением рокот воды становился громче. Вскоре он заглушил крики бесчисленных птиц. Река словно выныривала из-под полога вознесенного на каменный гребень леса и вонзалась в испуганное пространство южной топи.

– Лес стоит на плоскогорье, – повел рукой Фардос. – Обрыв снижается только к старым горам на востоке, но там самое царство топи. Очень давно на месте южной топи простиралось прекрасное озеро! Теперь это надежная защита от незваных пришельцев.

– А у тропы Ад-Же? – спросил Дан. – Ведь там нет топи! Там можно войти в лес?

– Нигде нельзя войти в лес, – ответил Фардос. – С той стороны покой Вечного леса охраняют лесные стражи.

– Красота! – покачал головой Хейграст. – Эх! Жаль, что никто не видит этот водопад.

– Почему же? – не согласился Фардос. – Изредка вастские рыбаки добирались и сюда. Они называют его местом, где рождается туман. Но ни один из них не продвинулся дальше. Для них здесь тупик.

– А для нас? – спросил Хейграст.

– Скоро узнаем, – волнуясь, бросил Фардос. – Баюл, правь к правому берегу! Давай-ка, нари, берись за весло. Дан, убирай парус!

Мальчишка бросился к мачте, пробежав по боку недовольно заворчавшего Аенора, ловко потянул на себя канат.

– Куда править-то? – заволновался Баюл. – В тростник, что ль?

– Именно что в тростник, – кивнул Фардос. – Видишь, по правую руку он чуть ниже? Словно скошен.

– Скошен, как же! – не согласился банги. – Если в любом другом месте джанка скроется вместе с мачтой, здесь останется торчать ее кончик. Эх, не люблю я болота!

– Знавал я одного банги, который тоже не любил болота, – откликнулся Хейграст. – К счастью, это не помешало ему по ним путешествовать.

– Ну тут-то путешествовать особо не придется, – отозвался Фардос. – Если только потом...

Джанка вошла в тростники как нож в свежее испеченную лепешку. Подрагивающие стебли разошлись в стороны, и суденышко заскользило по невидимой воде. В нос ударило запахом гнили и рыбы. Где-то рядом слышались всплески, возня, щебет птиц, рычание. Несколько раз джанка вздрагивала, словно царапала корпусом подводные коряги.

– Шабры, – спокойно объяснил Фардос в ответ на вопросительный взгляд Дана. – Не волнуйся, деревяшки им не по вкусу.

– Порой хочется стать деревянным, – опасливо заметил Баюл, отодвигаясь от борта.

– Неужели? – усмехнулся Хейграст. – По слухам, хозяйка Вечного леса может удовлетворить твоё желание с лёгкостью.

– Эй! – встревожился банги. – Фардос! Надеюсь, ничего подобного нам не грозит?

Валли не ответил. Он продолжал орудовать веслом, стараясь добраться до воды между колышущихся стеблей. Медленно, но джанка продвигалась вперед. Дан оглянулся. Тростник, выпрямляясь, скрывал образующуюся протоку.

– Тут не весла нужны, а шести! – с досадой заявил Хейграст. – Найдем, может, на берегу?

– Ни ветки, ни единого листка нельзя сорвать с дерева без разрешения хозяйки Вечного леса! – торжественно произнес Фардос.

– Ну вот, – Баюл с досадой плюнул за борт, – везде свои порядки. В Гранитном городе, когда я еще относился к подгорной мелкоте, так же было. Не дай Эл молодому банги отбить камешек от свода там, где ему не указали мудрейшие!

– Хорошее правило, – кивнул Хейграст. – Главное, чтобы нас не постигло наказание за эту джанку!

– За что же нас наказывать? – оторопел банги.

– Она сделана из дерева, – объяснил Хейграст. – Кстати, банги, сколько деревьев ты сжег за свою жизнь в очагах?

Баюл попытался что-то ответить, но в это мгновение джанка остановилась. Она словно попала в цепкие путы. Фардос прошел на нос, ткнул веслом в ковер трясины, устало вытер пот.

– Дальше ногами.

– Это как же? – испуганно пролепетал Баюл. – Трясина же!

– Трясина, – согласился валли. – Но немного. До берега не более двух вармов локтей. Доставайте клинки, элбаны. Рубите тростник, весь, до которого сможете дотянуться. Иначе вымажемся по пояс или... – Фардос взглянул на Баюла. – Или с макушкой.

Фардос знал свое дело. Он связывал тростник в снопы и укладывал их на топь. Вскоре вокруг джанки тростника уже не осталось, друзья закинули за плечи мешки и ступили на тростниковую гать.

– Так и идем, – пояснил Фардос, покачиваясь на тростниковых валках как на подвесном мосту. – Рубим, кладем под ноги, идем дальше. Ничего, ближе к берегу трясина станет плотнее.

– Хотелось бы верить, – пробурчал банги, отмахиваясь от облепивших лицо мошек и с сомнением поглядывая на медленно поглощающую тростник черную жижу.

– А ты шевелись быстрее! – посоветовал ему Хейграст, обнажая клинок.

– А как же Аенор? – не понял Дан.

Порядком растолстевший в долгом пути пес тревожно поднялся на лапы и теперь, недоверчиво приносясь, смотрел вслед друзьям.

– Эй! – окликнул его Хейграст. – Аенор! Последуешь за нами, но не раньше чем мы подойдем к берегу. Понял?

Пес утвердительно заскулил и неуклюже спрыгнул в трясину. Мгновение, недоуменно оскалив пасть, он погружался в грязь, затем судорожно ударил лапами, подмял под себя тростниковые снопы и, сшибая с ног друзей, рванулся к берегу.

– Вот ведь демоново семя! – Хейграст, стоя по пояс в трясине, попытался вытереть лицо вымазанным вонючей грязью рукавом.

– Возможно, ты прав, – задумчиво заметил Фардос, сбрасывая с плеч тину.
– А где Баюл? – отплевываясь, спросил Дан.
– Банги! – начал тревожно оглядываться Хейграст.
– Успокойся, – махнул рукой Фардос. – Банги оказался не промах. Уцепился за хвост зверя и, скорее всего, уже посмеивается над нами на берегу.
– Так нам-то что делать? – не понял Хейграст. – Тростник рубить?
– Теперь уже нет, – обернулся Фардос. – Ваш пес сделал в трясине просеку. Здесь мелко. Но медлить не следует. Шабры могут приплыть на шум.

Дан оглянулся. Сдвинутая Аенором джанка покачивалась в тростниках. Над головой кружились встревоженные птицы.

– Я не шучу, парень, – донесся голос валли. – Поспешим.

Охая и проклиная пса за помятые внутренности, Баюл ждал друзей на берегу. Вымазанный в грязи Аенор носился из стороны в сторону. На узкой полоске каменистой, поросшей жестким кустарником осыпи он легко мог покалечить кого-то из спутников, поэтому Хейграст поспешил прикрикнуть на пса. Аенор немедленно развалился на колючей траве, вывалив огромный язык.

– Куда дальше? – Нари скользнул взглядом по вздымающемуся в дюжине шагов обрыву. – Тут шею можно сломать. Что-то я и у водопада лестницы не заметил!

– Лестницы не будет, – прошептал Фардос, улыбаясь. – Только тропа.

– И где же она? – в недоумении оглянулся нари.

– Недалеко, – успокоил его валли. – День пути. Или два.

– Это все испытания? – простонал Баюл. – Что-то я тогда не понимаю, отчего в Индаине говорят, что зайти в Вечный лес – это верная смерть? Где стража, страшные звери, магия?

– Мы еще не вошли в Вечный лес, – заметил Фардос. – Подожди.

Если бы не ручьи, которые то и дело попадались на кособоге, следующие два дня показались бы Дану сущим кошмаром. Лица друзей опухли, каждую ночь из топи поднимались тучи кровососов, которые словно старались отомстить путникам за все мыслимые и немыслимые прегрешения. Фардос смазывал опухшие физиономии мазями, снимал зуд, но и только. В первую же ночь Баюл попробовал колдовать, но гнус мгновенно облепил пальцы банги, и карлик бросил бессмысленные попытки. Хейграст обреченно посматривал по сторонам, нужной травы не было. Только пса эти огорчения не занимали, он носился взад и вперед, сгоняя накопившийся жир и оставляя на колючих ветвях кустарника клочья свалявшейся шерсти. К счастью, у первого же ручья путники задержались, чтобы привести себя в порядок, очистить одежду. В дальнейшем они только блаженно опускали в холодные струи зудящие лица. Наконец, взобравшись на очередную осыпь, Фардос торжественно объявил:

– А вот и тропа!

– Да, – разочарованно протянул Хейграст. – Могли бы забраться где-нибудь поближе к Индасу! Уж за пару дней точно бы вскарабкались.

Вдоль выветренного откоса скал тянулась узкая стежка, которую вначале Дан принял всего лишь за складку обрыва. Порой она исчезала вовсе, скрываясь в зарослях плюща, порой петляла вверх и вниз.

– Вскарбаться можно где угодно, – кивнул Фардос. – Но в гости к друзьям лучше заходить через дверь, а не в окно или дымоход.

– Порог у этой двери что-то высоковат, – недовольно пробурчал Баюл.

– Смотри-ка! – оживился Дан. – А пес так не думает!

Аенор подошел к краю тропы, принюхался и, прижимаясь левым боком к камню, осторожно двинулся вверх.

– Сейчас заберется на обрыв, выберет самую прекрасную полянку и обязательно нагадит! – проворчал Баюл. – Пошли, чего теперь думать?

– Она здесь, – прошептал Фардос, облизал мгновенно пересохшие губы и двинулся вслед за псом.

– Кто здесь? – не понял нари. – Эй! Баюл, Дан, не медлите! Я пойду последним. Кто это «она», Фардос?

– Ее зовут Ай, – обернулся валли. – Она хозяйка Вечного леса.

– Ай, – проворчал Баюл. – Странное имя. Короткое. У меня, впрочем, тоже не слишком длинное. А вот у одного банги, моего ровесника, имя было из дюжины букв, чем он несказанно гордился. Правда, за те годы, что я покинул Гранитный город, оно выветрилось у меня из памяти. Нет, конечно, половину букв я еще могу вспомнить, а уж вторую – никак!

– Баюл! – раздраженно прикрикнул на него Хейграст. – Помолчи хоть немного!

– Обязательно, – огрызнулся банги. – Правда, для этого надо бы занять чем-нибудь рот. Не помешали бы жаркое, свежееиспеченная лепешка и соус из земляных орехов. Да и про кувшин хорошего вина я никогда не скажу, что он лишний!

Дан карабкался за Баюлом, вполуха слушал его бормотанье и думал, что еще немного – и он окажется в том самом заповедном Вечном лесу, о котором слышал столько сказок и присказок, когда в доме старого Трука прислуживал изрядно набравшимся вина охотникам. Хотя теперь, после всего что ему довелось пережить вместе с Сашем, Лукусом, Хейграстом, Баюлом, разве может его удивить хоть что-то? Только одно. Чернота, которая осталась у горизонта на юге, именно теперь впервые не давила мальчишке на сердце. Что-то поддерживало его. словно кто-то подхватил под локоть и помогает идти. Дан даже оглянулся, вцепившись в свисающие над тропинкой пряди каменного плюща. Во все стороны до горизонта простиралась топь. Уже с половины подъема становилось ясно, что тростниковый лес окружает ленту Индаса широкой, но не бесконечной полосой. А дальше – на запад, на юг, на восток – бурозелеными разводами тянулась трясина.

– Не медли, – поторопил мальчишку Хейграст. – Смотри-ка, пес уже почти наверху. Да не верти головой, поднимайся!

Дан поправил мешок на плечах и, наклонившись, поспешил вверх. Из-под сапог карабкающегося перед ним Баюла сыпались мелкие камешки, но вот уже болотная вонь стала ослабевать, по щеке пробежал свежий ветерок, стебли плюща сменились коричневыми корнями деревьев. Дан забрался на очередной уступ, сделал еще один шаг и оказался наверху. Лучи Алателя, проникая сквозь кроны древних деревьев, играли на мягкой траве. В ветвях щебетали птицы. Аромат невидимых цветов спускался к земле и плыл невесомых облаком.

– Стойте, – услышал Дан голос Фардоса.

Мальчишка оглянулся. Валли, сбросив мешок и закрыв глаза, сидел в густой траве. Баюл, кряхтя, усаживался рядом.

– Дальше идти нельзя, – проговорил Фардос и, не открывая глаз, протянул руку вперед. – Она здесь. Она сама выйдет к нам.

– А где наш пес? – поинтересовался Хейграст, опускаясь в траву возле Дана.

– Пес не нуждается в разрешении, – ответил Фардос. – Для зверя не существует границ.

– Сказал бы ты это жителям окраин Индаина, у которых кабаны вытаптывают огороды, – пробурчал Баюл, откидываясь на спину.

– В Вечном лесу кабаны не вытаптывают огороды, – спокойно ответил валли.

– Может, ты еще скажешь, что здесь есть огороды? – удивился Баюл.

– Были... – прошептал Фардос. – Много лет назад были. Огороды. Сады. Священные рощи. Хрустальные родники...

Дан слушал шепот валли и всматривался вперед, туда, где меж затененных кронами толстых стволов дальние деревья словно танцевали в ярко освещенных прогалах. Лучи Алателя,

переплетаясь с тенями ветвей, клубились странным искрящимся туманом. И вот уже шум легкого ветра слился с щебетанием птиц и превратился в прозрачную мелодию. Невидимый музыкант выдувал из легкой тростниковой дудочки удивительные трели. Музыка то замирала, то усиливалась. В какое-то мгновение Дану почудилось, что ее источник кружится вокруг них, взлетает, поднимается между кронами и вновь опускается, приближается и еле слышно звучит прямо в ушах. Мальчишка зачарованно моргнул, поднял руку и смахнул с лица паутину теплых лучей. У ближайшего ствола стояла девчонка. Точнее, она показалась девчонкой Дану. Хозяйка Вечного леса оставалась юной, как только что проклюнувшийся из почвы побег, но все в ее облике говорило о лигах и лигах прожитых лет. Длинные черные волосы, падающие на легкое серое платье, сверкали искрами зелени, которая могла сойти за зелень древности на медных браслетах плежских танцовщиц. Тонкие руки напоминали ветви молодых эрнов, но в них же угадывались изгибы корней лесных великанов. Глаза смотрели с улыбкой, но в их глубине таился холод источников, из которых никому не удавалось сделать ни глотка. Хозяйка отняла от губ тонкую дудочку и негромко сказала:

– Да. Ты видишь меня, Дан. И мастер камней меня видит. И Фардос. Что ж. Пусть меня увидит и нари.

Хозяйка шагнула вперед, словно оторвалась от ствола дерева, частью которого была, и подошла к друзьям. Дан поспешил подняться на ноги. Зашевелились Хейграст и Баюл. С облегчением выдохнул над ухом Фардос.

– Я вернулся, Ай...

– Я вижу, – ответила хозяйка. – Священная роща ждет тебя, Фардос. Я уже говорила, любой мог оказаться на твоём месте, но именно тебе стало подвластным долгое ожидание.

– Валли привычны к ожиданию.

– Ожидание не может быть бесконечным. Дай мне свой груз.

Фардос снял с шеи мешочек, протянул Ай. Она положила его на ладонь, улыбнулась.

– Ожидание закалило тебя, Фардос. Ты не пытался открыть тайну. Не касался шнура, не задавал вопросов.

– Признаться, даже и не слыша вопросов Фардоса, меня так и подмывало ответить на них, – неожиданно пробурчал Баюл. – Но у нас строгий командир.

– Ведь наш путь не закончен? – дрогнувшим голосом спросил Хейграст.

– Пока вы живы – нет, да и после смерти только Элу известно, что будет с нами, – покачала головой хозяйка, развязала мешочек и выронила на ладонь Рубин. Луч Алателя коснулся граней, и на мгновение Дану показалось, что сияние Вечного леса померкло. Вторая ладонь накрыла камень, дивное свечение погасло, но тут же осветились глаза хозяйки. Осветились, хотя веки были закрыты. Внезапно стали видны сосуды на щеках, на лбу, на руках. Кожа показалась серой. Волосы блеснули не только прозеленью, но и сединой. Глубокие морщины подчеркнули глаза, уголки рта, пересекли лоб.

– Всё.

Ай вновь превратилась в хрупкую девчонку. Она улыбнулась, опустила Рубин в мешочек, затянула шнурок, надела его на шею.

– Камень вернется к Чаргосу, – вновь улыбнулась хозяйка и добавила, скрывая в изгибе губ усталость: – Тут недалеко родничок, пойдемте. Вам нужно умыться, отдохнуть. Завтра в дорогу.

– А пес? – робко спросил Дан.

– Пес уже там, – ответила Ай.

Дан так и не смог понять, целый ли день Ай вела их по окраине Вечного леса, или Алатель не сдвинулся по проглядывающему сквозь величественные кроны небу и на две ладони. Хозяйка не подносила дудочку к губам, но музыка звучала не переставая. Тропы под ногами

не было вовсе, но, всякий раз когда Дан собирался поставить ногу, трава словно сторонилась стоптанного сапога, приоткрывая толику невидимой дороги. Да и колючие кусты будто строились в шеренги, пропуская спутников, и всякий раз, когда Дан оглядывался, он с удивлением замечал, что за спиной кусты вставали непроходимой стеной. А так ничем этот лес не отличался от деррских лесов. Так же толпились эрны, да еще ланды изредка попадались между ними, напоминая желтые колонны, подпирающие небо. Только вот хозяйка вскоре исчезла.

– Где она? – обернулся Дан к Фардосу, на лице которого блуждала счастливая улыбка.

– Хозяйка приходит когда хочет и уходит когда хочет, – туманно выразился валли и махнул рукой вперед: – Пришли.

Хейграст раздвинул кусты цветущей ароны, которой уж никак было не место в диком лесу, и первым шагнул на зеленый бархат травы круглой поляны. В ее центре невесомо парил в воздухе навес, образованный сплетенными ветвями тонких, молодых эрнов. Рядом попыхивала дымком почти обычная деррская печка. Даже поленица порубленного сухого хвороста была точно такой же. На траве блаженно лежал на боку Аенор, а рядом... Рядом стояло нечто невообразимое!

– Деревянный элбан! – вскричал Баюл, сдергивая с плеча пику. – Однажды индаинские кузнецы сошли с тропы Ад-Же, чтобы набрать хвороста, так вот, судя по рассказам тех, кто выжил, именно такие чудища вышли из чащи и уничтожили каждого второго.

– Однако Аенор его не боится, – осторожно заметил, останавливаясь, Хейграст.

– С чего бы это псу пугаться деревьяшки? – опасливо проворчал Баюл.

– Не бойтесь, – шагнул вперед Фардос. – Это корневик – слуга хозяйки леса.

Корневик стоял неподвижно, только то ли травины, то ли ветви подрагивали у него на плечах. Одним взглядом Дан окинул покрытое узлами и переплетениями, напоминающее деревянный чурбан тело, крепкие, шелушащиеся золотой корой руки и ноги, голову, похожую на горб древесного гриба.

– Как он ест? – изумился Баюл. – У него и рта нет!

– Вот так и ест, – показал Хейграст на ноги странного существа.

Дан пригляделся и тут только заметил, что из ног корневика тянутся белесые побеги и зарываются в землю, а рядом, в каких-то трех-четырех шагах, сразу за навесом журчит, поблескивая, родничок, прячется в траву и убегает на край поляны прозрачным ручьем.

– Нет, – с сомнением покачал головой банги. – Я так не умею, да и вряд ли так наемся.

– А ты подожди сетовать, – посоветовал Хейграст. – Приглядишься-ка. По-моему, на печке стоит котелок, в траве у поленицы – циновка из тростника, а уж на ней...

На циновке оказалось достаточно разнообразной еды. На широких листьях диковинной травы лежали ореховые лепешки, длинные, посыпанные сушеным медом хлебцы, тушеные овощи, половину которых Дан видел впервые в жизни. Только вот вина не нашлось, о чем не замедлил заявить Баюл, но затейливые чашки стояли тут же, а вода в роднике оказалась вкуснее любого вина.

– Интересно, чем эти деревянные воины кормили нашего пса? – наевшись, откинулся на спину Баюл.

– В лесу достаточно дикого зверья, – заметил Фардос, покусывая травинку. – Некоторым из них случается поедать друг друга. Думаю, что ни один валли или корневик от зубов Аенора не пострадает.

– До того мгновения, пока пес не почувствует в них врага, – добавил Хейграст.

– Не советовал бы я искать в этом лесу врагов даже псу. – Фардос поднялся, отряхнул одежду, оглядел зашевелившихся друзей. – Я покидаю вас. Недолго мы виделись, но я успел понять, что вы достойны уважения и помощи. Благодаря вам я вернулся домой. Впрочем, без меня вы никогда бы не смогли войти в Вечный лес. Немногим дается такое право. Здесь сохраняются древние растения и животные. Здесь истоки многих тайн и легенд Эл-Лиа. Здесь про-

должают жить последние валли, что еще остались на этой земле. Но раз уж Рубин Антара коснулся рук элбанов, кажется мне, скоро придет конец и Вечному лесу, и срок – валли.

– Как это, конец Вечному лесу?! – не понял Дан. – Почему?

– Рано или поздно всему приходит конец, – сказал Фардос. – Ведь и Вечный лес не неприступная крепость. Нет ничего вечного, парень. Всякий лес старше деревьев, которые его составляют, но порой погибает задолго до того, как будет срублено последнее дерево. Не волнуйтесь. Пока еще он остается тем, чем был долгие годы.

Валли улыбнулся, склонил голову и скрылся между деревьев.

– Ну вот, – растерянно развел руками Баюл, – опять мы остались одни. Что-то я не понял насчет конца Вечного леса.

– Если бы конец угрожал только Вечному лесу, – хмуро бросил Хейграст. – Отдыхайте. Думаю, что сегодня мы можем спать, не опасаясь врага.

– Эх, не верю я деревянным существам, – пробурчал Баюл, косясь на корневика. – Вот будь он каменным, другое дело...

Дану снился сон, в котором Саш и Линга и еще кто-то стояли над телом убитого элбана. Дан озирался, стараясь понять, чья гибель могла вызвать скорбь и слезы, знакомые лица мелькали вокруг, но смысл видения ускользал. Он попытался нагнуться, чтобы стянуть с лица погибшего ткань, но почувствовал жар на лице и проснулся.

Высокий костер пылал среди поляны на принесенных плоских камнях. Темными тенями стояли кольцом в отдалении корневики. У костра сидели Хейграст, Баюл, Ай. Тут же, настоженно подняв огромную голову, лежал пес.

– Вот и маленький воин проснулся, – чуть слышно прошелестела хозяйка, но Дан слышал каждое слово. Нахмурившись, он подошел к костру, взглянул в лицо лесной девчонке, которая, несмотря на юный вид, казалась старше Вечного леса, и невольно улыбнулся. Ай довольно кивнула мальчишке и протянула Баюлу пику, которую до этого держала в руках.

– Да, – сказала она, стирая с лица улыбку, – это дерево итурл. Дагр – очень сильный маг. В образе птицы он пробрался в центр Вечного леса, усыпил стражу и срубил последнее дерево итурл, чтобы изготовить этот посох. Затем сжег все до последней веточки и куска корня. Но я все равно не смогла бы спасти священное дерево. И этот оставшийся кусок тоже мертв. Все силы вычерпаны из него до последней капли. Вы захватили его у Дагра?

– У его создания, манки! – объяснил Хейграст. – Арбан победил его!

– Арбан... – задумалась Ай. – Значит, потомок демона действительно силен. Но Дагр – это не Илла, который разорвал вашего друга пять лет назад в ущелье Маонд. Победить Иллу неизмеримо труднее. Так же как и ту тварь, что сейчас рыщет у южной топи.

Дан вздрогнул и невольно оглянулся, хотя ночные эрны вставали со всех сторон стеной до неба.

– В чем сила этого дерева? – осторожно подал голос Баюл.

– Мне трудно объяснить, – медленно проговорила Ай. – Приходилось ли тебе, банги, работать в душной штольне, когда отдушины еще не пробиты и притока свежего воздуха нет? Или войти под своды зеленого леса после путешествия по душной степи? Деревья облегчают дыхание элбанам. Магические деревья облегчают дыхание магам. Придают им силы. Защищают от магии зла. Но Дагр не хотел причинить зло Вечному лесу. Колдун вовсе не думал об этом. Он боялся. Боялся и искал силы. Именно для этого ему потребовалось дерево итурл.

– Разве дерево способно усиливать магию или давать силы? – опять подал голос Баюл, не обращая внимания на сдвинутые брови Хейграста.

– Каждое по-разному, – спокойно ответила Ай. – Но любая травинка, если она останется одна в Эл-Лиа, станет средоточием всей магии своего рода, сколь бы незначительной она не была. Тем более итурл. Итурл и смараг – две ветви одного ствола. Душистые цветы смарага

никогда не станут плодами, если пыльца итурла не долетит до их лепестков. С тех пор как итурла более нет в Вечном лесу и где-либо в Эл-Лиа, священные рощи смарага не приносят плодов.

– А на что годны плоды смарага? – вновь вмешался Баюл. – Они съедобны? Или из них можно сделать чернила, как из сока речного ореха, смешанного с сажей?

– Баюл! – с досадой воскликнул Хейграст. – Думаешь, Ай не справится без наводящих вопросов?

– Плоды смарага очень вкусны, – улыбнулась девчонка. – Но дело не в их вкусе. Они дают отдых деревьям. А деревья дают отдых мне. И это не все!

– Так отчего бы вам было не развести в свое время целую рощу итурлов? – не унимался Баюл. – Рощи смарагов-то у вас есть!

– Баюл! – вскричал Хейграст.

Дан пригляделся к лицу Ай и в очередной раз удивился странному сочетанию несомненной юности и груза прожитых лет.

– Не волнуйся, нари, – остановила Хейграста хозяйка Вечного леса. – Я должна объяснить. Дерево итурл не просто так привлекло Дагра. На языке валли «итурл» означает «ярость». Никогда не будет в Эл-Лиа двух таких деревьев. Никогда не примется его новый росток, пока живо старое дерево. Пусть даже между ними будут простираться равнины и горные перевалы.

– Разве нельзя было еще до прихода Дагра приготовить веточку, кусочек коры, чтобы возродить это дерево? – осторожно спросил Дан.

– Можно, – кивнула Ай. – Но всякая магия имеет свои пределы. Нельзя лигу за лигой лет возобновлять растение частицами его плоти. Рано или поздно потребуется его плод, либо другая, не истощенная рассаживанием частица растения. Припасенные плоды смарага Дагр тоже уничтожил. Я не могу восстановить итурл, поэтому Вечный лес обречен.

– Ты так спокойно говоришь об этом?! – воскликнул Хейграст.

– Зато не обречен Эл-Лиа! – повернулась к нему Ай. – Именно поэтому вы здесь, поэтому вы вошли в пределы Вечного леса, поэтому вы можете рассчитывать на мою помощь.

– Леганд рассчитывает на помощь Арбана! – Хейграст нетерпеливо шевельнулся. – Хотя и не знает, что тот сможет сделать для Эл-Лиа кроме освобождения Дары. Что будет с камнем? Как следует поступить нам? Что нас всех ждет?

– Не знаю, – ответила Ай. – Фардос, вероятно, назвал меня провидицей? Отчасти он прав, но, когда я гляжу в будущее, я вижу чаще всего только силуэты, лица разглядеть очень сложно. Часто я не могла объяснить свои видения. К тому же заглядывать в будущее очень сложно, недавно я вновь предприняла попытку, теперь мне надо беречь силы. Враг захватил тропу Ад-Же, стоит ему расправиться с последними защитниками равнины Уйкеас, он ринется на просторы Вечного леса. Я не смогу долго сдерживать его.

– Разве остались еще силы, способные противостоять врагу? – горько спросил Хейграст.

– Остались, – кивнула Ай. – Или правители Салмии, Империи, Сварии сложили оружие? Или врагу покорились все остальные элбаны? Или уже мертвы вы?

– Мы пока еще не мертвы! – прошептал нари. – Но что нам делать теперь, после того как мы достигли Вечного леса?

– Вот, – Ай показала ладонь, которую пересекал багровый шрам. – Неделию назад я посадила дерево смараг. Росток прошел через мою ладонь и достиг высоты двух локтей. Вы еще толькоплыли вверх по течению Индаса, а я уже знала, что камень у вас, что его нужно передать именно Чаргосу и отправить валли к тому элбану, который использует силу камня, как должно! Затем Чаргосу суждено искать место главной битвы с врагом, потому что все кто были у источника сущего обязаны встретиться вновь!

– Аллона уже нет! – Хейграст вскочил на ноги. – Арбан-Строитель канул в пределах чужих миров. Дагр, Илла – наши смертельно опасные враги! Тот, кто убил Аллона, неизвестен!

– Успокойся, – мягко сказала Ай. – На то и битва, чтобы в ней встретились смертельные враги! Илла, Дагр, Чаргос пока живы. Кровь Аллона найдена. Кровь Арбана жива в Саше. Убийца Аллона явится в любом случае, ведь он жаждал большего, чем получил. Любого из тех, кого я назвала, может заменить его ученик, потому что учитель передает ученику не только знания, но и частицу себя. Не волнуйся, пройдет время, и сомнения развеются сами собой. Битва состоится. Камень уже отдан Чаргосу.

– Он был здесь?! – вскричал Хейграст.

– Не здесь, но рядом, – улыбнулась Ай. – Я знаю твой следующий вопрос, нари, и отвечу на него. Твоя семья в безопасности. Пока в безопасности. Скоро вы встретитесь.

Тишина воцарилась на поляне. Даже костер словно перестал потрескивать, замер.

– Что мы должны сделать? – наконец прошептал Хейграст.

– Все что можете, – ответила Ай. – Но то зло, что ведет лигских нари по равнине Уйкеас, можете остановить только вы.

Глава 8

Окраины Дарджи

Солнце в Дье-Лиа звалось Рамма. Маленькое, но ослепительно яркое светило резво выкатилось из-за горизонта. Поблескивающая дорожка рассекла дымку, поднимающуюся над водой, вспыхнула золотом на спине взлетевшей над гладью рыбы, заставила зажмуриться Лингу, прикрыть глаза рукой Саша. Только Тиир, оцепенев, продолжал смотреть на сияющий диск, пока от рези слезы не потекли по щекам. Леганд сидел на носу и то и дело опускал ладони в воду, стряхивал капли, вытирал руки о халат, снова опускал в воду, словно на кистях проступали и проступали только ему видимые пятна крови.

– Ну и как тут ловят рыбу? – спросил Саш, провожая взглядом очередную деревню, похожую и непохожую на все деревни, которые ему приходилось встречать.

Вместо ответа Тиир вытянул из-под лавки тонкую сеть, начал выпутывать из зеленых нитей тростниковые поплавки, затем махнул рукой и бросил ее за корму как есть, полуспутанной.

А река понемногу ползла вперед, закручивалась прядями над омутами, ускорялась над мелями и перекатами, прислонялась то к одному берегу, то к другому и негромко шелестела о чем-то по тростникам.

– Птиц мало, – пробормотал Леганд.

– Не время. – Тиир смотрел вперед, но глаза его были пусты, словно он не видел ничего, только губы шевелились. – Не время пока еще. Лето в Дье-Лиа только начинается. На гнездах птицы. Короткое здесь лето. Зато зима... длинная.

– Куда течет эта река? – спросила Линга.

Охотница, свернувшись, как дикая кошка, вздремнула на корме и теперь единственная из всех, рассматривала берега с интересом. Ветер растрепал ей волосы, она отвернулась, пытаясь вновь собрать их в пучок, но, когда выпрямилась и повторила вопрос, Саш понял, что и ее глаза полны слез.

– К морю, – ответил Тиир. – К далекому морю. Уйдет к югу, развернется, возвратится к северу, высадит нас у Мглистых гор и опять поспешит на юг. Динна – большая река. Она минует Дарджи, затем Тогго, затем Биордию, затем Ирджи, затем дикие земли, другие королевства, которые сменяют друг друга так часто, что не стоит заучивать их названия, а потом встретится с морем. Мы его зовем далеким. И птицы тоже улетят на зиму к этому морю. А мы останемся.

– У нас ведь и дома еще остались дела! – неожиданно твердо сказала Линга. – Погостим в Башне страха и вернемся. Не так ли?

Саш пристально взглянул на охотницу. То ли у нее высохли слезы, то ли вовсе их не было. Сколько уже продолжается их совместное путешествие? Почти четыре месяца по счету Эл-Лиа? Годы, если вспомнить, какой Линга была на выходе из Утонья. Или это то самое время, когда зеленая девчонка расцветает, становится женщиной?

– Погостим, – прошептал Тиир.

– А на севере что? – спросил Саш. – Я смотрю, королевства в Дье-Лиа нанизаны на русло Динны как бусины на шнур. Что на западе, что на востоке?

– Лес, – безучастно ответил Тиир. – Непроходимый лес. Недели, месяцы пути по лесу. И на западе, и на востоке. За лесом болота – на западе, непроходимые горы – на востоке. В лесу тоже есть люди, но они... дикие. У них роды, шаманы, каменное оружие...

– А на севере что? – не унимался Саш.

– Ничего, – словно во сне говорил принц. – Мглистый хребет, а за ним ничего. Лед. Ледяные горы. Говорят, что раньше там была богатая земля, но даже память об этом времени растворилась. Дарджи тогда еще не было. Но однажды с севера пошел лед и уничтожил ту

землю. Дошел до гор, уперся в них и остановился. Теперь тает. Когда растает весь, Динна станет мелкой речушкой. Динна – это слезы ледника.

– Я смотрю по сторонам, – неожиданно подал голос Леганд, – и не узнаю этой земли. Реки этой не помню. Прошло так много лет... И Эл-Лиа не единожды менялся так, что приходилось протаптывать новые дороги взамен тех, по которым сносил не один варм башмаков, но, когда проходят лиги лет, перемены становятся слишком велики. А ведь эти места я должен знать. Очертания гор кажутся знакомыми. Да и не мог демон пробить врата куда-то еще, кроме того места, куда могла привести его кровь Арбана.

– А куда она могла привести? – спросил Саш.

– Подожди, – покачал головой Леганд. – Дай осмотреться. Деревья другие... Раньше здесь росли деревья с большими листьями. Они полоскали ветви в маленьких речушках. А теперь я вижу кустарники, тростник. Кусты мелкие, и листья у них мелкие. Узкие, словно лезвия ножей, которыми деррские хозяйки чистят овощи. А чуть подальше от берега теперь толпятся раскидистые хвойные деревья. Они похожи на эрны, только хвоя на них длинная и мягкая, наверное?

– Мягкая, – кивнул Тиир, и Саш впервые заметил у него на губах слабую улыбку. – Когда начинаются зимние вьюги, часть хвои срывается ветром, зато осенью в горы по такому лесу не поднимаешься. Скользит опавшая хвоя, на ногах не устоишь.

– Помнишь? – осторожно спросил Саш. – Ты говорил, что вокруг Башни страха начало расплзаться пятно – земля заболела, люди стали умирать. Когда начнутся эти места?

– Увидишь, – стиснул зубы принц.

– Так куда могла привести кровь Арбана? – окликнул застывшего старика Саш.

– Ты забыл? – поднял голову Леганд. – Ведь я рассказывал. Арбан мог попасть куда угодно, хотя это и стоило ему серьезных усилий. Ведь он не был богом. Единственным условием было, чтобы там, куда хотел попасть, он предварительно пролил немного крови. Где-то в этих местах, возле высокого холма, посередине густого леса у Арбана был дом. Не та его хижина, что возле Дары, а настоящий дом! Башня с лестницей, наверху три комнаты, кухня во дворе, сарай для лошадей... Я бывал у него пару раз. Пил ктар. Настоящий ктар! Не то что теперь. Да и вообще, пробовал хоть кто-нибудь из вас ктар, приготовленный демоном?..

– Послушай, Леганд! – совсем уж тепло улыбнулась Линга. – Агнран начал брюзжать, когда прожил больше лиги лет. А за тобой такая привычка давно уже водится?

Саш лежал на дне лодки или сидел на корме, бродил по берегу, когда друзья находили пустынные места для стоянок, и думал, что за все время его путешествия по Эл-Лиа не было еще столь долгого спокойствия. Прошедшие боль и ужас горячей арки не забылись – ушли на время в тень. Саш даже специально старался не думать об этом, потому что всякий раз, когда вспоминал те несколько шагов до горячей арки, судорога начинала сводить руки, боль кривила лицо в гримасу, в горле пересыхало, и даже прохладная вода Динны не могла утолить его жажду... Саш не знал, что испытывают его друзья, но молчание прибилося к ним в дороге и теперь делило с ними почти каждое мгновение путешествия. Берега реки оставались пустынными, иногда попадались заброшенные деревни, темнели в траве перевернутые кверху килем лодки, но жители словно попрятались в глубокие норы. Тиир, сидел ли он на носу лодки или разводил костер на стоянках, с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее. Леганд словно пребывал в полусне, а Линга высматривала кого-то на берегу, порой ловко выхватывала острой зазевавшуюся рыбу, с интересом обнаруживала на берегу растения, схожие с травами и деревьями деррских лесов. Иногда она сталкивалась взглядом с Сашем и никогда не отводила глаз. Так они и застывали, пока Леганд или Тиир по тому или иному поводу не выводили их из оцепенения.

В конце второй недели пути, когда горы ребристыми громадами вонзились в тяжелые облака, а река замедлилась, остепенилась и явно собралась вновь поворачивать к югу, Тиир направил лодку к деревеньке в три дома, которые напоминали груды плавника, вынесенные половодьем на песчаный берег. Заскрипел киль о дно, брызнули серебристыми искрами в сторону мальки. Тиир спрыгнул на берег, прихватил сверток с оружием и, показав на крайнюю избу, сказал:

– Нам сюда.

Саш ступил на берег последним, почувствовал враждебные взгляды из домов, невольно шевельнул плечом. Меч был на месте. Вблизи дома уже не казались несуразными, просто выловленные из воды стволы деревьев грудями были приставлены к бревенчатым стенам, сушились под лучами Раммы, – видимо, для отопления жилищ долгой зимой.

– Враг в последнем доме, – шепнула Линга, поежившись. – Правда, мне кажется, что он и сам боится.

Тиир занес руку, чтобы ударить в покосившуюся дверь, но она распахнулась прежде удара. Коренастый старик высунул в щель сначала бороду, затем крючковатый нос, прищурился, окинул взглядом берег, присмотрелся к лодке, к Леганду, приподнял брови, разглядев Лингу, безразлично скользнул глазами по Сашу и, наконец, уставился на Тиира.

– Рыбаки мы, – с трудом понял Саш речь принца. – Хотим оставить лодку. Совсем. Охотиться будем. В Мглистых горах. Возьми лодку, хозяин. За еду.

– Рыбаки? – с сомнением переспросил старик, соскочил с порога на деревянную колоду, оказавшись еще меньшего роста, чем на первый взгляд, засеменял босыми ногами, торчащими из-под серой рубахи, побежал к берегу.

– Садитесь! – показал Тиир на бревно. – Старик проверенный, вот только с памятью у него не очень. Шлямб его имя.

Старик на бегу обернулся, кашлянул, но уже в следующее мгновение занялся изучением лодки. Вытащил ее, кряхтя, повыше на берег. С трудом поднял валун размером с голову и водрузил его на скамью. Выудил из лодки острогу, подтянул так и не распутанную путниками сеть, весла и понес все это к избе.

– Рыбаки! – негодуя плеюнул, встряхнув спутанную сеть.

Нырнул в избу, глухо загредел чем-то, пока не выбрался наружу с большим блюдом и кувшином, оплетенным прутьями.

– Рыбаки! – повторил с возмущением и поставил блюдо на песок у ног Тиира.

– Смотри-ка! – улыбнулся принц. – Как ждал нас: печеная рыба с лепешками!

– Рыбаки! – как заведенный брякнул старик, выпалил еще несколько непонятных слов, затем вдруг перешел на странный, ломаный валли и принялся бубнить, обращаясь к Леганду как к самому старшему. – Говорил я Снарку, испортят мне сеть! Кто ж ее путаной в воду бросает? Кто ж сетку-поставку за лодкой волочит? Ваше счастье, что рыбаков почти не осталось – от егерей прячутся. Увидели бы – или бока за такое намяли, или старосте донесли! А там уж и до егерей недолго. Это я, старик, егерям без надобности, а если кто сетку может бросать или острогой бить, так эти тут же на бирку да в учет. А там уж как одно к другому приложится. Говорил я Снарку, испортят сетку, да и что говорить – никакой из принца рыбак, никакой!

– Из какого принца? – поперхнулся Тиир. – Что еще тебе наболтал старый конюх?

– А ему болтать и не пришлось ничего, – язвительно скорчился старик. – Да и что болтать, старик Шлямб слепой совсем, едва рассмотрел на излучине реки, что его лодка с людьми чужими тащится. Не дарджинцы, нет, даже ты, Тиир, загорел так, что словно белка горная выглядишь. Нельзя с такими рожами в деревни заходить, даже к берегу приставать не стоит! Шлямб и глухой к тому же, проверенный, вот только с памятью у него плохо. Совсем плохо с памятью, не помню, сколько уж годочков минуло, как на этом же самом месте малец один в дорогой одежде с ладьи спрыгнул. Полкотелка ушицы у меня стащил, а потом в горы подался. С

нечистью сразиться ему захотелось! На собачек здоровенных поохотиться решил. Я еще потом вместе со стражниками, что через полдня за мальцом прибыли, по следам ходил, из нечистого места его вытаскивал. Все забыл старый Шлямб, все...

Леганд перевел взгляд на Тиира, застывшего с набитым ртом, и невольно расхохотался. Не сдержала улыбку и Линга.

– Что там? – вскочил Саш на скрип и торопливый топот от крайнего дома.

– Ерунда, – махнул рукой старик. – Фекс к старосте побежал. Доложить, стало быть, что чужие пришли. Не смотри даже туда. До села отсюда немало будет, а у Фекса грудь слабая. К полудню только доберется. Вы по всякому уйти успеете. И обижаться на подлеца нечего. Рыба ему не дается, а тут если егеря вас подгребут, так Фекс по два медяка за каждого получит!

– А ты что ж привечаешь нас? – прищурился Леганд.

– А стар я уже бегать к старосте! – ехидно ухмыльнулся Шлямб и вдруг стал серьезным. – Да и за золотой бы не побежал. И раньше, когда жизнь не в пример была лучше, и теперь, когда бродят да вынюхивают тут всюду отбросы с собачьими головами на палках!

– Что нового тут, Шлямб? – Тиир наконец прожевал еду. – Что в селе, что на склоне? Лес? Совсем нежить его пожрала или как? Открыта ли дорога к Мглистым горам? Что о Башне слышно? Пропадают ли люди?.. Рассказывай!

– «Рассказывай»! – передразнил принца Шлямб. – Как бы рассказывалка у меня не лопнула от стольких вопросов. То «память плохая», то допрос на половину дня учиняет!

– А ты главное говори, главное, – с улыбкой попросил Тиир.

– Главное, значит? – покосился старик. – Ну слушай, что ж теперь. Люди, стало быть, пропадают, и даже чаще, чем раньше. Про Башню говорить не буду – неблизко она и раньше была, а теперь уж Гиблый лес на многие ли расползся, так и не видно ее уж. Да и редко кто туда теперь ходит. А вот люди пропадают. Большею частью сами сбегают – туда, на запад. Мимо Гиблого леса. Не хотят, видишь ли, отправляться неизвестно куда за какие-то там пылающие врата. Кто его знает, что с той стороны? А уж с учетом, что в тот же край новый король армию набирает...

– Почему же новый? – нахмурился Тиир.

– Да тот же все, отец твой на первый взгляд, – ударил себя по коленям Шлямб. – А вроде и не он! Мне, конечно, Снарк рассказал, в чем беда наша состоялась, а для остального народа все едино. Они же правителю в глаза не заглядывают, демон он или старый воин, им всякая перемена как плеть по спине, так вот они-то и говорят: мол, другой король стал, другой.

– Еще бы не другой! – гневно прошептал Тиир.

– Другой, стало быть, – повторил Шлямб. – Вот люди и пропадают, бегут они, люди-то. А с запада прут дикие племена. То ли мор у них, то ли голод, то ли король наш новый колдовством их заманивает. И то дело, своих-то уж по деревням да крепостям хорошо если половина осталась. Говорят, уже и с южных королевств народ начали подгребать, тут вот дикари и пригодятся!

– И пригождаются? – прищурился Леганд.

– Нет пока, – улыбнулся с хитринкой Шлямб. – Не поддаются они! Шаманы у них там, говорят, сильные. А королю порядок здесь навести времени пока нет. Вот и стоят от леса поганого и до берега заставы орденские, чтобы крестьян беглых ловить. Много воинов на заставах, много. Не пробраться вам напрямую, придется через диких идти. Вы ведь к Башне собрались?

– А ты почему знаешь? – нахмурился Тиир.

– А ты, принц, только за тем сюда и являешься, – щелкнул пальцами старик. – Так вот думай: слух прошел, что Башня уже вроде как и не та стала.

– Добрался до нее кто, что ли? – не понял Тиир.

– Добраться-то дураков нету, – развел руками старик, – а те, что были, пожраны черной поганью или волчицей – кто его знает, только перемены наблюдаются. С одной стороны, гово-

рят, что вроде псы, как и впредь, завелись возле Башни. Огромные такие псы, с лошадь каждый, и рвут они на части путников почти так же, как и волчица, о которой еще дед моего деда байки да страшилки сказывал, только от Башни далеко не отходят. До края Гиблого леса и все.

– Откуда же они взялись-то? – не понял Тиир.

– А все оттуда же, – хихикнул старик. – Волчица, я думаю, их и народила.

– Подожди, – посерьезнел Леганд, – разве это возможно? Для такого дела вроде бы одной волчицы недостаточно?

– А ты, дорогой мой, сходи к Башне, все рассмотри да сам мне потом и расскажешь, – ухмыльнулся Шлямб. – А вот собачки все одно появились!

– Странно, если бы их здесь не было, – пробормотал Саш. – Аенор ведь тоже откуда-то взялся!

– Ну ты с ним язык общий нашел, – значит, и с этими разберешься, – невесело бросил Тиир.

– Еще бы кто их отнес на Остров Снов да прополоскал бы как следует, – покачал головой Саш.

– Я слов ваших не очень разбираю, – поморщился Шлямб, – поэтому подождите пока разговаривать, а послушайте главное. Ты ведь главное хотел услышать, Тиир? Так вот слушай: тут с пару недель назад вельможа один на ладье прибыл. Лодку свою богатую от берега оттолкнул, прошел мимо меня как мимо пустого места да прямо на север и потопал. В сторону Башни, значит. По виду из местных, только одет богато да питался хорошо, с жирком у него полный порядок. Прошел и прошел. Фекс, как водится, тут же все старосте доложил, егерей привел, они каждый куст обнюхали, а ничего не нашли, словно этот вельможа в воздухе растворился. Только следы то ли собачьи, то ли волчьи обнаружили. Все бы ничего, да только на днях, не поверите, в Гиблом лесу трава из земли полезла, кое-где листья проклюнулись! Некоторые из наших думали даже прогуляться в той стороне, только вот собачки огромные эти им быстро желание перекусили вместе с заливками. Но не это главное. Второго дня все урожаи сморило чернотой неизвестной в селе Багрянке, а это день ходу в сторону столицы по главному тракту.

– И что это значит? – не понял Тиир.

– А то и значит! – всплеснул руками Шлямб. – Как же ты королевством править собрался, если простоты такой уразуметь не можешь? Башня в ту сторону поползла! Нет, конечно, сама-то она на месте, и собачки при ней, а вот червоточина, что травила наши земли с незапамятных времен, на восток двинулась, аккуратно туда, откуда вы прибыли.

– Ну ладно, – принц легко поднялся, подхватил сверток, – спасибо за угощение, старик. Свидимся еще, расскажу тебе кое-что, а так – если что, зла не помни.

– Да уж куда мне с моей памятью, – крикнул Шлямб. – Только и ты, парень, помни: если что, стар я уже твои кости из поганого места вытаскивать.

Оружие разобрали, едва дома на берегу скрылись из глаз. Узкая тропка забирала к востоку, но, скрываясь среди растущих прямо из песка раскидистых деревьев, Тиир повел отряд на север. Вскоре местность начала подниматься, песок сменила трава, пока еще негустая, прореженная опавшими сучьями и хвоей низкорослых деревьев, напоминающих эрны. Затем зажурчал ручеек, и, ступив в него, Тиир решительно повернул вниз по склону.

– Это еще зачем? – не понял Саш.

– Собаки, – объяснил Тиир. – В Дарджи крестьян и незнакомцев ловят, а то и травят собаками. А чтобы догадаться пройти к северу по берегу да опять на наш след выйти, ума большого не требуется.

– Так они могут и вниз так же спуститься! – возразил Саш.

– А пусть спускаются, – улыбнулся Тиир, вдыхая полной грудью запах хвои. – Главное – выиграть время. Доберемся до Гиблого леса, никто за нами не пойдет.

Тиир запутывал следы мастерски. Видимо, обучение в Ордене Серого Пламени пошло ему впрок. Ручьи, упавшие деревья, пружинистые ягодники, выпрямляющиеся, едва нога отрывалась от примятой ветки, – все шло в ход. Нашлась и особая трава, которая, правда, запах не отбивала, но носы псам обжигала как следует. Подтверждением тому послужил истошный визг, который сменил вскоре раздающееся в отдалении тьяканье. Поздно вечером, когда заморосивший дождь окончательно успокоил друзей, принц собрал мокрые ветви, сложил их шалашиком, воткнул в середину подобранный на земле камешек, плеснул воды, прошептал короткое заклинание – и костер занялся жарким, бездымным пламенем.

– И он будет говорить, что не колдун! – воскликнул Леганд. – Водой костер разжигает!

– Здесь я дома, – вздохнул Тиир. – Каждый камешек, каждая веточка узнаёт во мне своего. Беда лишь в том, что и наши враги тоже у себя дома.

Врагов до утра не обнаружилось. Дождь закончился еще в полночь, но идти густыми зарослями, опрокидывая на себя с каждого дерева пригоршни воды, не хотелось никому. Поэтому, подумав, Тиир вывел друзей на плоскогорье, поросшее жесткой травой. Горы показались неожиданно близкими, но мгла, расплзающаяся ниже вершин, подсказывала – добираться до цели еще не один день.

– Не опасно идти по открытому месту? – с тревогой спросила Линга.

– Опасно, – кивнул Тиир. – Но лес справа от нас непроходим. Не от сырости мы из него выбрались. Там даже крупного зверья нет. Вон с того взгорка начинаются заросли колючей лианы, оцарапаешь руку или ногу, готовься к месячной лихорадке, а если ты ребенок, старик, вымотан дорогой или голодом, так и вообще прощайся с жизнью. Слева – болото, чуть повыше петляет речушка шириной полдюжины локтей, там будем осторожнее, именно за нее убегают крестьяне, значит, и дикие тоже там могут объявиться, хотя это для меня новость. Никогда они не подходили к границам Дарджи. Не обошлось и тут без Башни страха, я уверен.

– А что за лес впереди? – спросил Леганд, показывая на темную полосу, в которой можно было рассмотреть отдельные огромные деревья.

– Это последняя чаща перед Гиблым лесом, – вздохнул Тиир. – Местные крестьяне ее красной называют – там много деревьев с красной корой. Растут медленно, хвою сбрасывают на зиму полностью, зато древесина у них прочнее печного железа будет. Вот только в воде тонет.

– Неужели железные деревья?! – удивился Леганд.

– Обычные, – усмехнулся Тиир. – Те же, что и в других местах растут. Не иначе как магия – кто-то очень не хочет, чтобы там рубили лес. Именно там охотилась когда-то волчица. Наверное, и псы эти шалят. Там и солончак кончается, по которому мы идем, и ядовитые чащи, что справа. Если есть заграждения серых, то они именно там. К тому лесу незаметно подойти надо, для этого мы скоро к речушке свернем. Только воду из нее пить не следует – она из Гиблого леса да из топи течет.

– А что будем делать, если серые в красной чаше? – спросил Саш.

– На восток будем прорываться, – твердо сказал Тиир. – Если бы не опасность напороться на разьезды стражников вдоль кромки ядовитых зарослей, мы сразу бы вправо забрали. С востока к Гиблому лесу дорога подходит. Старая, каменная, никто не знает, кто ее построил и когда, местами и не разглядишь ее в чаше, но проходит она недалеко от Башни. По крайней мере, направление на Башню держит.

– Так, может быть, хозяева Башни ее и построили? – спросил Саш. – Ты же сам говоришь, что Башня эта древняя и всегда стояла на этом месте.

– Башня стоит, а дорога эта, считай, умерла, – не согласился Тиир. – Старики говорили, что, если долго по ней идти, придешь в царство мертвых. Собачки помогут. Я как Аенора вспомню, так и представляю эту дорогу.

– А почему бы нам не уйти на запад? – спросил Леганд. – Перейдем речушку, минуем заставы. Проберемся мимо диких – все лучше, чем с серыми сталкиваться.

– Не получится, – бросил Тиир. – Топь непроходимая окружает Гиблый лес с запада до самых гор. А дорогу через горы я не знаю. Может, и нет ее вовсе. Нет уж, доберемся до чащи, посмотримся и будем пробираться к дороге. Ты что остановился, Леганд?

Саш оглянулся. Старик стоял, приложив ладонь к глазам.

– Что ты увидел? – нетерпеливо спросил Тиир.

– Не знаю, – покачал головой старик. – Странное ощущение, словно я уже был здесь, и не раз.

– А у меня совсем другое ощущение, – неожиданно заявила Линга, вставая с земли. – Прислушайтесь.

– Что там? – спросил Леганд, увидев, что Тиир, припавший по примеру охотницы ухом к земле, переменялся в лице.

– Стук копыт, – глухо бросил принц. – И кажется мне, сразу и с юга, и со стороны чащи.

– И собаки, – добавил Саш.

Едва различимый лай доносился издалека.

– Да, – нахмурился Леганд. – Что ж, Тиир, кажется, обучение в Ордене Серого Пламени ты проходил не один. А учили ли вас уходить от преследования?

Глава 9

Южная топь

Утром друзья двинулись в путь. Взмахнула рукой Ай, отступила в сторону – и то ли со стволом эрна слилась, то ли стеблем древесного व्यюна обернулась. Скрылась за деревьями заветная поляна, умолкла, растаяла в тумане мелодия. Только деревья все так же словно своды выстраивали над головой. Расступались, ветви раздвигали. Тропу застилали листвой, траву посылали под ноги не колючую и цепкую, а мягкую да низкую. Да и как иначе – дюжина корневиков шагала впереди. У одного зеленый лист на макушке. То ли прилип, то ли из почки прямо по месту и проклюнулся. Хейграст шел сразу за провожатыми, зеленолистого называл Проросшим, да покрикивал на Дана с Баюлом, чтобы быстрее ногами работали – разленились, путешествуя на джанке! Аенор довольно носился взад и вперед, всем своим видом давая понять, что дичи в чаще предостаточно.

– Эх, хорошая была лодка! – сокрушался Баюл, не поспевая за друзьями и то и дело переходя на легкий бег.

– Ай сказала, что вытащит ее из тростника и отдаст Индасу, – успокаивающе отзывался Хейграст.

– Да, слуг у нее предостаточно, – бурчал банги, смахивая со лба пот. – Хотел бы я знать, отдыхают они когда-нибудь.

Корневики останавливались, когда отдых требовался их спутникам. Хейграст постукивал по стволу ближайшего дерева, отряд проходил еще несколько ли и делал привал либо у родника, либо у излучины ручья. Один из деревянных помощников отправлялся за хворостом, остальные находили места в тени деревьев и тут же прорастали белесоватыми корнями в почву. Баюл аккуратно снимал кусок дерна и разводил костер.

– Что? – спросил банги во время одного из привалов, поймав тревожный взгляд Дана. – Почувствовал опасность?

– Нет, – поежился мальчишка. – Четвертый день идем, а я все никак не могу привыкнуть. Словно мертвецы нас сопровождают. Пусть и деревянные. А опасность... Здесь она почти не чувствуется, но все еще остается на юге.

– Да уж, – кивнул Баюл. – Всякий раз, когда один из этих корневиков приносит хворост, я все жду, что он мне оплеуху закатит. Представь себе, что вот так же и мы служим архам, а на привалах им кости да куски тел элбанов подтаскиваем.

– Ну и сравнение! – покачал головой Хейграст.

– А ты чего думал? – повысил голос Баюл. – Что так, что эдак – все одно дерево!

– А ведь мы и с каменным человеком сталкивались, – прошептал Дан. – Я рассказывал тебе, Баюл. Вот тогда страшно было!

– В том-то и дело, что каменный человек – это магия, – почти прошепел Баюл, – а в этих ребятах магии ни на песчинку! Они вот именно такие, какие есть.

– Это тебе страшные рассказы индаинских рудодобытчиков не дают покоя? – усмехнулся Хейграст.

С того самого мгновения как Ай рассказала о его семье, нари словно помолодел и взбодрился. Порой Дану даже казалось, что не было никакого путешествия и Хейграст совсем такой же, как тогда, в воротах собственного дома в Эйд-Мере, когда кузнец встречал Дана, Саша, Лукуса...

– Что-то скребет у меня внутри, – наконец признался Баюл, наполнив живот вечерней похлебкой. – И вот теперь, когда ясно вижу, что это не голод, пришла пора разобраться. Что делать-то будем? Оно понятно, конечно, через топь пойдем. Эл позволит или Ай с помощью

Эла – найдем твою семью, нари, а может, и еще кого встретим. На равнину Уйкеас выберемся. Дальше-то что? Что тебе сказала Ай?

Хейграст ответил не сразу. Почти четыре дня назад, под утро, Ай отвела нари в сторону и, положив руки ему на плечи, то ли чуть слышно напевала что-то, то ли рассказывала. И вот Баюл не выдержал, спросил.

– Хорошо.

Хейграст мгновение смотрел на пламя, затем поднял глаза, прищурившись, пробежал взглядом по лицам друзей:

– Она сказала, что видела мою смерть.

Дан замер. Холод проник в сердце и обжег грудь.

– Как?! – вскочил на ноги Баюл.

– Вот так, – спокойно ответил Хейграст. – Ни где это случится, ни когда – не знает, более того, поняла, что речь идет обо мне, только когда встретила нас.

Дан похолодел. Перед глазами встало тело Лукуса, пронзенное ледяными иглами.

– И что же, ничего нельзя сделать? – Мальчишка с трудом проглотил комок, образовавшийся в горле.

– Почему же? – пожал плечами Хейграст, пристально глядя на огонь. – Можно. Зарыться в землю и сгнить там. Или самому броситься на лезвие меча. Ни слова, слышите, чтобы ни слова моим об этом! Баюл, тебя это касается в первую очередь. С этого момента чтобы язык был на привязи.

– Ты не обидишь меня, нари, – напряженно пробурчал Баюл, – что бы там ни говорил. Я вот что скажу, сколько тебе осталось жить, столько я буду рядом с тобой. Конечно, если смерть не настигнет меня раньше. И даже не пытайся прогнать меня!

– Спасибо, банги, – кивнул Хейграст и повернулся к Дану: – Успокойся. Что она мне сказала нового? Только то, что однажды я погибну в бою? Не самая плохая участь! Мы все воины, и то, что наша смерть ускользнула от ее внимания, ни о чем не говорит. Смерть идет за каждым из нас!

– Это все? – осторожно спросил Дан.

– Нет, – покачал головой Хейграст. – Правда, большую часть того, что она говорила, я... так и не понял. Она... пела. Ее голос лег на мое сердце как роса на траву. Когда я слушал ее, мне казалось, что нет ничего яснее, а теперь даже не знаю... Самому мне ясно одно: здесь, южнее старых гор, мы вряд ли дождемся помощи от кого бы то ни было. Свары не выйдут из-за стены. Заморские ари вряд ли способны на большее, чем нападение на пиратов в индаинской гавани. Анги развеяны. Васты, скорее всего, тоже. Индаин и Эйд-Мер в руках врага. Значит, полчища лигских нари пойдут на Сварию.

– И разобьются об оборонную стену! – заключил Баюл.

– И уничтожат Сварию! – воскликнул Хейграст. – Или ты не понял еще, что нари гонит магия?

– И что же ты предлагаешь? – нахмурился банги.

– Мы должны остановить лигских нари! – твердо сказал Хейграст.

– Что?! – Баюл растерянно выпрямился, недоуменно оглянулся на Дана: – Парень! Наш зеленый командир сошел с ума.

– Мы должны остановить лигских нари, – повторил Хейграст.

– Как? – спросил Дан. – Как мы это сделаем?

– Попросим! – раздраженно выкрикнул банги. – Попросим остановиться, и они прислушаются к нашей просьбе. Да! Лигских нари гонит магия! Но когда камень сдвинут со своего места, дальше он катится уже сам. Особенно если лежал на вершине! Даже если мы сможем добраться до источника этой магии, неужели ты думаешь, что мы сможем его заткнуть? Тот,

кто ведет нари, столь силен, что сдует нас со своего пути как ураган пылинку. Он даже не заметит, что мы попытались его остановить!

– Ее, – спокойно поправил Хейграст. – Ай сказала, что ее. Во главе лигских нари стоит колдунья.

– Все-таки Барда? – поднял брови Баюл. – Но ведь ты сам передавал мне слова Матеса: это не может быть Барда!

– Разве я назвал ее Бардой? – удивился Хейграст. – Ай не знает ее имени. Все, что она сказала, – нари гонит на равнину Уйкеас великая колдунья. Может быть, даже демон. И зверь, что рыскал у Багзы, – часть ее магии!

– И ты предлагаешь схватиться с этим зверьком? – упавшим голосом пролепетал Баюл.

– Да, – кивнул Хейграст. – Даже если ускорю предсказание Ай.

– А насчет возможного успеха этой затеи она ничего не сказала? – с надеждой спросил банги.

– Ничего, – отрезал нари. – Она сказала только, что пес должен нам помочь. Он чист, хотя и удивил Ай. Хозяйка Вечного леса уверена, что такой зверь мог появиться только в логове зла.

– Если бы моя мать рожала меня не в родной пещере, а в покоях правителя Гранитного города, я бы тоже появился в логове зла, – махнул рукой Баюл, но в сторону Аенора, настороженно поднявшего уши, все-таки покосился.

– Кто со мной? – тихо спросил Хейграст. – Я никого не могу... не хочу заставлять.

– Я иду, – прошептал Дан.

– А ты? – повернулся Хейграст к банги. – Я не только отпущу тебя, даже обиды не будет в моем сердце!

– А в моем будет, – хмуро бросил Баюл. – Если ты не возьмешь меня с собой. Что касается моего возмущения – могу я немного поворчать перед собственной смертью или нет?

– А ты? – обернулся Хейграст к Аенору.

Пес не шелохнулся.

И еще три дня друзья путешествовали по Вечному лесу. Постепенно заросли густели, вскоре высокие деревья с толстыми стволами стали редкостью, непослушные колючие кусты выстроились непролазной чащей. Корневики раздвигали оцетинившиеся шипами ветви и удерживали их, пока Хейграст, Баюл, Дан и предусмотрительно поджимающий хвост Аенор пробирались через опасный участок.

– По моему низкорослому разумению, Вечный лес вовсе не нуждается в охране, – проворчал Баюл, оборачиваясь на смыкающиеся кусты и осторожно прикасаясь к расцарапанному лицу. – К тому же мошकारа опять налетела.

– Топь, – коротко бросил Хейграст.

Дан взглянул на Проросшего, который, так же как и его собратья, не замедлил укорениться во влажной почве, и понял, что корневики объявляют привал. Впереди в утреннем тумане еще темнели очертания кустов, но и дрожащее марево, и странно позеленевшее небо, и гул кровососов в воздухе – все говорило об одном: отряд подошел к границе Вечного леса.

– Ну вот... – Баюл обессиленно опустился на сырую траву. – Какого демона мы не добрались до топи еще вчера? Стоило поднимать нас затемно, чтобы через полдюжины ли вывести на край леса?

– Стоило, – Хейграст внимательно вглядывался в туманное пространство, – иначе гнус не дал бы выспаться.

– Мы перед каждой ночевкой будем возвращаться в Вечный лес, чтобы выспаться? – язвительно осведомился Баюл.

Банги страдал из-за маленького роста. Те ветви, что его спутникам приходились на грудь и живот, хлестали карлика по лицу. Хейграст не ответил. Дан подошел к нари:

– Чего мы ждем?

– Не знаю.

Хейграст взглянул на застывших корневиков, подмигнул им.

– Вот наши проводники – надеюсь, они знают, что делают.

– И все-таки, – колебался Дан, – как мы пойдем через болото? Вряд ли в этом тумане кроется дорога, даже такая, как через гиблую топь.

– Я тоже сомневаюсь в легкой дороге, – глубоко вздохнул Хейграст. – Но сейчас думаю о другом. Где-то там впереди меня ждут мои дети. Не обижайся, – он потрепал огорченного Дана по голове, – пройдет время, и тебя будут ждать.

– И меня, – упрямо пробурчал Баюл, залепив самому себе по щеке и скривив гримасу от чрезмерной оплеухи.

– И тебя, – согласился Хейграст.

Ждать пришлось недолго. Едва Алатель поднялся над горизонтом, туман развеялся, а топь наполнилась птичьим гомоном, корневики двинулись с места и дружно затопали вперед. Проросший раздвинул прибрежную траву, ступил в зеленое месиво, утонув по колено в черную грязь, прочавкал по ней дюжину шагов, выбрался на колышущуюся подушку трясины и обернулся. Аенор решительно прыгнул вперед, брызнул во все стороны черной жижей и неуверенно ступил на прогнувшийся зеленый ковер. Болотная вода забила фонтанами, заструилась псу в лапы.

– Эх! – с трудом удержал рвущиеся наружу ругательства Баюл, шагнул в топь, провалился по пояс и, морща от болотной вони нос, устремился вперед. – Надеюсь, уже сегодня мы вновь выберемся на твердую землю.

К вечеру Баюл оставил надежды на твердую землю. Он даже перестал ругаться, поскольку сил на ругательства у него не осталось. Молчал и Дан. Стиснув зубы, мальчишка упрямо шагал вперед, видя перед собой только спину Хейграста. Участки упругой трясины сменялись полосами грязи, не единожды Баюл проваливался едва ли не по горло, а конца пути видно не было. Однажды банги нырнул с головой, но плетущийся за ним Аенор подхватил Баюла за шиворот и тащил его так не менее варма шагов, пока карлик отплевывался и злобно шипел. Проросший методично шагал впереди, еще трое корневиков замыкали вереницу отряда. Остальные остались на берегу.

– Как он находит дорогу? – Дан обессиленно присел на корточки, когда уже в сумерках Проросший остановился на крохотном островке в полдюжины шагов в ширину и столько же в длину.

– Не знаю, – Хейграст сбросил мешок и расправил плечи, – по-моему, мы вообще идем без дороги!

Деревянный проводник утоптал низкорослый кустарник, словно его заботы о растениях закончились за границей Вечного леса, выпустил корешки и вытянул вверх руки. Кора на руках пошла трещинами, наружу вылезли зеленые побеги, раскрылись бледно-розовые бутоны – и на островок опустился пряный, чуть назойливый запах.

– Расцвел! – раздраженно сплюнул Баюл. – Может, он еще и плодоносить начнет?

– Слышишь, банги? – Хейграст довольно огляделся. – А кровососов-то нет! Спасибо хозяйке за толкового проводника. Не ночевал я на болотах, но охотники в Эйд-Мере говорили, что, если наестся сонной ягоды да заснуть на краю южной топи, утром можно и не проснуться. Высосут так, что одна кожа да кости останутся!

– Спасибо за веселый рассказ! – скорчил гримасу Баюл, хотел еще что-то добавить, но вытянул ноги, не снимая мешка, откинулся на бок блаженно развалившегося Аенора и мгновенно захрапел.

– Сколько мы прошли? – Мальчишка смотрел на юг.

Тяжесть по-прежнему давила с той стороны, но горизонт был чист. Боль клубилась где-то далеко, за границей топи.

– Мало.

Хейграст покопался в мешке и бросил Дану кусок лепешки, стянул с ног сапоги, блаженно пошевелил пальцами.

– Не больше дюжины ли.

– Сколько осталось?

Хейграст глотнул воды из бутылки, откусил кусок лепешки, опрокинулся на спину, подминая начинающий выпрямляться болотный кустарник.

– Много, Дан, много. Видишь впереди вершины старых гор? Они должны показаться по левую руку!

– Нет.

Дан поморщился, преодолевая усталость, вскочил на ноги, подпрыгнул.

– Только топь впереди. Темнеет, может быть, утром увижу?

– Вот когда увидишь, тогда будет уже скоро. – Хейграст продолжал жевать, но голос его слабел и наполнялся сном. – Если увидишь, значит... почти... пришли. День... или два... останется...

Дан окинул взглядом безучастных деревянных спутников, взглянул на Аенора, не успевшего за один день похудеть после обильной охоты в Вечном лесу, на лепешку, зажатую в руке, позволил псу слизнуть ее с ладони, опустил на мягкие стебли и закрыл глаза.

Горы показались на пятый день пути, но еще три дня вершины не давали путникам ничего, кроме едва различимой надежды на конец мучений. Баюл превратился в самого молчаливого банги, которого когда-либо приходилось встречать Дану. Карлик, стиснув зубы, растирал ноющие колени и пытался подвязывать разваливающуюся на ногах обувь. Аенор согнал жирок с боков, но вовсе не походил на измученного дорогой и недоеданием пса, только с недвольным рычанием начинал иногда лапами стряхивать гнус с морды, из-за чего немедленно утыкался носом в грязь. На привалах корневики отгоняли кровососов, но в пути гнус навсывал свое с лихвой. Порой Дану уже не хватало сил, чтобы смахнуть с лица гудящую маску, и тогда Хейграст оборачивался и безжалостно хлестал его пучком травы. Глаза превратились в узкие щелочки, через которые приходилось поглядывать на трясину, выискивая страшные черные полосы – следы шабров. Не раз из пузырящейся бездны показывалась утыканная зубами пасть. После третьей схватки с болотными чудовищами, которые никак не могли понять, как смеет сражаться с ними кучка бессильных пришельцев и откуда взялся огромный, пусть и не слишком поворотливый на трясине, зверь, Хейграст уже не убирал меч в ножны. И все же одного из корневиков шабры утянули в трясину.

– Чтоб вам занозить ваши ненасытные пасти! – впервые за несколько дней, потрясая пикой, заорал подсевшим голосом Баюл. Но пелена трясины сомкнулась, оставшиеся трое корневиков постояли несколько мгновений и двинулись дальше.

Курились над зеленой пеленой подозрительные дымы, не раз и не два в отдалении поднимались фонтаны неожиданно чистой воды, а однажды такой же ударил почти из-под ног. Проросший равнодушно обогнул бурлящее месиво и двинулся дальше, а Дан недоуменно вскрикнул. Попавшие на лицо капли вызвали ожоги.

– Горячие родники, – объяснил, придерживая парня под руку, Хейграст. – Не такие, как на Горячем хребте, но достаточные, чтобы южная топь не замерзала и в самые суровые зимы. А то, как думаешь, выживают шабры? Здесь для них круглый год лето.

Счастье, что змеи старались ускользнуть от пробирающегося через топь отряда. То ли не привыкли к элбанам, то ли пугались тонкого посвиста и шелканья, что время от времени издавал неутомимый, покрытый коркой грязи Проросший. Порой путь отряду преграждали

бездонные промоины и ямы, тогда корневики плюхались в грязь и друзья пробирались через опасное место по их спинам.

– Знаете, – закашлялся банги, прожевав на последнем привале скудную долю пропитавшихся сыростью сухарей и позволив Аенору облизать его ладони, – будь эти ребята хоть чуть-чуть похожи на обыкновенных элбанов, я бы притащил их в самый лучший трактир Индаина и поил пивом – да что там пивом! – лигским вином полгода! А то и год!

– Подожди! – сдвинул брови Хейграст. – Не ты ли пугал нас ужасами Вечного леса? Не ты ли рассказывал о страшной участи индаинских рудокопов?

– А! – отмахнулся банги. – Я с ними не ходил! Кто его знает, что они учудили на окраине Вечного леса? Могли и костер разложить, а то и деревья попортить. Нет, с этими деревянными ребятами надо дружить.

К великому облегчению банги, да и Дана с Хейграстом, молчаливой дружбе вскоре пришел конец. На шестой день после двух дюжин месяца магби, на восьмой день изнурительного путешествия через топь Проросший остановился, издал длинный то ли свист, то ли скрип, развернулся, и так же как он вел отряд вперед, протопал мимо друзей в обратную сторону. Двое корневиков последовали за ним. Несколько мгновений Дан недоуменно смотрел вслед слугам хозяйки Вечного леса, затем обернулся к Хейграсту:

– Что делать-то? Возвращаться?

– Зачем же? – охрипшим голосом проговорил Хейграст. – Пришли вроде.

Тут только мальчишка разглядел впереди среди все такой же бескрайней топи возвышение. Словно дрогнула рука неведомого маляра и кисть, что вела зеленую полосу вдоль горизонта, сдвинулась чуть-чуть вверх, мазнула тонкой полосой цветущих кустов и изуродованного болотной жижей орешника.

– Никак земля? – прошептал Баюл так, словно закричал.

– Земля, – кивнул Хейграст. – Берег. Равнина Уйкеас. И вон там, видишь?

– Что? – Баюл подпрыгнул, оставляя в трясине подметки.

– Дым, – глубоко вдыхая затхлый болотный воздух, прошептал нари. – Дым! И запах. Готовят что-то.

Аенор насторожил уши, затем расслабился, облизнулся и решительно двинулся вперед.

Глава 10

Последний отдых

Пса, к его неудовольствию, решили оставить на берегу. Хейграст вручил Баюлу тонкую бечеву, приложил палец к губам и вместе с Даном двинулся вперед. Мальчишка с удовольствием ступал на твердую, покрытую упругой травой почву. Пройдя с четверть ли, путники спугнули мелкую степную раку. Птица взвилась на дюжину локтей над головами путников и раздраженно застрекотала. Дан с досадой нащупал на плече лук.

– Выдаст! Если на охоте наткнешься на серую раку, затагивай тул, зверь уходит сразу.

– Мы не на охоте, – Хейграст потянул из ножен меч, – но осторожность не помешает.

– И запах дыма исчез, – втянул воздух Дан. – Травой какой-то пахнет.

– Благодарение Элу! – Нари коснулся темных листьев густого кустарника. – Риголла!

Помнишь нашу стоянку после Утонья? Дерево путников. Скоро мы забудем, что такое болотный гнус! Только вот...

– Оно не растет на равнине, – догадался Дан.

– Посажено, – хрипло прошептал Хейграст, разглядывая вытянувшиеся по линии заросли. – Дыма я тоже не чувствую, зато слышу какой-то звон. Ну-ка, парень, давай посмотрим, кто выращивает на равнине Уйкеас защиту от гнуса и стучит молотом по наковальне.

Дан шагнул вперед, раздвинул упругие ветви и замер. Наконечник стрелы смотрел ему в грудь. Мальчишка растерянно поднял глаза. Подрагивала натянутая тетива, белели костяшки тонких пальцев. Из-под сдвинутых бровей холодом обжигали зеленые глаза молодой лучницы. Дан мгновенно рассмотрел и рвущиеся из-под черной ленты рыжие, непослушные волосы, и веснушки, собравшиеся на тонком носу, и почти плежские скулы девочки – и понял, что где-то видел это лицо.

– Ну что ты? – послышался за спиной дрогнувший голос Хейграста. – Что ты, Райба? Опусть лук, а то ненароком проткнешь лучшего стрелка на равнине Уйкеас!

У девчонки словно остановилось дыхание. Она вздрогнула, опустила лук и разжала пальцы. Стрела с глухим стуком ударила в землю, ушла в почву на треть длины. Глаза лучницы мгновенно налились слезами, но Хейграст уже был рядом, подхватил, обнял, прижал к себе хрупкое создание, которому хватило сил натянуть тетиву тугого сварского лука.

– Вадлин, – еле слышно прошептал Дан. Он понял, кого напомнила ему девчонка.

– Хейграст, Хейграст, – безостановочно шептала Райба. – Мы все... все здесь. Все, кто смог вырваться. Отец...

– Я знаю, знаю, – гладил ее по плечам нари.

– Подожди. – Райба выпрямилась, шагнула назад, обожгла взглядом Дана и вдруг побежала в глубь зарослей, крича отчаянно и громко: – Смегла! Смегла! Хейграст вернулся!

– Мы на острове! – в который уже раз глубокомысленно повторил Баюл, ковыряя в зубах длинным шипом степного вьюна. – Не понимаю, что это еще за остров посреди болота?

Дан, завернувшись в кусок ветхой ткани, сидел на вытоптанной траве возле Аенора, который уже не для сытости, а для порядка обгрызал белесую кость, и старался не думать, что в животе у него покоится изрядная порция запеченного на углях шабра. Впрочем, не объясни ему Смегла, что это за белое мясо истекает соком на ореховых прутьях, так бы и считал, что лакомятся беженцы из Эйд-Мера речной рыбой. Но только ли из Эйд-Мера? У костра хлопотала пожилая ватка с двумя дочерьми. За тремя крепкими, собранными по-деррски домами над успевшими брызнуть сочной зеленью грядками согнулись жены крестьян и охотников с равнины. Между двумя дюжинами ветхих палаток и шатров, косясь с любопытством на огромного пса, упражнялись на деревянных мечях, выпускали в прутяное чучело стрелы подростки –

свары, плежцы, анги. Крутил ворот и поднимал воду из колодца пожилой белу. Под навесом из болотной травы рядом с невесть как забредшим в южные края смуглым стариком-авглом стучал молотом Хранд. Хейграст сидел на колоде тут же и с улыбкой смотрел, как его сын, порозовев от радости и смущения, охаживает заготовку для наконечника копья. Бодди усердно накачивал воздухом горн, Антр носил кожаным ведром воду от колодца, а Валлни, крошка Валлни висела у нари на шее с того самого момента, когда все зеленокожее семейство, привлеченное криком Райбы, рванулось, вытапывая кустарник, навстречу появившемуся из трясины отцу.

– Да, – задумчиво протянул Баюл, отбрасывая в сторону шип, – конечно, если бы мне пару месяцев назад сказали, что я буду есть нечто зубастое, обитающее в непроходимой южной топи, я бы скорее предположил, что нечто зубастое съест меня, и уж в топь не полез бы ни при каких обстоятельствах. Но с другой стороны, теперь болотное приключение не кажется таким уж страшным. Конечно, если после каждого болота встречаются заботливые элбанки, снимают с тебя одежду и обещают ее постирать, это приободряет. Весьма ободряет! Осталось только дожидаться ее. Я об одежде говорю... Как ты думаешь, будет ли от моих штанов после стирки вонять болотом? И найдутся ли в этой деревне приличные сапоги? Или в следующей?

Дан только пожал плечами. Со слов Смеглы он уже знал, что полоса твердой земли длиной три ли и шириной полторы отделена от равнины Уйкеас полудюжиной ли непроходимой топи, но деревня, в которой они оказались, не единственная. На восточной оконечности острова у обильного колодца раскинулся целый палаточный городок, одних только женщин и детей там три варма, а мужчин...

– Мало мужчин, – вздохнула Смегла. – Из Эйд-Мера очень мало кто сумел сюда добраться. В основном те, кого удалось встретить по дороге. Бродус и сейчас ушел на равнину, собирает вастов, уцелевших охотников и крестьян. Вода здесь есть, шабры сами на берег лезут. Сначала, правда, брезговали их есть, а теперь привыкли. Только следить приходится за берегом, вот как Райба следила. Кто бы мог знать, что вы из самой глубины топи появитесь? Здесь выжить можно... если недолго. И топливо для костра в избытке. Болотная трава полежит пару дней под лучами Алателя, потом горит долго и жарко. Стебли жирные, соком можно лампы заправлять!

Дан смотрел на Хейграста, и ему казалось, что нари слушает голос жены, но не понимает, о чем она говорит. Видимо, и Смегла почувствовала это, потому что остановилась, прижалась к осветившемуся улыбкой мужу, замерла.

– Откуда взялся этот остров? – спросил Хейграст. – Что-то я не слышал об убежище в топи.

– Чаргос показал, – улыбнулась Смегла. – Он ушел в сторону тропы Ад-Же почти сразу. Только провел сюда через топь, показал тропу, тайные знаки. Вот в этих трех домах жили когда-то валли. Точнее, укрывались, когда им нужен был отдых.

– И валли бывает нужен отдых, – пробормотал тогда Хейграст.

Теперь он, так же как и друзья, завернувшись в чистую ткань, сидел на траве и любовался на собственных детей.

– А вот и Смегла! – объявил Баюл. – И не одна. Послушай, или я ничего не понимаю, или с ней сапожник!

Дан пригляделся и вскочил на ноги. Рядом со Смеглой шли женщина, двое пареньков и Негос! Шаи едва не опирался руками о землю, а на плече у него висели несколько пар обуви.

– Мама! – закричала Валлни, устремляясь навстречу нарке.

– Приветствую тебя, мой зеленый друг! – прогудел Негос еще в полуварме шагов. – Очень рад тебя видеть. Вот и я решил провести несколько дней на болоте, но только потому, что дышать здесь легче, чем в нашем родном городе.

– Это не навсегда, – поднялся Хейграст. – Я тоже рад тебя видеть, Негос. И тебя, Алдона!

Едва Хейграст произнес имя чуть полноватой, седой, но далеко не старой женщины, как Дан вспомнил и призрачного проводника, и его работу, которую тот продолжал выполнять и после смерти.

– Здравствуй, Хейграст, – низким грудным голосом произнесла женщина. – Вот мои парни, мне удалось уберечь их. К несчастью, Лемех, который учил старшего, погиб. Но мы... живы. Смегла сказала, ты что-то можешь рассказать о Нике?

– Почти ничего, – вздохнул Хейграст. – Поддай-ка мне пику, банги.

Алдона приняла из рук карлика пику, покачала головой, бросила ее в траву.

– Ты принес оружие Ника? Оно мне не нужно. Я все сделаю, чтобы мои дети не пошли путем своего отца. Чтобы они не стали причиной несчастья своих семей.

– Ник вовсе не хотел сделать тебя несчастной, – нахмурился Хейграст. – Баюл, забери пику. Теперь-то она уж точно твоя. Алдона, – нари выдержал паузу, поднял мешок, – я ничего не скажу тебе о Нике, кроме того что нашел место, где он погиб. Думаю, он был бы не против, если бы его оружие досталось его детям.

– Я против, – поджала губы Алдона. – Не скрою, Вик Скиндл рассчитался за Ника. Была у них какая-то договоренность, но теперь не осталось ничего. Мы сделали нищими. И все это по милости моего непутевого муженька!

– Что ж, – нехотя произнес Хейграст, – Ник не был баловнем судьбы, но даже собственную жизнь он отдал не по глупости, а от желания прокормить семью.

– Я ухожу, – развернулась Алдона.

– Подожди, – Хейграст поймал ее за руку, – возьми.

– Что это? – Алдона уставилась на золотые монеты, высыпанные нари в ее ладонь.

– Здесь те деньги, что Ник заплатил мне за пику. Она обошлась ему дорого, но не дороже того, что я в нее вложил. Я с удовольствием выкуплю ее обратно. К тому же здесь те монеты, которые я нашел на месте гибели Ника. Я не смог взять их себе. Считаю, что я обещал Нику передать их тебе.

– Что значат обещания? – проворчала Алдона, пересчитывая монеты. – Здесь точно вся сумма, что ты нашел возле того места, где погиб Ник?

– Уходи, Алдона, – напряженно прошептал Хейграст, – иначе я действительно подумаю, что Ник погиб зря.

Женщина бросила на нари взгляд, полный ненависти, подхватила молчаливо застывших детей за руки и двинулась обратно.

– Я проверю одежду. – Смегла мягко коснулась плеча мужа, подняла на руки Валли и пошла к дому.

– Не обижайся на Алдону, нари, – негромко пробурчал Негос. – Каждый элбан служит тому, что живет у него внутри. Ты ведь сам знаешь: чем беднее тан, тем злее у него слуги.

– Да поможет ей Эл обрести покой и не потерять остатки разума, – пробормотал Хейграст. – Меня порадовало уже то, что в глазах ее детей не было злобы. Запомни, Баюл, этих пареньков, рано или поздно пику придется передать одному из них. Такова воля их отца. Конечно, если судьба будет к нам милостива...

– Как скажешь, нари, – зевнул банги. – В таком случае я по-прежнему тебе за нее ничего не должен.

– Только в том случае, если ты ее не потеряешь, – грустно усмехнулся Хейграст, шагнул к шай, на мгновение обнял, хлопнул по плечу: – Знакомься, Негос! Это Баюл, искусный каменщик из Индаина. А это – известный тебе пес. Я рад тебя видеть, шай, но ничем не обрадую твой слух. Аддрадд напал на Салмию, Азра захвачена лигскими нари, Индаин – в руках врага. А чем порадуешь меня ты, старый друг?

– Боюсь, что радостные вести вовсе покинули равнину Уйкеас, – вздохнул сапожник, церемонно поклонившись вскочившему на ноги банги. – Конечно, они еще вернутся, но каж-

дую радостную весть будут сопровождать вереницы плохих. Меня уже радует, что жив ты, что жив этот паренек.

– Лукус погиб, – глухо бросил Хейграст.

– Смегла сказала, – шаи кивнул и присел на вытопанную траву. – Только сейчас не время плакать. Боль похожа на зерна маоки. Когда бросаешь их в землю, еще не чувствуешь вкуса лепешек, но рано или поздно... Не будем об этом. Вот держи, Дан, новую пару. Твои сапоги не перенесли топи. Так же как и твои, Хейграст. А уж про обувь банги и говорить нечего. Считай, Баюл, что башмаков у тебя вовсе не было. Примерьте-ка вот это.

– Никак ты захватил с собой всю мастерскую? – удивился Хейграст.

– Только то, что унес в карманах, – буркнул Негос. – Остальное... Бродус нашел на равнине воз кожи. Хозяева были порублены, а кожа осталась. Ладно, не о том ты спрашиваешь. Лучше запомни: если лезешь в сапогах в топь, туго подвязывай голенища, а сами сапоги жирно смазывай соком болотной травы. Вообще-то по болотам лучше босым ходить, но не по южной топи. Многовато заразы скрывается в ее глубинах. Ничего. Бродус с отрядом чуть ли не через три дня на равнину ходит, а сапоги у него как новые!

– А меч у него в порядке? – негромко спросил Хейграст.

– А вот придет сегодня вечером, сам у него и спросишь. – Негос поднял голову. – Только он ведь может то же самое и о твоём мече спросить. Или нет?

– Прости, Негос, – вздохнул нари. – Неправ я.

– Не извиняйся, мы все тут острее сапожного ножа, – прошептал шаи.

– Ну вот, – разряжая молчание, вскочил на ноги Баюл. – Признаюсь тебе, Негос, что в моем лице ты обрел постоянного клиента! Сколько я должен за эту чудесную обувь?

– Нисколько, – спокойно ответил шаи и кивнул на Хранда, усердно машущего молотом. – Или ты думаешь, что этот маленький кузнец работает за деньги? Вот придеешь ко мне в лавку в Эйд-Мер, тогда я и заломлю цену, но уже за следующую пару.

– Именно так и поступим! – Банги довольно притопнул. – А то смотри, я ведь в оплату готов и лавку твою подновить. Камень могу класть не хуже древних ари. Эх! Все бы хорошо в твоих сапогах, да вот только одежды не хватает!

– Ну это к Смегле, – ответил Негос. – А вот и она.

– Одежда в порядке! – крикнула от дома нарка. – Правда, придется кое-что зачинить. Алатель не пройдет и ладони по небу, как переоденетесь. Все уже высохло!

– Вот! – обрадовался Баюл. – Сухое и зашитое! А то я чувствую себя в этой ткани как ощипанный фазан в ночь перед праздником равноденствия. Все-таки в смысле одежки некоторые члены нашего отряда имеют несомненное преимущество.

Аенор, словно почувствовал, что речь идет о нем, поднял голову, старательно зевнул и снова принялся грызаться в кость.

– Да! – покачал головой Баюл. – И не еда вроде бы, а рот занят. И тут у него все в порядке!

– Что скажешь, Негос? – кивнул на Аенора Хейграст. – Что видишь, когда смотришь на этого пса? Что видишь, когда смотришь на нас? Что видишь, когда смотришь на небо над равниной Уйкеас? Не всякий способен видеть так, как ты!

– Он теперь способен. – Шаи протянул ладонь и потрепал Дана по плечу. – Может, не все понимает, жмурится, но видит уж точно больше, чем я. Ты все такой же, Хейграст, правда, боль тебя захлестнула под горло, а парень переменялся. Словно кожу поменял. Только и он внутри все тот же, тут ты волноваться не должен. Впрочем, рядом с тобой ржа не держится, это я знаю. Светлее элбана, чем Лукус, я вообще не встречал. Да и этому коротышке, что сейчас обиженную физиономию строит, тоже черноту скрывать не приходится.

– Ну уж благодарствую, – раздраженно поклонился Баюл. – Обо мне можно коротко. Я только одну похвалу приемлю, что крепок и красив дом, вот этими руками сложенный. Да и

то, такая похвала должна иметь выдержку побольше, чем лучшее лигское вино. Дом лишь на шестой дюжине лет за прочность начинать хвалить надо!

– Время теперь хлопотное, – прищурился Негос. – Может, и не дать нам этих шести дюжин. Ты, банги, ведь тоже видишь неплохо? Примерно как я, да и можешь кое-что? Черно небо на юге?

– Черно, Негос. – Баюл стал серьезным.

– Черно и сполохами багровыми отсвечивает, – кивнул Дан.

Хейграст молча взглянул на юг, где в белесой голубизне таяли обрывки облаков, вздохнул.

– Так если ржа возле меня не держится, стало быть, и пес чист?

– О нем разговор особый, – Негос с кряхтением присел на колоду и вытянул ноги. – Мне бы хотелось больше тебя послушать. Об Эйд-Мере-то рассказ позже будет, как Бродус вернется. Все новости у него. А мне-то что с чужих уст перекладывать? Я, как и твоя Смегла, в первый же день ушел. Только она тайным ходом ушла с детьми, когда Вадлин прибежал с утра с Райбой, сообщил, что в городе черные дела творятся. А я в тот день спустился со стены, решил кожу посмотреть на нижнем рынке. Кожи у меня было мало, что ли? Сам не могу понять, только понесла меня непонятная нужда, рынка-то уже несколько дней как не было. Если бы я свои предчувствия всегда точно понимал, уж наверное, дал бы знать Огану...

– Старик крепок оказался, – прошептал Хейграст.

– Крепок, да не слишком везуч, – опустил голову Негос. – С другой стороны, кто был умнее да везучее? Бродус, Чаргос? Эти, впрочем, начали уже и оружие в цитадель возить, почувствовали опасность, да только опоздали... Я внизу, Хейграст, стоял, когда эти... серые захватили главные ворота. Из троих стражников только старина Раиф поднял алебарду, чтобы защитить честь родного города, остальные сбросили шлемы сами. Да ведь эти серые словно порыв ветра. Голова Раифа так и полетела вниз по ступеням. Но алебарду солдат и мертвым не выпустил. Да и шлем с его головы не слетел... Я развернулся и пошел прочь.

Дан слушал медленные слова Негоса и вновь перебирал в голове то, что успел понять из причитаний Смеглы. Ее рассказ о том, как в тот самый день, когда их отряд выходил из Эйд-Мера, в доме оружейника появился Вадлин с обнаженным мечом. «Кровь пролилась на камни Эйд-Мера, – мрачно сказал старый солдат. – Враг в городе. Валгас празднует победу, а связанного и окровавленного Огана повезли в сторону северной цитадели. Собирайся, Смегла. Надо уходить». Больше он не проронил ни слова. Встал с обнаженным мечом у входа в лавку и конечно же погиб там. Стоило серым сразить немногочисленных защитников города, как пошли они по нужным адресам, и оружейная лавка была в списке не последней. Смегла металась по комнатам, собирая самое необходимое, а Хранд и Райба разбирали стенку в тайном ходе и натягивали самострелы. Уходили в те мгновения, когда в доме зазвенела сталь, загрохотали чужие сапоги и загремела чужая речь. Райба стояла в проходе и успела убить нескольких серых, пока подошедший по тайной тропе Бродус не схватил ее поперек туловища и не унес на руках. И еще с полдюжины серых было погребено в ущелье, когда сработала ловушка и камнепад обрушился на головы остервеневших врагов. Вряд ли где еще им было оказано сопротивление в Эйд-Мере. Некоторые из выбравшихся из города говорили, что в доме Хейграста и на тайной тропе серые потеряли больше, чем во всех остальных местах. Эйд-Мер отдал себя на растерзание как речная раковина, вынесенная волной на жаркий берег.

– Лукус встретил возле топи Милха, – негромко бросил Дан. – Отправил его в Сварию. Тот рассказал кое-что о том, что творится в городе. О казнях, о Валгасе, назвал имя нового правителя города – нари Антраста. Рассказал, как был убит Вадлин. Он не успел поразить ни одного серого. Погиб мгновенно.

– Не говори об этом Райбе, – сказал Негос, повернулся к псу и несколько мгновений рассматривал того так пристально, что Аенор насторожился, оставил кость и в свою очередь недоуменно уставился на шаи.

– О многом я бы хотел и сам тебя расспросить, Хейграст, – продолжил говорить Негос. – Особенно о Саше. Хотя пока мне достаточно, что он жив. А вот что касается пса, теперь я отвечаю. Я сталкивался с ним в Эйд-Мере: выходил из своей лавки, когда детвора кричала на улицах, что пьяница Бланг прогуливает сторожевого пса размером с лошадь. Глядел, приглядывался, только понять не мог. Все говорило о том, что рожден этот зверь в логове зла, первородной магией оплетен от носа до кончика хвоста, страшен как разъяренный демон, но страха я не чувствовал. А вот теперь, кажется, понял. Он как меч. Как клинок из лучшей стали. Выкован в кузне врага, да только не удержался у него в руках. И мало того что не удержался, не прилипло к нему зло. Или он крови не успел напиться, или смыло что-то эту кровь. Что-то посильнее летнего дождя на окраине равнины Уйкеас! – Негос засмеялся, натягивая на шею воротник куртки.

Дан поднял глаза: небо внезапно потемнело, но чернота пришла не с юга, а с севера, и, хотя гром еще был неслышен, заиграли зарницы и первые капли упали на лицо.

– Бродус! – донесся радостный крик Райбы. – Бродус вернулся!

Глава 12

Погоня

Что может быть хуже погони, если впереди у беглеца нет гостеприимной крепости с мощными воротами, а перед ними – глубокого рва, да еще желательно с подъемным мостом, что прогремит под ногами и спасительно пойдет вверх, а на стенах не стоит веселая и бесшабашная стража, способная смеяться и под градом стрел, потому что стрелы для нее неопаснее чем гнус летней ночью, – кто ж добьет на этакую высоту?

Ничего не может быть хуже. Разве только заточенный кол в имперском городишке и связанные руки и ноги. Что дает надежду беглецу, если враг настигает с двух сторон, пути в третью нет, а с четвертой – чужая даль, где ни знакомой тропинки, ни раскидистого деревца, ни укромного оврага? Ни даже одеяла, которым можно накрыться, чтобы зажмурить глаза, моля Эла о чудесном спасении!

Не слишком многое. Благодарность судьбе, что ноги не сбиты, сапоги целы, усталость не успела накопиться, а груз не слишком тяжел. Надежда, что ты сам окажешься чуть быстрее, чуть сильнее, чуть удачливее, чем твои преследователи. Не подводившее тебя оружие и верные спутники, каждый из которых чувствует то же самое. Главное – не знать точно, что тебе предстоит, потому что опасности лучше преодолевать частями, а дорогу – шагами, а не всей ее далью и тяжестью в одно мгновение. Хотя именно предвидение, и только оно, помогло бы избежать стольких неприятностей!..

Примерно такие мысли появлялись и исчезали в голове у Саша, когда Рамма плавно поднялся к зениту, а затем и пополз вниз. Уже были сброшены с тела все доспехи, кроме мантии Саша и черной кольчуги Линги. Остались только легкая одежда, мешки на спинах со скудным запасом пищи, копье Тиира, меч Саша и вторая черная кольчуга в его же мешке, лук, стрелы и меч Болтаира на поясе Линги, ее же меч у Леганда, потому как именно охотница оказалась вооруженной лучше других, а значит, несла большой груз. Да и сброшенная кольчуга ее билась о спину Леганда между мешочков с мазями и пучками лечебных трав. Почему бы не пробежаться почти налегке? С утра до полудня. С полудня до вечера.

Лица посекали колючие кусты, за которыми скрывалась вонючая илистая речка. Новая порция царапин легла на скулы на противоположном берегу. За бурьяном открылся еще один луг – шириной пару ли. Высокий лес показался на той стороне. Пахнуло гнилью из угрюмой, заполненной чахлыми деревцами топи по правую руку. Хорошо было бы еще узнать, откуда берутся силы у Леганда? Даже Линга, которая словно парила над травой, начала сдавать. Пот уже не скатывался с ее лба, а маслянисто блестел тусклой пленкой. Тиир дышал тяжело, но уверенно. Вот уже и середина луга под ногами, и лес начал приближаться так ощутимо быстро, словно был вычерчен на земле, и Саш неудержимо падал лицом в темно-зеленую стену.

– Быстрее! – обернулся Тиир. – Быстрее! Не меньше шести дюжин всадников, собаки за спиной. Они уже подошли к реке!

Саш обернулся на мгновение, увидел блеснувшие искры шлемов за волнистой полосой прибрежных зарослей, но тень леса уже накрыла их, и тут Тиир остановился:

– Не уйдем...

Курились костры. Дюжина островерхих шалашей, покрытых шкурами, выстроилась полукругом в просветах между деревьями. Замелькали, словно тени, странные фигуры удивительных людей. Блеснули глаза из-под косматых волос. Замельтешили тяжелые копья.

– Да их тут не меньше варма! – воскликнул Леганд.

– Вперед! – неожиданно почти захрипела Линга и побежала, повлекла за собой остальных вперед, мимо костра, мимо выстроившихся в ряд воинов, и только закричала, отчаянно

заорала, когда дикие люди готовы были встретить беглецов острыми наконечниками: – Там! Сзади! Смотрите назад! Там!..

Линга бежала впереди всех и тыкала пальцем, ладонью, всей рукой тыкала через плечо, показывая – там опасность, там враг, вот от кого надо спастись. Но уже летел над лесом ритуальный вой, уже обратились взгляды диких на юг, откуда все громче раздавался яростный лай идущих по следу собак.

– Стойте! – Леганд смахнул со лба липкий пот. – У нас есть несколько мгновений.

– С чего ты взял, что дикие задержат серых? – прохрипел Тиир. – Серые даже не останавливаются в их деревне!

– Остановятся! – твердо сказал Леганд. – Неужели ты не заметил волков, привязанных возле шалашей. Их там не меньше двух дюжин. Здоровенные зверюги. Они, конечно, громко не лают, но собак так просто не пропустят. Ты знаешь этот лес, принц?

– Откуда? – Тиир с трудом разогнулся. – Этот лес мало кто знает. Была охота прогуливаться так далеко от дома.

– Линга! – обернулся к охотнице Леганд.

– Не уйдем через лес, – покачала головой деррка. – Лес сухой, подлесок редкий. Воды, скорее всего, нет, следы не спрячем. Рано или поздно нагонят.

– Все ясно, – твердо кивнул Леганд и повернул вправо. – Спрячемся в топи.

– Да ты что?! – поднял брови Тиир. – Ты хоть раз бывал в топях Дарджи? Не знаю, как другие, но эта топь непроходима!

– А я и не собираюсь ее проходить! – откликнулся на ходу Леганд. – Мы будем в ней прятаться.

Они вышли на край топи перед самыми сумерками. Удушливая вонь стояла в воздухе. Из глубины бледно-зеленого марева, прореженного петлями болотной лианы, ползли клочья пара. Гудел гнус, и время от времени в отдалении что-то ухало, булькало и исходило протяжным стоном.

– Что это? – вздрогнула Линга, когда очередной стон раздался совсем близко.

– Не бойся, – успокоил ее старик, который медленно брел вдоль кромки твердого берега и вглядывался в яркие пятна зелени, пучки коричневой тины, ядовитые цветы и тонущие в черной жиже коряги. – Это дышит земля Дье-Лиа. Всякая земля должна время от времени дышать.

– Что мы ищем? – озабоченно спросил Тиир.

– А мы уже нашли, – спокойно ответил Леганд. – Видишь вон то растение с широкими листьями? Ты его знаешь?

– Откуда я могу знать, как называется какое-то растение в топи? – удивился принц.

– Это горшечница! – воскликнула Линга. – Ее довольно много вдоль берегов гиблой топи. Но почему она здесь? И чем она нам поможет?

– Вот! – поднял палец Леганд. – Чем она поможет, это другой вопрос. А почему она здесь, это и вовсе не вопрос. Она здесь дома, а в Эл-Лиа – в гостях. Уже многие лиги лет. Занес кто-то семя на сапоге. Кто-то из подданных Бренга, когда миры еще не были разделены, больше некому. Когда вон те большие желтые цветы, что замерли в варме локтей от берега, созревают, они превращаются в серые шары, которые с шумом лопаются и далеко разбрасывают семена.

– Подожди! – не понял Тиир. – Мы уже прошли дюжину таких зарослей, не меньше трех ли протопали вдоль берега, дважды возвращались, почему ты остановился именно здесь?

– Здесь листья начинаются от самого берега, – объяснил Леганд. – Горшечница не везде растет. Если глубина больше четырех локтей, не увидишь ни листьев, ни цветов. Причем ей нужен твердый грунт. Луковица должна лежать или на песке, или на галечнике, или на глине

– неважно. Пусть над дном будет хоть три локтя ила, луковица пробьется к твердой породе, но от нее до поверхности воды не может быть больше четырех локтей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.